

ISSN 2658-4034

RUSSIAN JOURNAL OF EDUCATION AND PSYCHOLOGY

Volume 15, Number 1
2024

Russian Journal of Education and Psychology

Том 15, № 1
2024

Vol. 15, No. 1
2024

Главный редактор

Кисляков П.А. доктор психологических наук, профессор, профессор факультета психологии ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет» (Москва, Российская Федерация)

Заместители главного редактора

Аминов Т.М. доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики, Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы (Уфа, Российская Федерация)

Магсумов Т.А. доктор исторических наук, доцент, доцент кафедры педагогики и психологии им. З.Т. Шарафутдинова ФГБОУ ВО «Набережночелнинский государственный педагогический университет» (Набережные Челны, Российская Федерация)

Шеф-редактор – Максимов Я.А.

Выпускающие редакторы – Доценко Д.В., Максимова Н.А.

Корректор – Зливко С.Д.

Компьютерная верстка, дизайн – Орлов Р.В.

Технический редактор, администратор сайта – Бяков Ю.В.

Ответственный секретарь – Коробцева К.А.

Russian Journal of Education and Psychology

Специализированный академический рецензируемый журнал
Peer-reviewed specialized academic journal

Периодичность. 6 номеров в год / Periodicity. 6 issues per year

Том 15, № 1, 2024 / Vol. 15, No 1, 2024

Учредитель и издатель:

ООО Научно-инновационный
центр

Журнал основан в 2009 году

Зарегистрирован в Федеральной службе
по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

Свидетельство регистрации
ПИ № ФС 77-74551 от 07.12.2018 г.

Журнал **входит** в Перечень ведущих
рецензируемых научных журналов
и изданий, выпускаемых в РФ, в которых
должны быть опубликованы основные
научные результаты диссертаций на соискание
ученой степени доктора и кандидата наук

Индексирование и реферирование:

РИНЦ

Ulrich's Periodicals Directory

Cyberleninka

Google Scholar

DOAJ

BASE

EBSCO

WorldCat

OpenAIRE

ЭБС IPRbooks

ЭБС Znanium

ЭБС Лань

Адрес редакции, издателя

и для корреспонденции:

Россия, 660127, Красноярский край,
г. Красноярск, ул. 9 Мая, 5 к. 192

E-mail: editor@rjep.ru

<http://rjep.ru/>

+7 (995) 080-90-42

Founder and publisher:

Science and Innovation Center
Publishing House

Founded 2009

The edition is registered
by the Federal Service
of Intercommunication and Mass
Media Control

Mass media registration certificate
PI № FS 77-74551,
issued December 07, 2018.

Russian Journal of Education
and Psychology is **included** in the List
of leading peer-reviewed scientific journals
and publications issued in the Russian Federation,
which should publish main scientific results
of doctor's and candidate's theses

Indexing and Abstracting:

RSCI

Ulrich's Periodicals Directory

Cyberleninka

Google Scholar

DOAJ

BASE

EBSCO

WorldCat

OpenAIRE

IPRbooks

Znanium

Lan[?]

Editorial Board Office:

9 Maya St., 5/192, Krasnoyarsk,

660127, Russian Federation

E-mail: editor@rjep.ru

<http://rjep.ru/>

+7 (995) 080-90-42

Свободная цена

© Научно-инновационный центр, 2024

Члены редакционной коллегии

Психологические науки

Белоусова Алла Константиновна – доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой «Психология образования и организационная психология», Донской государственный технический университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Дмитриева Елена Ермолаевна – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры специальной педагогики и психологии, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина» (Нижний Новгород, Российская Федерация);

Дьячков Алексей Анатольевич – кандидат психологических наук, доцент, начальник кафедры общей и прикладной психологии факультета морально-психологического обеспечения, ФГКВОО ВО «Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии Российской Федерации» (Санкт-Петербург, Российская Федерация);

Елианский Сергей Петрович – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры психологии труда и психологического консультирования, ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет» (Москва, Российская Федерация);

Коржова Елена Юрьевна – доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой психологии человека, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Российская Федерация);

Марицук Людмила Владимировна – доктор психологических наук, профессор, кандидат педагогических наук, профессор кафедры психологии и конфликтологии, Филиал Российского государственного социального университета в г. Минске (Минск, Республика Беларусь);

Пергаменик Леонид Абрамович – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры социальной и семейной психологии, Белорусский государственный педагогический университет им. Максима Танка (Минск, Республика Беларусь);

Прохоров Александр Октябрьнович – доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей психологии, Казанский (Приволжский) федеральный университет (Казань, Российская Федерация);

Прыгин Геннадий Самуилович – доктор психологических наук, профессор, ФГБОУ ВО "Набережночелнинский государственный педагогический университет" (Набережные Челны, Российская Федерация);

Ситников Валерий Леонидович – доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой возрастной психологии и педагогики семьи института дет-

ства, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Российская Федерация);

Сорокоумова Светлана Николаевна – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры социальной, общей и клинической психологии, профессор Российской академии образования, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный социальный университет» (Москва, Российская Федерация);

Фурманов Игорь Александрович – доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии факультета философии и социальных наук, Белорусский государственный университет (Минск, Республика Беларусь);

Черемошкина Любовь Валерьевна – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры психологии образования, Московский педагогический государственный университет (Москва, Российская Федерация);

Шмелева Елена Александровна – доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры теории и методики физической культуры и спорта, Российский государственный социальный университет (Москва, Российская Федерация);

Щербакова Татьяна Николаевна – доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии, Ростовский институт повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования, Донской государственный технический университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Педагогические науки

Agata Cudowska – prof. dr hab., University of Białystok (Белосток, Польша);

Bădicu Georgian – Ph.D., Professor, Transilvania University from Brasov (Брашов, Румыния);

Bohdana Richterová – Ph.D., Assistant Professor, University of Ostrava (Острава, Чехия);

Softja Vrcelj – Ph.D., Professor, University of Rijeka (Риека, Хорватия);

Jasminka Zloковиć – Ph.D., Professor, University of Rijeka (Риека, Хорватия);

Адольф Владимир Александрович – доктор педагогических наук, кандидат физико-математических наук, профессор, зав. кафедрой педагогики, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева (Красноярск, Российская Федерация);

Бабаян Анжела Владиславовна – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры креативно-инновационного управления и права, ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет» (Пятигорск, Российская Федерация);

Барахович Ирина Ильинична – доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры Технологии и предпринимательства, Красноярский государственный

педагогический университет им. В.П. Астафьева (Красноярск, Российская Федерация);

Бердичевский Анатолий Леонидович – доктор педагогических наук, профессор, Университет прикладных наук Вены (Вена, Австрия);

Быстрицкая Елена Витальевна – доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры теоретических основ физической культуры, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина» (Нижний Новгород, Российская Федерация);

Власюк Ирина Вячеславовна – доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии и педагогики, ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет» (Волгоград, Российская Федерация);

Волкова Марина Владиславовна – доктор педагогических наук, директор ЧУ «НИИ Педагогики и Психологии» (Чебоксары, Российская Федерация);

Ежкова Нина Сергеевна – доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры психологии и педагогики, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого (Тула, Российская Федерация);

Зосименко Оксана Викторовна – кандидат педагогических наук, доцент, зав. кафедрой педагогики, специального образования и менеджмента, член-корреспондент Академии международного сотрудничества по креативной педагогике, Сумский областной институт последипломного педагогического образования (Сумы, Украина);

Ившина Галина Васильевна – доктор педагогических наук, профессор, директор Научно-технической библиотеки КНИТУ-КАИ им. А.Н. Туполева (Казань, Российская Федерация);

Каменский Алексей Михайлович – доктор педагогических наук, доцент, директор ГБОУ лицея №590 Красносельского района Санкт-Петербурга (Санкт-Петербург, Российская Федерация);

Мухаметшин Азат Габдулхакович – доктор педагогических наук, профессор, первый проректор, ФГБОУ ВО «Набережночелнинский государственный педагогический университет» (Набережные Челны, Российская Федерация);

Мухина Татьяна Геннадьевна – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры социальной безопасности и гуманитарных технологий, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского» (Нижний Новгород, Российская Федерация);

Наумов Петр Юрьевич – кандидат педагогических наук, помощник начальника по правовой работе ФГКУЗ "Центр военно-врачебной экспертизы войск национальной гвардии Российской Федерации" (Москва, Российская Федерация);

Руднева Елена Леонидовна – доктор педагогических наук, профессор, заведующий межвузовской кафедрой общей и вузовской педагогики Института обра-

зования, ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет» (Кемерово, Российская Федерация);

Сатторов Абдуракул Эшбекович – доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой алгебры и геометрии, Бохтарский госуниверситет имени Носира Хусрава Республики Таджикистан (Бохтар, Республика Таджикистан);

Серякова Светлана Брониславовна – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры социальной педагогики и психологии, ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет» (Москва, Российская Федерация);

Синагатуллин Ильгиз Миргалимович – доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики и методики начального образования, Бирский филиал Башкирского государственного университета (Бирск, Российская Федерация);

Соловьев Александр Николаевич – доктор педагогических наук, декан факультета довузовской подготовки, Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ) (Москва, Российская Федерация);

Федотенко Инна Леонидовна – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры психологии и педагогики, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого (Тула, Российская Федерация);

Чернявская Валентина Станиславовна – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры философии и юридической психологии, ФГБОУ ВО «Владивостокский государственный университет экономики и сервиса» (Владивосток, Российская Федерация);

Щербакова Елена Евгеньевна – доктор педагогических наук, кандидат психологических наук, профессор, профессор кафедры Общей и социальной педагогики, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина» (Нижний Новгород, Российская Федерация).

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ

EDUCATIONAL AND
PEDAGOGICAL STUDIES

DOI: 10.12731/2658-4034-2024-15-1-431

УДК 37.013

Научная статья | Общая педагогика, история педагогики и образования

ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ВЛИЯНИЕ
РЕЛИГИОЗНОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА ПРАВОСОЗНАНИЕ
ОБУЧАЮЩЕГОСЯ

О.Т. Сланов

***Цель.** Статья посвящена проблеме влияния религиозного сознания на правосознание обучающихся. Целью данной работы является исследование влияния религиозного образования на формирование правосознания школьников и студентов в современной российской социокультурной ситуации.*

Работа направлена на выявление роли религиозности и традиционных ценностей в поддержании высоких моральных принципов, единства общества, а также на определение эффективности педагогического воздействия религиозного образования на правосознание молодежи.

***Материалы и методы.** В работе проводится анализ отечественных и зарубежных исследований, посвященных влиянию религиозного образования на правосознание. При этом акцентируется внимание на исследованиях, которые связаны с педагогическим воздействием религиозного образования на правосознание.*

***Результаты.** Автор приходит к выводу, что эффективным будет введение в педагогическую деятельность блока предметов,*

связанных с религиозным образованием надконфессионального характера, способствующего единству и воспитанию граждан на основе общих ценностей.

Результативность современного образования связана не только со знанием, но и с внутренним осмыслением, требующим самостоятельных решений обучающихся. Религиозное образование и его педагогический метод, основанный на любви и заботе с учетом приоритета духовности, способен формировать гражданскую идентичность. Важна роль диалога, творчества и проектной работы для глубокого понимания и ценностного развития, содействия созданию общества, базирующегося на взаимопонимании и уважении.

Религиозное образование в таком контексте выступает как основа диалога и взаимопонимания, что обеспечивает основу для взаимоуважения и мирного сосуществования между различными религиозными традициями.

Область применения результатов. Исследования могут быть использованы для обновления образовательной системы, внедрения новых подходов к обучению, основанных на взаимопонимании, уважении и диалоге. Это включает в себя разработку и внедрение модулей, связанных с религиозным образованием надконфессионального характера, которые могут способствовать единству и воспитанию граждан на основе общих ценностей.

Результаты настоящей работы могут быть применены как при подготовке преподавателей, так и непосредственно в рамках организации правового образования в образовательных организациях.

Ключевые слова: правосознание; религиозное образование; педагогика; религия; право; светское государство; идентичность; духовное развитие личности; деформация правосознания; профилактика деформации правосознания

Для цитирования. Сланов О.Т. Педагогическое влияние религиозного образования на правосознание обучающегося // *Russian Journal of Education and Psychology*. 2024. Т. 15, № 1. С. 7-31. DOI: 10.12731/2658-4034-2024-15-1-431

Original article | General Pedagogy, History of Pedagogy and Education

THE PEDAGOGICAL INFLUENCE OF RELIGIOUS EDUCATION ON THE LEGAL CONSCIOUSNESS OF A STUDENT

O. T. Slanov

Purpose. *The article is devoted to the problem of the influence of religious consciousness on the legal students' consciousness. The purpose of this work is to study the influence of religious education on the formation of legal consciousness of schoolchildren and students in the modern Russian sociocultural situation.*

The work is aimed at identifying the role of religiosity and traditional values in maintaining high moral principles, the unity of society, as well as determining the effectiveness of the pedagogical impact of religious education on the legal consciousness of young people.

Methodology. *The work analyzes domestic and foreign research on the influence of religious education on legal consciousness. At the same time, attention is focused on research that is related to the pedagogical impact of religious education on legal consciousness.*

Results. *The author comes to the conclusion that it will be effective to introduce into teaching activities a block of subjects related to religious education of a supra-confessional nature, promoting unity and education of citizens based on common values.*

The effectiveness of modern education is associated not only with knowledge, but also with internal comprehension, which requires independent decisions of students. Religious education and its pedagogical method, based on love and care, taking into account the priority of spirituality, is capable of shaping civic identity. The role of dialogue, creativity and project work is important for deep understanding and value development, promoting the creation of a society based on mutual understanding and respect.

Religious education in such a context acts as a basis for dialogue and mutual understanding, which provides the basis for mutual respect and peaceful coexistence between different religious traditions.

Practical implications. *Research can be used to update the educational system, introducing new approaches to learning based on mutual understanding, respect and dialogue. This includes the development and implementation of modules related to religious education, of a supra-confessional nature, which can promote unity and the education of citizens on the basis of common values.*

The results of this work can be applied both in the training of teachers and directly within the framework of the organization of legal education in educational organizations.

Keywords: *legal consciousness; religious education; pedagogy; religion; law; secular state; identity; spiritual development of the individual; deformation of legal consciousness; prevention of deformation of legal consciousness*

For citation. *Slanov O.T. The Pedagogical Influence of Religious Education on the Legal Consciousness of a Student. Russian Journal of Education and Psychology, 2024, vol. 15, no. 1, pp. 7-31. DOI: 10.12731/2658-4034-2024-15-1-431*

Введение

В современной социально-культурной ситуации в России, в условиях сложной международной ситуации и украинско-российского конфликта одними из приоритетных задач и общества в целом, и государства являются сохранение единства и поддержание высоких моральных принципов. Религиозность и традиционные ценности становятся той опорой, которая позволяет российскому обществу в непростых условиях сохранять собственную национальную идентичность. В тоже время одним из постулатов развития стабильного и благополучного общества является правосознание — понимание и применение моральных и юридических норм, поддержание законности и борьба с деструктивными явлениями, в том числе, экстремизмом. Полагаем, что наиболее эффективным станет повышение правосознания в обществе через развитие мировоззрения населения. Это развитие, несомненно, должно длиться всю жизнь индивида, однако самым результативным является период обучения в детстве

и юношестве. Именно поэтому становится актуальной тема педагогического влияния религиозного образования на правосознание школьников и студентов.

Научная новизна исследования

Научная новизна исследования заключается в глубоком анализе воздействия религиозного образования на формирование правосознания. Авторы выявляют, как секуляризация изменяет восприятие неотчуждаемых прав, превращая их в понятие о правах индивида, оторванных от связи с Богом. В свете современного гуманистического взгляда, религиозное образование представляется как фактор, объединяющий свободу и права с идеей служения, взаимопомощи и взаимоподдержки.

Исследование также выделяет, что надконфессиональное религиозное образование формирует базовые установки через обучение общечеловеческим предписаниям, акцентирует ценность семейных отношений и предоставляет социальные доктрины, подчеркивающие идеи служения и исполнения долга перед Богом, обществом и людьми. Это дает новый взгляд на религиозное образование как ключевой элемент формирования ценностей и правосознания, особенно в контексте современных трансформаций и секуляризации.

Материалы и методы исследования

Стоит отметить, что проблеме влияния религиозного образования на правосознание посвящено не так много работ, как хотелось бы. Чаще всего исследователи уделяют внимание взаимодействию религии и системы взглядов индивида на право. Ю.К. Погребная указывает, что религия придает высший смысл праву, предотвращая релятивизм и нигилизм. Творчество в праве, как и в культуре, связано с религиозностью, и без нее нельзя достичь подлинной правовой культуры и правосознания [1]. О.В. Лещенко отмечает, что наиболее эффективное применение религии в колониях для несовершеннолетних влияет на формирование у осужденных ценностных ориентаций и нравственных установок, способствуя развитию правосознания. Симбиоз религии и правосознания способствует по-

зитивному мышлению, формированию правильного поведения и повышению правовой культуры несовершеннолетних осужденных [2].

Т.А. Сенюшкина указывает, что формирование правосознания в России связано с православием, и истоки русской правовой культуры обнаруживаются в православном мировоззрении. Русская философия права, основанная на православных ценностях, превосходит западную рационалистическую. Внутренняя логика отечественной философско-правовой традиции формируется в контексте православной философии права. Результаты авторского исследования подтверждают, что истоки русского правосознания уходят в православную веру, где правовая жизнь тесно переплетена с религиозной [3].

О.А. Пырков отмечает, что правосознание – компромисс между правовыми и моральными нормами: они взаимодействуют, создавая область общественных отношений с урегулированием, но не всегда приводящим к результату. Нравственный выбор человека отражает свободу, ответственность и совесть. Религия и правосознание влияют на поведение людей в процессе обеспечения законности и правопорядка [4]. Непосредственно проблемы религиозного образования и правосознания касались такие авторы, как Р.М. Скулаков и Э.К. Джамалова. Они утверждали, что образование должно включать разнообразие религий и культур для формирования многообразного правосознания. Право и религия, не противореча друг другу, служат мерилom поведения и способствуют спокойствию в обществе [5].

В зарубежной литературе мы можем указать на две работы по интересующей нас тематике. А. Манеа определяет, что современное правосознание стремится сочетать моральное знание и действия, создавая среду для интериоризации социальной морали в личности учащихся. Взаимодействие между ценностями нравственного воспитания и религиозного образования дополняет друг друга. Эффективность валоризации религиозного образования в укреплении правосознания молодежи зависит от способности учителей интегрировать этические ценности и религиозные принципы в образовательный процесс [6]. Эндрю Болтон указывает, что учебные программы, которые высоко оценивают разнообразие, и стремление к лучшему

миру через межрелигиозное взаимодействие предоставляют детям шанс развиваться как целостным и бесстрашным личностям. Поддержка традиций способствует формированию устойчивой индивидуальности, способной противостоять экстремистским идеологиям и обладающей высоким уровнем правосознания [7].

Анализ публикаций показывает, что проблеме педагогического влияния религиозного образования на правосознание обучающихся уделяется, несмотря на всю актуальность, не так много внимания. В данной статье мы наметим основные направления в изучении интересующей нас темы.

Прежде чем перейти непосредственно к проблеме педагогического влияния на правосознание, хотелось бы отметить специфику понятия «религиозное образование». В соответствии со статьей 14 Конституции, Россия – светское государство; это означает, что религиозные организации «отделены от государства и равны перед законом». В тоже время, принцип светскости означает, что в государственных образовательных учреждениях не могут преподаваться религиозные предметы той или иной конфессии. В статье 87 Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 19.12.2023) «Об образовании в Российской Федерации» указано, что в основных образовательных программах могут быть «учебные предметы, курсы, дисциплины (модули), направленные на получение обучающимися знаний об основах духовно-нравственной культуры народов Российской Федерации, о нравственных принципах, об исторических и культурных традициях мировой религии». Эти предметы должны носить светский характер, а их выбор зависит от желания родителей или законных опекунов. Частные образовательные учреждения имеют право включать в свои учебные программы курсы и дисциплины с религиозным компонентом, данные программы должны быть согласованы с соответствующей религиозной организацией. Таким образом, Россия является светским, но не атеистическим государством, в котором допускается формирование знаний о религиозных традициях в государственных образовательных учреждениях и преподавание религиозных дисциплин в частных.

В государственных школах был введён учебный модуль «Основы религиозных культур и светской этики»: согласно статистическим данным на 2022 год, «42% школьников обучаются по предмету “Основы светской этики”, 36% – “Основы православной культуры”, 3,5% обучающихся выбирают основы исламской культуры, менее одного процента школьников изучают основы буддистской культуры и основы иудейской культуры» [8]. Приоритетный выбор предмета «Основы светской этики» может свидетельствовать о том, что ряд российских семей предпочитают оставить за собой передачу знаний о религии. В таком контексте среди исследователей возникла дискуссия, что же необходимо российскому обществу: религиозное образование или образование о религии. В результате дискуссии доминирующими стали две позиции: первая — религиозное образование должно носить надконфессиональный характер, «новая модель гражданской религии, которая стала бы объединяющим фактором, воспитывающим человека и гражданина на основании базовых ценностей, общепринимаемых и разделяемых как светским сознанием, так и религиозным, с учетом национальных, религиозных и исторических традиций» [9, с. 130]. В таком контексте религиозное образование способствует единству и воспитанию граждан на основе общих традиционных ценностей, принимаемых различными слоями общества.

О надконфессиональном образовании говорит и М.Р. Бигнова. Она указывает, что формирование гражданского самосознания и общероссийской гражданской идентичности в образовании направлено на осознание важности гражданского единства народов России, способствует воспитанию патриотизма. Этот принцип реализуется через поиск общности в духовно-нравственной жизни, культуре, религии и истории народов России. Гражданская идентичность включает понимание исторического и правового единства, основываясь на преемственности ценностей и перспективах социального и научно-технического прогресса [10].

Вторая точка зрения предлагает рассматривать «неконфессиональное образование», которое предполагает уважительный и научный

подход к передаче знаний о религии. «Подход опирается на принцип “обучения у религий” и предполагает не просто представление учащимися гуманистических универсальных ценностей, а построение мыслительных конструкций, что ведет к пониманию значимости этих ценностей, и, как результат, к формированию установок, в основе которых лежат эти ценности» [11, с. 127]. Эта позиция более прагматична и во многом соответствует существующей ситуации в государственных образовательных учреждениях.

В данной статье мы будем придерживаться первой позиции и рассматривать религиозное образование как общепринимаемые религиозные ценности.

Таким образом, в России, светском, но не атеистическом государстве, религиозное образование имеет своеобразную динамику. Государственные школы предлагают учебный модуль «Основы религиозных культур и светской этики», где предпочтение отдается светской этике. Дискуссия о необходимости религиозного образования ведется в контексте его надконфессионального характера, способствующего единству и воспитанию граждан на основе общих ценностей. Однако есть и прагматичная точка зрения, предлагающая рассмотрение «неконфессионального образования», уважительного и научного в передаче знаний о религии.

Результаты исследования

Религиозное образование оказывает существенное влияние на правосознание, формируя у людей набор ценностей, этических принципов, моральных и юридических норм, понимание социальной справедливости. Секуляризация изменила восприятие высоких принципов неотчуждаемых прав человека, превращая их в понятие о правах индивидуума, оторванном от связи с Богом [12]. Защита свободы личности эволюционировала в защиту своеволия при условии, что оно не вредит другим. Современное светское гуманистическое представление гражданских прав рассматривает человека как самодостаточный субъект, независимый от образа Божия. В религиозном правосознании идея свободы и прав человека тесно связана

с идеей служения, где права нужны для осуществления высокого призвания «подобия Божия». Секуляризация также привела к доминированию теории естественного права, не учитывающей падшести человеческой природы. Несмотря на это, она сохранила связь с религиозной традицией, основываясь на убеждении в присущих человеку понятиях добра и зла. Эта теория вплоть до XIX века привела к принципам исторической непрерывности правового поля и прецедентности в судебных решениях, согласно Правде Божией. Надконфессиональное религиозное образование включает в себя универсальные доктринальные положения, которые свойственны для всех религиозных систем. Все многообразие религиозного вероучения можно разбить на несколько образовательных модулей.

Первый модуль, который мы можем отметить, это общечеловеческие предписания, известные нам как «заповеди». Например, «не убий», «не укради» вряд ли вызовут споры у приверженцев разных конфессий. Кроме базовых норм, для любой религии абсолютно важна жизнь человека, его спасение и освобождение. Полагаем, таким образом, что базовые установки и ценность каждой личности – это то, что может привить религиозное образование и одновременно это то, что закладывает основы для правосознания и индивида, и общества.

Второй модуль, который можно использовать в педагогической деятельности – это акцентуация внимания на предписании о ценности семьи и семейных отношений. В любой религии провозглашаются и поддерживаются семейные ценности, приверженность им упорядочивает мышление, положительно влияет на восприятие установлений. Семья становится тем базисом, который позволяет конструировать человеку свое окружение, проявлять идентичность и осознавать принадлежность к правовой общности.

Третий модуль – религиозные социальные доктрины; именно в таких документах заложены основные вероучительные положения о власти, праве и государстве. Так, например, в документе Русской православной церкви указано, что «для христианского правосознания идея свободы и прав человека неразрывно связана с идеей слу-

жения, чтобы он мог исполнить свой долг перед Богом и Церковью, перед другими людьми, семьей, государством» [12].

Таким образом следует отметить, что религиозное образование оказывает глубокое воздействие на формирование правосознания, придавая людям ценности, этические принципы и представления о социальной справедливости. Секуляризация изменяет восприятие неотчуждаемых прав человека, превращая их в понятие о правах индивида, оторванных от связи с Богом. В современном светском гуманистическом видении гражданских прав человек рассматривается как самостоятельный субъект, свободный от образа Божия.

В таком контексте надконфессиональное религиозное образование позволяет утверждать, что в правосознании свобода и права тесно связаны с идеей служения, взаимопомощи и взаимоподдержки. Религиозное образование, включая универсальные доктринальные положения, формирует базовые установки каждой личности через обучение общечеловеческим предписаниям, подчеркивает ценность семейных отношений и предлагает социальные доктрины, утверждающие идеи служения и исполнения долга перед Богом, обществом и людьми.

Педагогика закладывает установки, формирующие правосознание и стимулирующие правовую активность. Они служат целевым ориентиром, наполняя правовое сознание смыслом и влияя на восприятие правовых явлений [13]. Формирование объективного правового сознания, основанного на правовых установках, приводит к правомерному поведению и готовности действовать в соответствии с правовой информацией. Факторы формирования правовой культуры включают усвоение нравственных ценностей и социальные аспекты, такие как социальная ситуация, государственная политика, доступность информации и интеграция в общество. Недостатки в правовом воспитании могут привести к деформации правового сознания и повышению уровня неправомерного поведения, акцентируя важность осведомленности обучающихся о действующем законодательстве [14].

Обсуждение результатов

Религиозное образование

Цель религиозного образования состоит в том, чтобы посредством учебной программы передать знания о ценностях и религиозных традициях, дать обучающимся гражданскую и моральную идентичность, которая лежит в основе правосознания. «Духовное начало, – указывает В.М. Меньшиков, – это онтологическая реальность, его необходимо целенаправленно развивать. Это, в свою очередь, требует духовного воспитания, потому что вне воспитания ничто в человеке, ни одна сторона, ни одна сфера, не развивается. И воспитание должно начинаться с рождения ребенка, продолжаться в детском саду и далее на всех ступенях общеобразовательной школы и высшей школы» [15]. Потенциальное достоинство такого образования состоит в том, что оно знакомит учащихся с глубокими моральными, гражданскими и религиозными традициями, которые дают почву, на которой они могут стоять в противостоянии материализму, плюрализму, бездумному индивидуализму и релятивизму. Исследуя экзистенциальные глубины жизни и опыта, религиозное образование воспитывает трезвость и моральную серьезность [16]. Как указывает С.Ю. Дивногорцева, религиозное образование должно быть не преподаванием, а организацией образа жизни в школе на основе христианских ценностей. Педагогический подход, основанный на любви, заботе, соборности и внимании к внутренней свободе личности, приоритете духовности перед интеллектуальным подходом для формирования гражданской идентичности. Православные верования и нравственные принципы могут быть объектами обучения, но их внутреннее осмысление требует самостоятельных решений. Диалог, творческая деятельность и проектная работа эффективны для понимания и формирования смысла знания. Важно развивать способность слушать, признавая, что обучение должно включать и рассказ, и делание и зависит от содержания, темы и умений педагога [17].

Одна из главных задач религиозного образования – это преодоление негативных тенденций в обществе; к таковым мы можем отнести

межнациональное напряжение, межконфессиональные проблемы, проявления экстремизма. Различия между людьми могут возникать на любом уровне человеческого опыта, и, хотя большинство из них успешно преодолеваются в контексте продолжающихся отношений, они могут стать поводом для разделения [15, с. 89-90]. Понятно, что различия между группами в тех моментах, которые воспринимаются как важные и являются центральными для чувства идентичности группы, имеют гораздо больший потенциал привести к действиям, которые будут угрожать благополучию и эффективному функционированию общества.

Свободное развитие религиозного образования предполагает самоопределение людей в обществе, исключает монополию атеистического взгляда. Непонимание и противодействие преподаванию религиозной культуры связаны с идентичностью этого образования, его связью с религиозной общиной. Эта идентичность создает альтернативу релятивизму, сохраняет историческую преемственность [18, с. 122]. Религиозное образование должно учить тому, что различные религии не конкурируют друг с другом, и эта интерпретация также должна стать частью самоидентичности и самопонимания самих различных религиозных общин.

Религиозное образование всегда играло довольно заметную роль в российском образовании, и на протяжении большей части его истории оно было конфессиональным. Это, несомненно, отражает те факты, что современная система образования восходит к инициативе и финансовой поддержке Русской православной церкви. С начала девятнадцатого века Церковь основывала школы, готовила учителей и организовывала ежедневную учебную программу для миллионов учеников [19]. Традиция была прервана в 1918 году, когда был принят «Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви». Стоит отметить, что переход от религиозного образования к светскому в европейских странах имел постепенный характер, в России мы можем констатировать насильственное вмешательство в систему обучения. Это было связано с несколькими постулатами. Во-первых, РПЦ и другие религиозные объединения рассматрива-

лись как враги Советского государства [20, с. 38]. Во-вторых, была убежденность в том, что религиозное образование носит идеологический характер, в таком контексте органы советской власти рассматривали религиозные организации как идеологического противника [20, с. 48]. В-третьих, разгром религиозного образования связан с артистическим и антирелигиозным мировоззрением, которые были в коммунистической партии непреложными догматами.

Здесь особо стоит опровергнуть точку зрения, которая сближает религиозное образование с идеологией. Институты внушают идеологию, когда они избирательно подходят к информации и знаниям, которые они передают; запрещают и порицают критику; а также когда к отдельным людям относятся по-разному на основании их приверженности убеждениям и ценностям института, и так далее. В современном религиозном образовании таких тенденций мы не наблюдаем, что доказывает нам, что религиозное образование и идеология несопоставимы.

Во-первых, религии в целом и христианство в частности признают, что религиозные верования и убеждения должны быть свободно выбраны, чтобы иметь религиозную ценность. Можно принудить к убеждению с помощью социального давления или психологических приемов, но подлинную убежденность и веру невозможно принудить таким способом; и, по-видимому, Бог обладает необходимым совершенством, чтобы знать, является ли вера человека подлинной и аутентичной или нет. Во-вторых, в обществе, где люди неизменно подвергаются воздействию различных систем убеждений и ценностей, есть некоторые свидетельства, позволяющие предположить, что попытки установить и привить религиозные убеждения в школах исключительно иррациональными средствами в итоге обречены на провал, поскольку от убеждений отказываются при выходе из воспитательного контекста. Сторонники религиозного образования указывают, что религиозные убеждения и практика могут повысить личную автономию, освобождая людей от желаний, мотиваций и действий, которые препятствуют ответственным, самостоятельным решениям и поведению.

Таким образом, религиозное образование в России направлено на формирование гражданской и моральной идентичности, важной для правосознания. Свободное развитие этого образования позволяет сохранять историческую преемственность и альтернативу релятивизму. Религиозное образование должно учитывать надконфессиональный характер, предостерегая от идеологизации. Оно играет важную роль в преодолении межнационального напряжения и экстремизма. Дискуссия о нем ведется в контексте создания объединяющей гражданской религии и приверженности универсальным ценностям. Религиозное образование воспитывает трезвость и моральную серьезность, предоставляя знания о религиозных традициях для стойкости перед вызовами современного общества.

Религиозное образование и современное общество

Хорошая возможность понять задачи современного религиозного образования – это соотнести религиозное образование с религиозной ситуацией в обществах. В результате действий советской власти считалось, что религия пришла в упадок из-за сил рационализации и модернизации. Это предположение оказалось не очень реалистичным [21]. Посмотрим данные социологического исследования Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) [22]. Из опроса видно, что православие продолжает оставаться наиболее распространенной религией в России (57% респондентов), с исламом себя идентифицируют 5% респондентов, а неверующих 19%. В отношении роли религии в жизни россиян усиление ее значения наблюдается за три десятилетия, причем доля тех, кто считает религию очень важной, выросла с 6% в 1993 году до 15% в 2023 году [22].

По данным другого исследования, Русская православная церковь (РПЦ) продолжает играть важную роль в российском обществе, формируя ценности, участвуя в духовно-нравственном воспитании и способствуя социальной сплоченности. Влияние церкви, согласно опросу, особенно акцентировано в сфере духовно-нравственного состояния общества; отношение к влиянию РПЦ на общество и государство остается разнообразным: 58% россиян признают вмешательство церкви, в то время как 33% выступают за секуляризацию [23].

Данные этих двух опросов свидетельствуют о значимой роли религии в российском обществе. При этом Россия – многонациональная страна, в которой господствует плюрализм мнений. Плюрализм означает определенный порядок, который подразумевает, что различные культуры, религии, мировоззрения и т. д. достигли определенного типа сосуществования, выходящего за рамки борьбы или дискриминации друг друга.

Религиозное образование можно охарактеризовать как приобретение способности видеть себя с других точек зрения и уважать чужие позиции и религиозные традиции. Именно религиозное образование учит поддерживать диалог, который направлен на взаимопонимание и преодоление различий.

Межрелигиозные отношения не должны ограничиваться этикой или политическими требованиями, а должны включать в себя попытку понять веру другого. Отношения между различными конфессиями и религиями должны основываться на религиозных убеждениях, а не на навязанных государством этических или политических требованиях. Именно поэтому они должны включать в себя попытку понять веру другого как предпосылку взаимности. Опять же, с точки зрения религиозного образования, это означает глубокое изучение вероучения и сравнительный анализ основных положений.

Педагогика и правосознание

В последние годы российские ученые начали активно обсуждать проблемы педагогического влияния на правосознание. В.Л. Климентов даже предложил создать подотрасль науки – педагогику правосознания. Он полагает, что в рамках такой педагогики образовательный процесс будет направлен на получение, осмысление и применение гражданами информации о нормах права [24, с. 183]. Методология педагогики правосознания, опираясь на соотношение с общественным бытием, подчеркивает, что структура общественного сознания отражает уровни отношений, начиная с материальных и заканчивая идеологическими. Экономические, политические и нравственные отношения формируют содержание правосознания, включая

взгляды, идеи, представления и чувства граждан. Обусловленность правосознания общественным бытием определяет его особенности, включая моральные установки, идеи справедливости и коллективизма, связанные с историческим развитием общества [25, с. 183-184].

М.Г. Сергеева указывает, что педагогика закладывает особые установки, которые формируют правосознание. Они играют ключевую роль в формировании правомерного поведения, стимулируя правовую активность, и служат важным целевым ориентиром, наполняя правовое сознание смыслом и влияя на восприятие правовых явлений [25, с. 55].

В.В. Виноградов и А.П. Резникова указывают, что формирование правовой культуры начинается с усвоения нравственных ценностей и зависит от социальных факторов, таких как социальная ситуация, государственная политика, доступность информации и интеграция в общество. Деформация правового сознания может возникнуть из-за недостатков в правовом воспитании, что может повысить уровень неправомерного поведения. Правовая безграмотность – одна из причин правонарушений, подчеркивается неосведомленность обучающихся о действующем законодательстве [26].

Таким образом, формирование правосознания зависит от образовательного процесса, направленного на усвоение и применение информации о нормах права. Экономические, политические и нравственные отношения формируют содержание правосознания [27].

Заключение

Подводя итог нашему исследованию, следует отметить несколько важных выводов. Россия – демократическое и светское государство, в котором Конституцией религиозные объединения отделены от государства, а каждый гражданин имеет право на свободу совести. В государственных образовательных учреждениях, в соответствии с федеральным законодательством, не преподаются религиозные предметы. Однако учебные заведения предлагают модуль «Основы религиозных культур и светской этики», благодаря которому ученики могут восполнить свои знания о религии. Следует отметить,

что наиболее эффективным будет введение в педагогическую деятельность блока предметов, связанных с религиозным образованием надконфессионального характера, способствующего единству и воспитанию граждан на основе общих ценностей.

Результативность современного образования связана не только со знанием, но и с внутренним осмыслением, требующим самостоятельных решений обучающихся. Религиозное образование и его педагогический метод, основанный на любви и заботе с учетом приоритета духовности, способен формировать гражданскую идентичность. Важна роль диалога, творчества и проектной работы для глубокого понимания и ценностного развития, содействия созданию общества, базирующегося на взаимопонимании и уважении.

Религиозное образование в таком контексте выступает как основа диалога и взаимопонимания, что обеспечивает основу для взаимоуважения и мирного сосуществования между различными религиозными традициями.

Введение блока предметов религиозного образования надконфессионального характера в педагогическую деятельность будет содействовать единству и формированию общегражданских ценностей. Полученные нами результаты могут применяться в школьном образовании, во внеклассной деятельности педагогов, в вузах, при подготовке учителей и специалистов в области юриспруденции. Результаты исследования могут быть использованы для обновления образовательной системы, внедрения новых подходов к обучению, основанных на взаимопонимании, уважении и диалоге.

Список литературы

1. Погребная Ю.К. Влияние религии на формирование основ правосознания личности // Вестник Екатеринбургского института. 2011. № 3 (15). С. 64-72.
2. Лещенко О.В. Влияние религии на правосознание несовершеннолетних осужденных // Уголовно-исполнительное право. 2016. № 1 (23). С. 72-74.

3. Сеньюшкина Т.А. Православная система ценностей как фактор формирования правосознания в России // Альманах Пространство и Время. 2015. Т. 9. № 1. С. 9.
4. Пырков О.А. Соотношение религии и правового сознания // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2012. № 4 (20). С. 38-42.
5. Скулаков Р.М., Джамалова Э.К. О взаимосвязи религии, правосознания, правовой культуры человека и территориальной целостности государства // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2016. Т. 20. № 4. С. 41-45.
6. Manea A.D. Influences of Religious Education on the Formation Moral Consciousness of Students // Procedia - Social and Behavioral Sciences. 2014. Vol. 149. P. 518-523. <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2014.08.203>
7. Bolton, A. Should Religious Education Foster National Consciousness? // British Journal of Religious Education. 1997. Vol. 19(3). P. 134-142. <https://doi.org/10.1080/0141620970190303>
8. Шушкина А. Минпросвещения: Основы православной культуры изучают более 36% школьников // Парламентская газета. 17.05.2022. <https://www.pnp.ru/social/minprosveshheniya-osnovy-pravoslavnoy-kultury-izuchayut-bolee-36-shkolnikov.html> (дата обращения 12.12.2023)
9. Егоров В.А. Религиозное образование или образование о религиях // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2022. Т. 23. № 2. С. 124-130.
10. Бигнова М.Р. «Основы духовно-нравственной культуры народов России» как проблемное поле профилактики экстремизма // Профилактика религиозного экстремизма в молодежной среде Москвы. Сборник материалов конференции. М., 2023. С. 15-21.
11. Пронина Т.С. Европейский опыт религиозного образования и образование о религиях в современной России // Современная Европа. 2022. № 5 (112). С. 119-130.
12. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html> (дата обращения 22.12.2023)
13. Сланов О.Т. Проблемы формирования правосознания молодежи // Полицейская деятельность. 2023. №5. С. 17-25. <https://doi.org/10.7256/2454-0692.2023.5.44102>

14. Сланов О.Т. Соматическое правосознание: психолого-педагогический и философско-правовой аспекты // Юридическое образование и наука. 2024. №1. С. 26-33. <https://doi.org/10.18572/1813-1190-2024-1-26-33>
15. Меньшиков В. М. Значение теологии для современного образования // Вестник ПСТГУ. Серия IV: Педагогика. Психология. 2006. Вып. 3. С. 28-33.
16. The schooled heart: moral formation in American higher education / ed. by M.D. Beaty, D. V. Henry. Waco, Tex.: Baylor University Press, 2007. 240 p.
17. Дивногорцева С.Ю. Православная педагогика и проблемы религиозного образования // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 4: Педагогика. Психология. 2020. № 58. С. 11-19.
18. Teaching religion, teaching truth: theoretical and empirical perspectives. Jeff Astley. Oxford; New York: P. Lang, 2012. 235 p.
19. Метлик И. В., Склярова Т. В. Религиозное образование Русской Православной Церкви и проблема его стандартизации в общеобразовательной школе // Вестник ПСТГУ. Серия IV: Педагогика. Психология. 2011. Вып. 4 (23). С. 7-23.
20. Курилов В. А. Советская модель секуляризации: политическое и правовое регулирование свободы совести в СССР (вторая половина XX века) / Отв. ред. Егоров В.А. СПб.: Изд-во РХГА, 2022. 344 с.
21. Шевченко А.Г., Мчедлов М.П., Гаврилов Ю.А. О социальном портрете современного верующего // Социологические исследования. 2002. № 7. С. 68-77.
22. ВЦИОМ. Религия и общество: мониторинг. За последние тридцать лет роль религии в жизни нашего общества несколько возросла. <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/religija-i-obshchestvo-monitoring> (дата обращения 12.12.2023)
23. ВЦИОМ. Церковь и общество: мониторинг. <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cerkov-i-obshchestvo-monitoring> (дата обращения 22.12.2023)
24. Климентов В.Л. Развитие теории и практики педагогики правосознания в современном российском обществе // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2011. № 1 (49). С. 182-186.

25. Сергеева М.Г. Правовое воспитание несовершеннолетних в зарубежных странах как перспективное направление пенитенциарной педагогики // Проблемы современного педагогического образования. 2020. № 68-1. С. 259-262.
26. Виноградов В.В., Резникова А.П. Особенности формирования правовой культуры несовершеннолетних // Вестник ВИЭПП. 2019. № 1. С. 73-81.
27. Сланов О.Т. Генезис антропологии и эпистемология профилактики деформации правосознания // Наука, инновации, образование: актуальные вопросы и современные аспекты. Монография. Пенза. МЦНС «Наука и просвещение». 2023. С. 274-293.

References

1. Pogrebnaia Y.K. Vliyanie religii na formirovanie osnov pravosoznaniya lichnosti [The influence of religion on the formation of the foundations of legal consciousness of personality]. *Vestnik Ekaterininskogo instituta* [Bulletin of the Catherine Institute], 2011, no. 3(15), pp. 64-72.
2. Leshchenko O.V. Vliyanie religii na pravosoznanie nesovershennoletnikh osuzhdennykh [The influence of religion on the legal consciousness of juvenile offenders]. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo* [Criminal-executive law], 2016, no. 1(23), pp. 72-74.
3. Senyushkina T.A. Pravoslavnaya sistema tsennostei kak faktor formirovaniya pravosoznaniya v Rossii [The Orthodox system of values as a factor in the formation of legal consciousness in Russia]. *Al'manakh Prostranstvo i Vremya* [Almanac Space and Time], 2015, no. 9(1), p. 9.
4. Pyrkov O.A. Sootnoshenie religii i pravovogo soznaniya. [The relationship between religion and legal consciousness]. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii* [Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2012, no. 4(20), pp. 38-42.
5. Skulakov R.M., Jamalova E.K. O vzaimosvyazi religii, pravosoznaniya, pravovoi kul'tury cheloveka i territorial'noi tselostnosti gosudarstva [On the interconnection of religion, legal consciousness, legal culture

- of a person, and the territorial integrity of the state]. *Yuridicheskii vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta* [Legal Bulletin of Dagestan State University], 2016, no. 20(4), pp. 41-45.
6. Manea A.D. Influences of Religious Education on the Formation Moral Consciousness of Students. *Procedia - Social and Behavioral Sciences*, 2014, vol. 149, pp. 518–523. <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2014.08.203>
 7. Bolton A. Should Religious Education Foster National Consciousness? *British Journal of Religious Education*, 1997, no. 19(3), pp. 134–142. <https://doi.org/10.1080/0141620970190303>
 8. Shushkina A. Minprosveshcheniya: Osnovy pravoslavnoi kul'tury izuchayut bolee 36% shkol'nikov [Ministry of Education: Basics of Orthodox culture studied by more than 36% of schoolchildren]. *Parlamentskaya gazeta* [Parliamentary Gazette], 2022. URL: <https://www.pnp.ru/social/minprosveshheniya-osnovy-pravoslavnoy-kultury-izuchayut-bolee-36-shkolnikov.html>
 9. Egorov V.A. Religioznoe obrazovanie ili obrazovanie o religiyakh. [Religious education or education about religions]. *Vestnik Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii* [Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy], 2022, no. 23(2), pp. 124-130.
 10. Bignova M.R. Osnovy dukhovno-nravstvennoi kul'tury narodov Rossii» kak problemnoe pole profilaktiki ekstremizma. [“Foundations of the spiritual and moral culture of the peoples of Russia” as a problematic field for preventing extremism]. *Profilaktika religioznogo ekstremizma v molodezhnoi srede Moskvyy. sbornik materialov konferentsii* [Prevention of religious extremism among the youth of Moscow. Collection of conference materials]. M., 2023, pp. 15-21.
 11. Pronina T.S. Evropeiskii opyt religioznogo obrazovaniya i obrazovanie o religiyakh v sovremennoi Rossii [European experience of religious education and education about religions in modern Russia]. *Sovremennaya Evropa* [Modern Europe], 2022, no. 5(112), pp. 119-130.
 12. Basics of the social concept of the Russian Orthodox Church. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html>
 13. Slanov O.T. Problemy formirovaniya pravosoznaniya molodyozhi [Problems of forming the legal consciousness of youth]. *Policejska-*

- ya deyatel'nost'*, 2023, no. 5, pp. 17-25. <https://doi.org/10.7256/2454-0692.2023.5.44102>
14. Slanov O.T. Somaticheskoe pravosoznanie: psihologo-pedagogicheskij i filosofsko-pravovoj aspekty [Somatic legal consciousness: psychological, pedagogical and philosophical and legal aspects]. *Yuridicheskoe obrazovanie i nauka*, 2024, no. 1, pp. 26-33. <https://doi.org/10.18572/1813-1190-2024-1-26-33>
 15. Menshikov V.M. Znachenie teologii dlya sovremennogo obrazovaniya [The significance of theology for modern education]. *Vestnik PSTGU. Seriya IV: Pedagogika. Psikhologiya* [Bulletin of PSTGU. Series IV: Pedagogy. Psychology], 2006, no. 3, pp. 28-33.
 16. Beaty M.D., Henry D.V. (Eds.). *The schooled heart: moral formation in American higher education*. Waco, Tex.: Baylor University Press, 2007.
 17. Divnogortseva S.Yu. Pravoslavnaya pedagogika i problemy religioznogo obrazovaniya [Orthodox pedagogy and problems of religious education]. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 4: Pedagogika. Psikhologiya* [Bulletin of the Orthodox St. Tikhon Humanitarian University. Series 4: Pedagogy. Psychology], 2020, no. 58, pp. 11-19.
 18. Astley J. *Teaching religion, teaching truth: theoretical and empirical perspectives*. Oxford; New York: P. Lang, 2012, p. 235.
 19. Metlik I.V., Sklyarova T.V. Religioznoe obrazovanie Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi i problema ego standartizatsii v obshcheobrazovatel'noi shkole [Religious education of the Russian Orthodox Church and the problem of its standardization in general education school]. *Vestnik PSTGU. Seriya IV: Pedagogika. Psikhologiya* [Bulletin of PSTGU. Series IV: Pedagogy. Psychology], 2011, no. 4 (23), pp. 7-23.
 20. Kurilov V.A. *Sovetskaya model' sekulyarizatsii: politicheskoe i pravovoe regulirovanie svobody sovesti v SSSR (vtoraya polovina XX veka)* [Soviet model of secularization: political and legal regulation of freedom of conscience in the USSR (second half of the XX century)]. Ed. Egorov V.A. St. Petersburg: Publishing House of RSHA, 2022. p. 344.
 21. Shevchenko A.G., Mchedlov M.P., Gavrilov Yu.A. O sotsial'nom portrete sovremennogo veruyushchego [On the social portrait of the modern

- believer]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2002, no. 7, pp. 68-77.
22. VTsIOM. Religion and Society: Monitoring. Over the past thirty years, the role of religion in our society has somewhat increased. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/religija-i-obshchestvo-monitoring>
23. VTsIOM. Church and Society: Monitoring. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cerkov-i-obshchestvo-monitoring>
24. Klimentov V.L. Razvitie teorii i praktiki pedagogiki pravosoznaniya v sovremennom rossiiskom obshchestve [Development of the theory and practice of pedagogy of legal consciousness in modern Russian society]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2011, no. 1(49), pp. 182-186.
25. Sergeeva M.G. Pravovoe vospitanie nesovershennoletnikh v zarubezhnykh stranakh kak perspektivnoe napravlenie penitentsiarnoi pedagogiki [Legal education of minors in foreign countries as a promising direction of penitentiary pedagogy]. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya* [Problems of Modern Pedagogical Education], 2020, no. 68-1, pp. 259-262.
26. Vinogradov V.V., Reznikova A.P. Osobennosti formirovaniya pravovoi kul'tury nesovershennoletnikh [Features of the formation of legal culture of minors]. *Vestnik VIEPP* [Bulletin of VIEPP], 2019, no. 1, pp. 73-81.
27. Slanov O.T. Genezis antropogogiki i epistemologiya profilaktiki deformatsii pravosoznaniya [Genesis of anthropogogy and epistemology of prevention of deformation of legal consciousness]. *Nauka, innovatsii, obrazovanie: aktual'nye voprosy i sovremennye aspekty* [Science, Innovation, Education: Current Issues and Contemporary Aspects]. Penza: MCNS «Nauka i prosveshchenie», 2023, pp. 274-293.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Сланов Олег Таймуразович, соискатель кафедры педагогического образования

*Северо-Осетинский государственный университет имени К.
Л. Хетагурова
ул. Ватутина, 44-46, г. Владикавказ, РСО-Алания, 362025,
Российская Федерация
slanov_oleg@inbox.ru*

DATA ABOUT THE AUTHOR

Oleg T. Slanov, Applicant of the Department of Pedagogical Education
*North Ossetian State University named after K. L. Khetagurov
44-46, Vatutina Str., Vladikavkaz, RSO-Alania, 362025, Russian
Federation
slanov_oleg@inbox.ru
ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-9876-078X>*

Поступила 29.12.2023

После рецензирования 03.02.2024

Принята 09.02.2024

Received 29.12.2023

Revised 03.02.2024

Accepted 09.02.2024

DOI: 10.12731/2658-4034-2024-15-1-434

UDC 378.1

Original article | Methodology and Technology of Professional Education

PROJECT LEARNING AND FOREIGN LANGUAGE TEACHING IN HIGHER EDUCATION

L.A. Zhebrunova

Purpose. *The study aims to integrate theoretical and applied linguistic knowledge and a project method of teaching a foreign language thus assimilating socio-cultural stereotypes of the native and foreign languages in comparison.*

Methodology. *The article describes a project method that has been implemented in teaching English to young athletes. The study has made use of systematic, culturological, linguocognitive methodological approaches. The empirical base rests on the linguistic studies of terminological systems and socio-cultural stereotypes.*

The main results *of the research conducted are the following: improvement of the language skills of the students involved, building the understanding of the cognitive processes of language nomination in Russian and English in comparison in the students' mind. Since these processes are based on the worldviews peculiar to each language, as a result of studying the nomination mechanisms, students add to their knowledge of the socio-cultural stereotypes characteristic of each of the above languages.*

Practical implications. *The applied method of involving students of non-linguistic specializations into language studies has as a result in the formation of a deeper understanding of the essence of the interaction of languages and peoples as social communities. This research area is prospective for further studies.*

Keywords: *developing learning; socio-cultural stereotype; students' project design and search work; sports terminology; terminological nomination; language metaphor*

***For citation.** Zhebrunova L.A. Project Learning and Foreign Language Teaching in Higher Education. Russian Journal of Education and Psychology, 2024, vol. 15, no. 1, pp. 32-48. DOI: 10.12731/2658-4034-2024-15-1-434*

Научная статья | Методология и технология профессионального образования

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРОЕКТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПРЕПОДАВАНИИ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

Л.А. Жебрунова

***Цель.** Статья описывает опыт применения проектного метода при обучении иностранному языку в неязыковом вузе, при котором вовлечением студентов неязыкового профиля в проектную деятельность достигается расширение их лингвистических и социокультурных компетенций. При этом реализуются основополагающие принципы дидактики, когда процесс подготовки студента его обучает, развивает и воспитывает. Цель исследования – интегрировать теоретико-прикладные лингвистические знания и проектный метод обучения иностранному языку для формирования у студентов осознанного восприятия языка через усвоение социокультурных стереотипов.*

***Метод и методология проведения работы.** В статье описывается проектный метод, который был реализован в преподавании английского языка студентам спортивных направлений подготовки. Применяются системный, культурологический, лингвокогнитивный методологические подходы. Эмпирическая база опирается на исследования терминосистем и анализ социокультурных стереотипов.*

***Основные результаты:** формирование у студентов понимания природы языковой номинации в русском и английском языках в сравнении, расширение познаний обучающихся в области социо-*

культурных стереотипов, развитие чувства самоидентичности и критического мышления через участие в проектной деятельности.

Область применения результатов. Предложенная методика вовлечения студентов, не специализирующихся в профессиональном изучении языка, в лингвистические исследования имеет в качестве результата формирование у них более глубокого понимания сущности взаимодействия языков и его носителей – народов как социальных общностей. Данное направление является перспективным и имеет не только образовательный, но и развивающий и воспитательный потенциал, что соответствует триединой цели педагогики.

Ключевые слова: развивающее обучение; социокультурный стереотип; проектно-поисковые работы учащихся; спортивная терминология; терминологическая номинация; языковая метафора

Для цитирования. Жебрунова Л.А. Использование проектной деятельности в преподавании иностранного языка в высшей школе // *Russian Journal of Education and Psychology*. 2024. Т. 15, № 1. С. 32-48. DOI: 10.12731/2658-4034-2024-15-1-434

Introduction

Currently there is a demand for the education system to educate students capable of critical thinking. Today a student should be able to do analytical work so that to apply the results thereof in practice. This can be achieved, among other things, through developing learning. The foreign language teaching is no exception: elements of project activities which imply both an independent search for new information and increasing creativity of students, can be successfully included into the foreign language teaching in higher educational institutions at the non-linguistic departments.

The innovative potential of the educational institutions is closely connected with the research component of the project research activity of their students that contributes in its turn to the high standard qualification of the graduates [7]. At present in Russia there is an evident tendency at the institutions of education, both secondary and higher, to promote students' project (research) activity [3]: the official website of the digital

scientific library *Научная электронная библиотека E-library* returns over 400 articles containing the key-words *project research activity* in the title published in 2023.

Within the concept of developing learning the major target of the process of education is viewed as to bring into action a potential of man [4]. Our experience of introducing elements of developing learning involving students of other than linguistic specialities into the linguistic study allows us to talk about the practical and scientific benefits for young researchers. The linguistic study plunges the students into the understanding of how a language functions, they master internal structural models of the foreign language: externally expressed grammatical typical constructions, cultural stereotypes of linguistic behavior, differences in the peoples' worldviews. Thus, they realize and acquire understanding of an alien linguistic worldview.

Purpose

This study is considered relevant and has practical significance as it meets the acute requirements in the system of higher education to form a specialist who is capable of critical thinking. The article describes the experience of using the project method in teaching a foreign language in a non-linguistic department, when the involvement of students-non-linguists achieves further development of their linguistic and socio-cultural competencies. The fundamental principles of didactics are being thus implemented, i.e. the process of training teaches, develops and educates.

The research in the paper is based on the results of the author's previous works in sociolinguistics of the correlation of linguistics and socio-cultural stereotypes, on the author's comparative study of the linguocognitive models of phraseosemantic fields in Russian and English [5; 6]; on the author's experience of studying the process of metaphORIZATION as the process most vividly reflecting the internal work of the figurative picture of language [1], the relationship between languages, cultures [2], on the author's experience of studying the nomination process [9]. Professional (special) languages and terminology can serve as vivid examples of metaphorical nomination. That is why students spe-

cializing in other than linguistic professions are quite able to grasp the worldview underlying a foreign language which they are learning and to compare it with their own. Thus, several tasks can be solved – the students are both developing their linguistic competence and widening their awareness of cultural differences and intercultural correlation. All this contributes to a deeper awareness of their culture and language. Besides, the students have a perfect opportunity to increase their research capabilities as young specialists.

The main purpose of the study is to integrate basics of the linguistic nomination and socio-cultural stereotypes into the methods of teaching a foreign language to students of non-linguistic specialities through encouraging their project research work with language material.

The research objectives of the study may be represented as following: to analyze the efficiency of introducing project work with linguistic material into foreign language teaching to students of non-linguistic departments; to give an account of the experience of involving students into the project activity where some peculiar features of the terminological nomination in sport have been studied; to outline the prospects of sociolinguistic research as part of the foreign language teaching to students of non-linguistic areas.

Methods of study and theoretical grounding

We have made use of the following methods: *pedagogical observation* of the students' activity in the course of the project work and *metaphorical modeling*, which the students carried out as part of their project and search work under the guidance of the supervisor. The work has been conducted at the Smolensk State University of Sports as a student research to reveal basic features of the terminological nomination in figure skating by the text material of the Russian and English languages in comparison. The peculiarity of the project is that it has attempted to demonstrate the abilities of the students training to be sport coaches and PT teachers to acquire a deeper knowledge of the linguistic problematic field. Thus, the object of the pedagogical observation thereof was the project activity itself where we tried to assess the students' ability to

combine theoretical linguistics and professional competences of a sportsman to help the students better understand socio-cultural background in the sphere of sport and international relations.

First of all, it should be mentioned that the process of the terminological nomination (as far as the word complexes are considered) can be described as the creation of stable verbal complexes and has as its essence the ability to be reproduced as ready-made units (*phraseological reproducibility*). This main characteristic feature of such stable verbal complexes was proved in the Russian linguistics in the middle of the twentieth century: in [5] it was demonstrated that, although it is possible to find parallels in the works of Western linguists (based on the English language), however, the linguistic studies of the Russian language were among the first to substantiate the concept of the stable verbal complex as a linguistic phenomenon [11]. A stable verbal complex can be therefore represented as a linguistic unit resulting from *phraseologization* and having as its characteristic feature reproducibility in language and speech in the form of a ready-made unit [11, p. 100], all other properties of such a unit can be considered variable. The given approach views reproducibility as a single property common for all stable verbal complexes thus making the notion of a stable verbal complex universal. According to L.I. Roizenzon, the *phraseological reproducibility* is dichotomous by nature, which means reproducing of a unit in the same quality in a situation when the same and similar reproduction can be perceived in another quality [11, p. 104]. This means that a certain ready-made unit can be reproduced as a stable verbal complex only because the same ready-made unit can also be perceived as a non-phraseological lexeme combination. In other words, there exists (or its existence is theoretically possible) a certain free lexeme combination, to which a certain stable verbal complex is opposed. L.A. Zhebrunova [5] proves that *complex terminological units (i.e. composed of a several words) are stable word-complexes* and can therefore be studied as phraseological units within the framework of phraseology (in its broad definition).

The further issue to be considered is the fact that stable verbal complexes are strongly associated with the expression of national-specific

(i.e. national-cultural stereotypes) in the language system. In Roizenzon's theory of *phraseologization*, stability and reproducibility are the main characteristic of the stable word complexes [11]. In sociolinguistics, national-cultural stereotypes are characterized by the similar properties: '*patterns*' refer to stability (reproducibility) at the level of structure; generalized statements reflecting basic concepts of the social '*picture of the world*' refer to *stable verbal complexes* of various kinds; types of introduction of *precedent texts* refer to stability of the reproducible type.

In the process of learning, the unique experience of collective (ethnic) culture is being absorbed by ones who are learning. This has a significant impact on the personality development. In personalism, a personality may be displayed as a collection of unique, inimitable mental programs that are being formed through learning. Today boundaries of ethnic communities are being blurred due to accelerated developing of information and communication technologies, and there is evident linguistic expansion of the English language that certainly implies losing of the unique traits of the concept map inherent in the Russian language [14; 15]. Language guarantees unified transmission of information necessary for constant self-reproducing of an ethnic group – that is how the language codifying function should work. As language transmits cultural concepts, the linguistic superstructure appears crucially important in the structure of the ethno-cultural environment.

Thus, a single, *ethnically based concept map* ('*map of the world in the head*') provides all the members of the ethnic group with a commonly shared psychological qualities and life configurations, in other words, a common cognitive orientation. This means exactly the known '*ethnic self-consciousness*' (behavioral stereotype, the so-called '*mentality*'). A social stereotype is a culturally conditioned phenomenon. Social stereotypes are developed by the culture surrounding a person. In turn, the latter is being influenced by the stereotype. This is a specific example of the social behavior of members of a particular ethnic group. The term '*stereotype*' is used by sociologists, ethnographers, specialists in psychology, ethnopsycholinguists and linguists.

Stereotypes are characterized by reproducibility. Reproducibility in a language acts on three main levels – in outer structures, in generalized

statements and at the level of texts. There are three types of stereotypes in the structure of the linguistic personality. The first type is typical syntactic structures; the second is generalized statements reflecting the basic concepts of the map of the world (various stable verbal complexes); the third type includes precedent texts. Some researchers believe that such specific cases as general phrases, journalistic standards ('fashionable' phrases); discourse phrases (reflecting ethnic and cultural behavioral stereotypes), typical figurative expressions-idioms, ethno-idioms (key figurative and topical systems and national cultural images), national symbols and several others should also be included here [8].

Obviously, when students are involved in learning a foreign language 'from the inside' and take part in the project activities, it adds to their analytical thinking and helps them to see differences in the 'maps of the world' of their own tongue and the one being studied. Such types of research work have educational, developmental and practical impact on the process of study. This should help to increase interest in scientific research, deepen language knowledge, and to consciously integrate various branches of scientific knowledge and the personal socio-cultural experience of a student.

Stages of research

At the first stage of the research, the students were to analyze the basics of the terminological nomination within the framework of the language theory and sociolinguistics.

At the second stage, students were given tasks to analyze certain empiric material. The students studying to be sportsmen were involved in the linguistic research but by the material adherent to their branch of sport – professional terminology of their kind of sport.

At the same time, 'teaching' becomes 'learning': not just giving knowledge, but facilitate forming the ways of action that would allow the student to progress both in analytical skills and creative thinking. The creative methods of developing learning traditionally include reference-based (abstract writing), problem-based, experimental, naturalistic and descriptive, research. Our work rests on the group of methods men-

tioned last. A student-researcher (or a group of them) is set a problematic task: the problem is formulated for further research conducted by the students themselves. This type of the teaching methods is sometimes called design and search (project) work in the Russian education science.

The above methods can and should be used in teaching foreign languages. The material for teaching a foreign language is mainly in the form of texts. For students of non-linguistic areas and specialties, texts (of various kinds – educational, thematic, dialogical, audiovisual) should contain professionally significant (in our case, sports-oriented) information. There are different ways to deal with this information in order to make it valuable for learners. The given article is a description of the student research project aimed at studying the basics of linguistic nomination in the professionally significant for a student field – a sport terminology. The project was implemented taking into account the following recommended stages: to formulate the topic of research, to set tasks and objectives, to make choice of the research methods, to do the research work concerning the project, to analyze the findings and make general conclusion as for the results, to conclusions, presentation of the result (presentation at the conference).

Here below is the progress of the students' activities within the framework of the research project.

The topic of the student research project is “*Terminological nomination in the professional sublanguage of figure skating in Russian and English in comparison*”. Along with the above, the ‘working’ draft version of the topic was formulated, that is more vividly expressing the essence of study: dramatic metaphorical images are the source of origin for the terminological names of the elements and skills in the language of figure skating in Russian and English; the differences between these processes in the two languages. Thus the research issue meets the following important requirements. First, the issue is attractive since researchers acquire the opportunity to improve their level of English adding to their competence knowledge of professional terminology of sport: they study the world-building paradigm of the professional sublanguage of their sport. Second, the issue is relevant in terms of the present-time situation in the sport terminology of

figure skating: it reveals the terms which remain untouched in the course of time, those that are being replaced by English borrowings or phonetic loan-words. It seems interesting to find out in which sport area the terms borrowed from the English language appear more often, i.e. in professional sport or in coaching. Then, it should be noted that the research project has all the terms necessary for its implementation: a large vocabulary base in English and Russian, access to information via the Internet and possibility to trace the life-cycle of the terms in different types and forms (texts, audio sources). Finally, the research issue is laid down in the way that is concrete and implies the ability to formulate specific tasks based on it. Those tasks will make up the plan for the research and suggest the first steps that the researcher needs to take. The following questions and tasks were formulated: how the creation of figure skating terms in Russian and in English is carried out, how these processes differ in the two languages; where the intersection points of the two term systems will be.

The students had to develop a bilingual glossary of metaphorical terms naming the elements of figure skating for which judges award points to athletes at competitions. Further, it was necessary to compare the metaphorical models underlying the identified terms: *metaphorical transfer occurs on the basis of visual, functional similarity of the sports elements, skills and the objects of the surrounding environment* (V.N. Telia [12], L.A. Lipilina [9], P. Howarth [13], J. Nattinger [16]). Then, on the basis of quantitative analysis, the students drew conclusions about the trends of the nomination in the compared parts of the glossary, i.e., Russian and English.

For comparison of the terms in the two languages, researchers designed a kind of *conversion tables* considering the following structure:

- the English term and its dictionary counterpart in the Russian language in the study;
- a literal translation of the English terms into Russian (a literal translation is helpful with a translation equivalent - it gives an understanding of the inner semantic form of the phrase);
- commentaries on the term's origin and its derivation – both in Russian and English;

- images underlying the metaphor that leads to a new interpretation of a free combination of words (peculiar mechanism of metaphorization in both the languages to make evident the differences between them).

The following is an example of the analytical work of a student doing research on this project. In the process the researcher acquires knowledge about the *conceptual language pictures (concept maps)* in the two languages by the material of the sport terminology of figure skating.

So, for the term *haircutter*, the reasoning may look like this. The equivalent translation is *заклон*. The literal translation is *машинка для стрижки волос*. The term is used to denote rotation in a tilt with the grip of the free leg with one or two hands, while it seems that the blade of the skate is in a position that allows you to cut the hair of the skater. The Russian equivalent is not metaphorical by its inner form, while in English the metaphorization is obvious. It should be noted that in English the term is formed by adding the stems, which can be viewed as a verbal complex.

The next good example is the term *spread eagle*. The Russian equivalent translation is *кораблик*. The literal translation is *растянутый орел* (that is, with wings and legs spread apart). The term is used to refer to an element of figure skating when a skater slides on two skates placed in a line with their heels to each other (the skill is performed on the outer or inner edges of the skates). In this case the metaphorical transfer based on the similarity of the visual image of an eagle spread and of a figure skater in the process of performing the element is evident. However, the Russian term *кораблик* is more aesthetically pleasing than *растянутый (распростертый орел)*. The student notes down the case of absolute discrepancy of the conceptual structure in the two languages.

Such a simple technique, provided that a significant part of the glossary of figure skating terms is analyzed, allows the researchers to obtain valid quantitative results which would describe the cases of matching up and discrepancy of the concept maps of the English and Russian languages in their comparison.

Results and practical implications

The research implications were discussed at the meetings of the students' scientific club and at the 72nd Scientific and Practical Conference of Students of the Smolensk State University of Sports in April 2023.

This synchronistic study of the metaphorical models allows researchers to get an insight into the conceptual structures (concept maps) of the English and Russian languages in the field of sport and terminological nomination, improve their knowledge as for the similarities and differences of both the languages. The investigation demonstrated that Russian terms and metaphorical word-compounds underlying the verbal complexes stay unique for this traditional Russian sport as compared with the English terms which have been widely borrowed into the Russian language for the last decades. As it was demonstrated, this may be seen in the professional (sports) communication and in the sphere of the conceptual structure of the language. The coincidence of the images underlying the terminological nomination in both languages, the substitution of Russian terms with English loan-words are observed at the level of names of elements named after the famous figure skaters. Such word-loans are widely used by the referees at the competitions in figure-skating for quick assessing of difficulty (to facilitate communication among international participants of those events) that can be explained by the mediating role of English in international sport.

Results

The results of pedagogical observation, which has been carried out in parallel with the students' project research, imply the following. The intense use of English in professional sport activities fosters the students command of English, but arouses questions as for the terminology unification: it is not clear enough whether to completely abandon the actual Russian-language terms, replacing them with the English equivalents, or try to avoid using English-language terms (which, however, are convenient in the practical work of sports referees), replacing those with the Russian equivalents. Unconsciously students assimilate alien sociolinguistic models of the foreign language (recall the notorious '*Skolkovo language*') and employ them whenever

they have a chance to, becoming irrelevant from the socio-cultural point of view. We strongly believe that when a student takes part in the professionally significant (and therefore quite understandable) research in the field of language, language policy, socio-cultural stereotypes, it contributes to the formation of the student's understanding of why this happens, why unique models of the language are replaced by the foreign ones and whether it is always necessary. Thus, the educational and developmental component of language teaching will be implemented through a meaningful rational approach to mastering a language, when the latter is not allowed to indirectly interfere with the student's own concept map.

In the course of study, the selected methodological constructs showed their expediency; systemic, cultural, linguistic and cognitive approaches proved to be effective in the students' project research. The research has as its core the positive attitude of students towards scientific research corresponding to their professional area of interests, even if this area is not related to learning a foreign language. Moreover, language learning contributes to the formation of socio-cultural stereotypes and the upbringing of national identity in children, which does not interfere with pure practical knowledge of foreign language concept models.

Then, the students of non-linguistic professions (here – studying to be athletes, coaches) have an advantage over students-linguists as the former are able to look at the language material from a different point of view. Those studying at the institutions of higher education to be sportsmen are thus combining two competencies: professional sport knowledge and the skills to employ chosen methods of research. The first competence is actualized in the deep understanding of the sports terminology in the foreign language from the inside. Students-linguists would study the sport terminology as a purely linguistic phenomenon and are not able to estimate their work as from the point of their translation equivalence, they need experts to consult with. The other competence resides in the ability to conduct research, in the very idea of higher education – not only to provide specific knowledge, but also to teach thinking, analyzing, conducting scientific research, to cultivate in a professional a desire to constantly upgrade their competences. In other words, the process of

higher education should develop information literacy in a student which is a characteristic feature of a sheer professional [10]. The research is prospective and attractive both to the student and his supervisor. In addition to purely practical improvement of the knowledge and understanding of the foreign language (English) and the corresponding sport terms, and a deeper perception of language structural models, the student has the ability to increase knowledge and skills in socio- and ethnolinguistics. Consequently, learners grow to be educated specialists, professionals, and members of their nation and cultural society.

References

1. Arutyunova N.D. *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the human world]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury Publ., 1999, 895 p.
2. Afanas'eva O.V., et al. *Vzaimodejstvie yazykov i kul'tur: ot dialoga k polilogu* [Interaction of languages and cultures: from dialogue to polylogue]: Monograph. Moscow: VKN Publ., 2021, 328 p.
3. Bugakova T.Yu. Vnedrenie proektnoj deyatel'nosti obuchayushchihsya v obrazovatel'nyj process cherez nauchnye podrazdeleniya vuza [Introducing project research activity of the students into the educational process at the science and research departments of the institution of higher education]. *Aktual'nye voprosy obrazovaniya* [Acute Education Issues]. Sibirskij gosudarstvennyj universitet geosistem i tekhnologij. Novosibirsk, 2019, vol. 2, pp. 157-160.
4. Davydov V.V. *Teoriya razvivayushchego obucheniya* [The concept of developing learning]. Moscow: INTOR Publ., 1996, 544 p.
5. Zhebrunova L.A. *Lingvokognitivnaya model' frazeosemanticheskogo polya «Strahovanie» (na materiale anglijskogo i russkogo yazykov)* [Cognitive linguistic model of the phraseosemantic field 'Insurance' on the material of the Russian and English Languages]. PhD Dissertation. Smolensk: SUH Publ., 2009, 225 p.
6. Zhebrunova L.A. Ustojchivyy slovesnyj kompleks i sociokul'turnyj stereotip: vzaimosvyaz' ponyatij [Stable verbal complex and socio-cultural stereotype: interrelation of concepts]. *Gumanitarnyj nauchnyj vestnik* [Humanitarian Scientific Bulletin]. Smolensk, 2020, no. 2, pp. 128-133.

7. Kudinova O.S., Skul'movskaya L.G. Proektnaya deyatel'nost' v vuze kak osnova innovacij [Project activity at the institution of higher education as the basis for innovation]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* [Present-Time Issues of Science and Education]. OOO «Izdatel'skij dom «Akademiya estestvoznaniya». Moscow, 2018, no. 4, pp. 104.
8. Levina E.Yu., et al. *Kognitivnaya pedagogika: praktika i opyt realizacii* [Cognitive pedagogy: practice and implementation experience]: monograph. Kazan': Institut pedagogiki, psihologii i social'nyh problem, 2022, 228 p.
9. Lipilina L.A. *Kognitivnye aspekty semantiki metaforicheskikh innovacij* [Cognitive aspects of the semantics of the metaphorical innovations]. Abstract of PhD dissertation. Moscow: MGU Publ., 1998, 24 p.
10. Pan'kin A.B., Shagaeva N.A., Tlekkabylova D.Zh. Teoreticheskaya model' processa formirovaniya informacionnoj kul'tury studentov vuza [Theoretical model of the process of formation of information culture of university students]. *Vyshee obrazovanie segodnya* [Higher Education Today]. Moscow, 2018, no. 8, pp. 15-19.
11. Rojzenzon L.I. Frazheologizaciya kak lingvisticheskoe yavlenie [Phraseologisation as a linguistic phenomenon]. *Trudy SamGU im. A. Navoi* [Proceedings of SamSU named after. A. Navoi], 1961, no. 113, pp. 101-117.
12. Teliya V.N. O fenomene vosproizvodimosti yazykovyh vyrazhenij [On the phenomenon of the replicating of the language compounds]. *Yazyk. Soznanie Kommunikatsiya* [Language. Consciousness. Communication], 2005, no. 30. Moscow: MAKS-Press Publ., pp. 4-42.
13. Howarth P. Phraseology and Second Language Proficiency. *Applied Linguistics*. Leeds: University of Leeds, 1996, pp. 24-44.
14. Lakoff G. The contemporary Theory of Metaphor. *Metaphor and Thought*. Cambridge: Cambridge University Press, 1992, 2nd ed., pp. 202-251.
15. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors we live by*. Chicago: University of Chicago Press, 1980, 256 p.
16. Nattinger J., DeCarrico J. *Lexical phrases and language teaching*. Oxford: Oxford University Press, 1992, 240 p.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. Москва: Языки русской культуры, 1999. 895 с.
2. Афанасьева О.В. и др. Взаимодействие языков и культур: от диалога к полилогу: монография. М.: Издат. дом ВКН, 2021. 328 с.
3. Бугакова Т.Ю. Внедрение проектной деятельности обучающихся в образовательный процесс через научные подразделения вуза // Актуальные вопросы образования. Сибирский государственный университет геосистем и технологий. Новосибирск, 2019. Т. 2. С. 157-160.
4. Давыдов В.В. Теория развивающего обучения. М.: ИНТОР, 1996. 544с.
5. Жебрунова Л.А. Лингвокогнитивная модель фразеосемантического поля «Страхование» (на материале английского и русского языков): Дис. ... канд. филол. наук. Смоленск: Смоленский гуманитарный университет, 2009. 225 с.
6. Жебрунова Л.А. Устойчивый словесный комплекс и социокультурный стереотип: взаимосвязь понятий // Гуманитарный научный вестник. 2020. № 2. С. 128-133.
7. Кудинова О.С., Скульмовская Л.Г. Проектная деятельность в вузе как основа инноваций // Современные проблемы науки и образования. ООО «Издат. дом «Академия естествознания». М., 2018. № 4. С. 104.
8. Левина Е.Ю. и др. Когнитивная педагогика: практика и опыт реализации: монография. Казань: Институт педагогики, психологии и социальных проблем, 2022. 228 с.
9. Липилина Л.А. Когнитивные аспекты семантики метафорических инноваций: Автореф. дис. канд. филол. наук. М.: МГУ, 1998. 24 с.
10. Панькин А.Б., Шагаева Н.А., Тлеккабылова Д.Ж. Теоретическая модель процесса формирования информационной культуры студентов вуза. М.: Высшее образование сегодня. 2018. № 8. С. 15-19.
11. Ройзензон Л.И. Фразеологизация как лингвистическое явление // Труды СамГУ им. А. Навои. 1961. Вып. 113. С. 101-117.
12. Телия В.Н. О феномене воспроизводимости языковых выражений // Язык. Сознание. Коммуникация: сб науч. трудов. Вып. 30. М.: МАКС-Пресс, 2005. С. 4-42.

13. Howarth P. Phraseology and Second Language Proficiency // Applied Linguistics 19. Leeds: University of Leeds, 1996. pp. 24-44.
14. Lakoff G. The contemporary Theory of Metaphor // Metaphor and Thought / ed. A. Ortony. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. 2nd ed., pp. 202-251.
15. Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. Chicago: University of Chicago Press, 1980, 256 p.
16. Nattinger J., DeCarrico J. Lexical phrases and language teaching. Oxford: Oxford University Press, 1992, 240 p.

DATA ABOUT THE AUTHOR

Lyudmila A. Zhebrunova, PhD in Philology, Assistant Professor, Department of Foreign Languages
Smolensk State University of Sports
23, Prospect Gagarina Str., Smolensk, 214018, Russian Federation
ludmila.888@mail.ru
SPIN-code: 1955-0522
ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-5507-2324>
Researcher ID: AFD-9275-2022

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Жебрунова Людмила Александровна, доцент кафедры иностранных языков, кандидат филологических наук
Смоленский государственный университет спорта
Проспект Гагарина, 23, г. Смоленск, 214018, Российская Федерация
ludmila.888@mail.ru

Поступила 09.01.2024

После рецензирования 16.02.2024

Принята 26.02.2024

Received 09.01.2024

Revised 16.02.2024

Accepted 26.02.2024

DOI: 10.12731/2658-4034-2024-15-1-440

УДК 378.147

Обзорная статья | Методология и технология профессионального образования

ТЕХНОЛОГИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ У БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ НАЧАЛЬНОГО ОБЩЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Г.В. Митина

***Цель.** Требования к подготовке педагогов для системы общего образования в стране определены ФГОС ВО по направлению «Педагогическое образование». В нормативном документе сформулированы универсальные и общепрофессиональные компетенции, которые носят обязательный характер для всех сфер образования (дошкольное, начальное общее, основное общее и другие). Профессиональные же компетенции формулируются на основе профессионального стандарта «Педагог» адресно для каждой области и вида профессиональной деятельности. Предметом анализа в данной статье выступает поиск подхода к формированию профессиональных компетенций у будущих педагогов начального общего образования. В качестве цели авторы обозначают описание технологии формирования профессиональных компетенций будущего педагога начальной школы в рамках конкретной учебной дисциплины.*

***Методы и методология проведения работы.** Основу исследования составили методы изучения нормативных документов, анализа и обобщения психолого-педагогической литературы, организации образовательного процесса.*

***Результаты.** Результаты исследования представлены в виде опыта организации изучения конкретной дисциплины, обеспечивающей эмоционально-личностное погружение будущих педагогов в осваиваемую область профессиональной деятельности и формирование у них требуемых практических навыков; внедрения и*

эффективного применения продуктивных методов обучения при организации занятий различного типа в вузе.

Область применения результатов. *Результаты исследования могут быть применены при организации образовательного процесса в высших учебных заведениях как при освоении основных образовательных программ, так и программ дополнительного образования (в частности переподготовки).*

Ключевые слова: *профессиональные компетенции; высшая школа; формы организации учебного процесса; виды заданий*

Для цитирования. *Митина Г.В. Технология формирования профессиональных компетенций у будущих педагогов начального общего образования // Russian Journal of Education and Psychology. 2024. Т. 15, № 1. С. 49-61. DOI: 10.12731/2658-4034-2024-15-1-440*

Scientific Review | Methodology and Technology of Professional Education

TECHNOLOGY OF FORMING THE FUTURE PRIMARY SCHOOL TEACHERS' PROFESSIONAL COMPETENCIES

G. V. Mitina

Purpose. *The requirements for training teachers for the general education system in the Russian Federation are defined by the Federal State Educational Standard for Higher Education in the field of “Pedagogical Education”. The standard document defines universal and general professional competencies that are mandatory for all education (preschool, primary, basic general education and others). Professional competencies are defined on the basis of the professional standard “Teacher”, specifically for each field and type of professional activity. The subject of the analysis is the search for an approach to forming the future primary school teachers’ professional competencies. The main purpose of the article is to describe the technology of forming the future primary school teachers’ professional competencies within a specific academic discipline.*

Methods. *The research is based on a regulatory documents review, psychological and pedagogical literature analysis, and educational process examination.*

Results. *The article presents the experience in organizing the study of a particular discipline. The discipline provides emotional and personal immersion of the future teachers into the professional activity and practical skills development. The author describes the ways to implement and apply effective teaching methods when organizing various types of classes in higher education institution.*

Practical application of the results. *The findings are of direct practical relevance as can be useful for organizing the educational process in higher educational institutions in terms of the successful completion of basic educational programs and programs of additional education (specifically, retraining).*

Keywords: *professional competencies; higher school; forms of educational process organization; types of tasks*

For citation. *Mitina G.V. Technology of Forming the Future Primary School Teachers' Professional Competencies. Russian Journal of Education and Psychology, 2024, vol. 15, no. 1, pp. 49-61. DOI: 10.12731/2658-4034-2024-15-1-440*

Введение

Заявляемые на всех уровнях управления, фиксируемые исследователями и информационными ресурсами тренды современного образования (непрерывное обучение, тотальная цифровизация, массовые открытые онлайн-курсы, геймификация, проектная работа и др.) не могут не отразиться на новых требованиях к подготовке педагогических кадров для отечественной системы образования. В Концепции подготовки педагогических кадров [5] подчеркивается необходимость совершенствования системы такой подготовки в соответствии с образовательной политикой государства, региональными повестками в сфере образования, значительно изменившимися возрастными особенностями развития молодого поколения. Современная система образования остро нуждается в педагогах, не просто

владеющих универсальными, общепрофессиональными и профессиональными компетенциями, а имеющих широкий и глубокий кругозор предметных знаний (так как современные дети имеют доступ к неограниченному объему информации), уверенно демонстрирующих личностную профессиональную позицию, владеющих интерактивными технологиями обучения, готовых обеспечить формирование у школьников не только предметных, но и личностных и метапредметных результатов [11].

В связи с этим перед высшей школой стоит задача подготовки специалиста, который способен менять самого себя, осмысленно относиться к учению, проектировать будущее и ответственно относиться к нему, верить в себя, свои способности и силы. Подготовка такого специалиста потребовала разработки новой педагогической технологии, под которой мы понимаем пакет методик, прилагаемых к целям; блоки программ совместной деятельности обучающего и обучаемых, отражающих индивидуальные варианты развития обучающихся [1].

Обзор литературы. Проблема подготовки педагогических кадров для системы общего образования волновала педагогов со времен К.Д. Ушинского. Проводились разработки моделей деятельности учителя, выявление профессионально значимых компетенций, актуальных организационных форм обучения будущих педагогов (О.А. Абдуллина, Б.С. Гершунский, Д.С. Лихачев, В.А. Слостенин, В.В. Сериков, Л.Ф. Спирин, Е.А. Ямбург и др.).

Современных исследователей занимают вопросы использования педагогического инструментария при подготовке педагогов начальной школы (Н.Х. Агаханов, И.Г. Алмазова, В.К. Виттенбек, Е.В. Долгошеева, И.В. Кондакова, Г.А. Корякина, С.Г. Кочергина, О.Г. Марчукова, Д.М. Мельцаев, С.Н. Числова и др.); варианты подготовки к работе с разными категориями младших школьников (Н.А. Глузман, Е.В. Кирпичева, Е.В. Корепанова, Н.М. Пугачева, Т.В. Тимохина и др.); овладение будущими педагогами современными технологиями обучения на ступени начального общего образования (М.И. Алдошина, Г.А. Баранова, С.П. Зубова, З.З. Иванова, Л.В. Лысогорова, Н.Е. Мишутина, И.В. Фарафонова и др.); органи-

зация практической подготовки (И.Ю. Боровкова, Т.В. Зинченко, М.И. Калинина, Л.В. Симонова, Ф.А. Сулейманова и др.); подходы к формированию профессиональных компетенций у будущих учителей начальной школы (О.Ю. Попова, Е.С. Ревина, А.В. Хмызова, Н.Г. Щеколдина, Ц. Юань и др.).

Ведется активное изучение различных аспектов технологизации образовательного процесса: изучение сущности технологического подхода в образовании, определение признаков образовательной технологии, поиск оснований классификации образовательных технологий (В.П. Беспалько, Н.В. Бордовская, Л.А. Вербицкая, В.И. Гинецинский, А.Н. Джуринский, М.В. Кларин и др.).

Постановка задачи. Говоря о подготовке педагогов для системы начального общего образования, мы ориентируемся на тот формат образовательного процесса, реализуемого в отечественной начальной школе. В системе начального общего образования с 2010 года на смену «знаниевому» подходу пришел системно-деятельностный подход, а значит новое поколение учителей должно быть готово профессионально реализовывать данный подход. В рамках данной статьи описан опыт внедрения технологии деятельностного метода в рамках конкретной учебной дисциплины; показано пошаговое включение компонентов деятельностного метода в формирование профессиональных компетенций будущего педагога.

Методы исследования: изучение нормативных документов, анализа и обобщения психолого-педагогической литературы, организации образовательного процесса.

Описание исследования

Двадцатипятилетний опыт подготовки будущих учителей начальных классов позволил сформировать собственное видение данного процесса. В настоящее время основу подготовки составляют профессиональные компетенции, сформулированные на основе профессионального стандарта «Педагог» [8]:

- способен проектировать и реализовывать образовательный процесс в сфере начального общего образования с учетом социальных,

возрастных, психофизических и индивидуальных особенностей обучающихся, в том числе особых образовательных потребностей;

- способен к методическому сопровождению достижения метапредметных и предметных результатов на основе учета индивидуальных особенностей обучающихся;

- способен использовать теоретические и практические знания для постановки и решения исследовательских задач в предметной области (в соответствии с профилем и уровнем обучения) и в области образования.

Все три компетенции ориентированы на реализацию деятельностного подхода в работе с младшими школьниками, требующего от педагога не трансляции знаний, а создания условий для активной исследовательской, проектной, творческой деятельности детей. Современный учитель начальной школы должен быть готов организовать каждый этап субъектной деятельности ученика: целеполагание, планирование, поиск способа деятельности, выполнение выбранных действий, самоконтроль и самооценка [3]. Понимая компетенцию как некую установку на деятельность [9], мы исходим из положения позитивной психотерапии о том, что каждый человек от рождения наделён двумя основными способностями/потребностями: любить и познавать. И если аффективная сфера (потребность любить) формируется у человека через подражание значимому другому, то когнитивно-поведенческая сфера (потребность познавать) формируется только через собственный опыт [7]. А значит, осваивая профессиональные компетенции, будущий педагог должен сам прожить все эти этапы. Нельзя научить другого тому, чем ты в совершенстве не владеешь сам. Это базовое положение, определяющее выбор технологии деятельностного метода в формировании профессиональных компетенций будущего педагога.

Реализация данного положения требует от вузовского преподавателя владения методологией деятельностного подхода, умения выбирать соответствующие технологии организации образовательного процесса, оценивать их возможности в развитии необходимых компетенций [2].

Стратегической линией преподавания в рамках пятилетнего бакалавриата дисциплины «Методика преподавания русского языка и литературного чтения в начальной школе» в нашем опыте является четко продуманная система организации различных видов деятельности студентов при освоении курса. Все виды деятельности направлены на активное вовлечение в процесс получения знаний, овладение профессиональными умениями, погружение в квазипрофессиональную деятельность (А.А. Вербицкий) [4].

Реализация предлагаемой технологии требует создания определенных педагогических условий:

- поддержка личной инициативы, самостоятельности, свободы выбора в освоении содержания изучаемого материала (психолого-педагогическое условие);

- создание атмосферы творческого поиска вариативных педагогических подходов и методических решений дидактических задач, определенных образовательной программой начального общего образования (организационно-педагогическое условие);

- целенаправленная работа по формированию умения работать с разными источниками информации, анализировать и представлять полученную информацию, проектировать и конструировать образовательный процесс в системе начального общего образования (дидактическое условие).

Получение профессиональных знаний будущими педагогами традиционно происходит на занятиях лекционного типа. В отечественной высшей школе по-прежнему на лекционное преподавание выделяется от 1/3 до 1/2 всего учебного времени. Однако при этом, на наш взгляд, происходит перераспределение рангов функций современной лекции – на первый план выходят мотивационная и профессионально-воспитательная функции. Мотивационная функция лекции проявляется в диалогово-проблемной форме изложения материала (опора на личный и профессионально-педагогический опыт студентов, создание ситуаций затруднения и методического поиска); использование различных источников информации (речь лектора, мультимедийные средства, коллизии). Немаловажным фактором

осознанного восприятия студентами лекционного материала, как показывает наш десятилетний опыт внедрения рассматриваемой технологии, является систематическое проведение экспресс-опросов по предыдущему лекционному материалу (не более 3 вопросов на 3 минуты). При этом вопросы для экспресс-опроса составляет не преподаватель, а сами студенты после специального обучения. В заключение первых двух лекций преподаватель просит студентов выделить ключевые моменты в прослушанном материале, попытаться сформулировать их в форме вопросов, требующих кратко, лаконичного ответа. Далее каждый студент к новой лекции сам составляет 3–4 вопроса по предыдущему материалу, сдает их преподавателю, который из общей массы вопросов выбирает три наиболее удачных (обобщенных, важных) и предлагает их аудитории для ответов. Подобный вид деятельности студентов помимо мотивационной задачи решает задачу совершенствования общеучебных способов работы – развития мыслительной деятельности (осмысление материала, выделение главного, абстрагирование и т.п.). К пятому курсу, в зависимости от контингента студентов, можно вводить опыт проведения бинарных лекций: преподаватель и наиболее мотивированный, грамотный студент. В данном случае реализуется как мотивационная, так и профессионально-воспитательная функции лекции.

Организация лекционных занятий подобным образом формирует у будущих педагогов личный опыт самостоятельной работы с теоретическим материалом, позволяет освоить способы обработки и представления материала, и в дальнейшем переложить свой опыт на работу с младшими школьниками

Продолжением лекционной формы обучения служат семинарские занятия. Семинары по методике преподавания русского языка носят в большей степени практический характер. На этих занятиях студенты выполняют разнообразные виды деятельности: раскрывают теоретические вопросы, выведенные на самостоятельное изучение; представляют аннотации и тезисы статей периодической печати; анализируют школьные программы и учебники по русскому

языку и литературному чтению; моделируют фрагменты уроков по определенным требованиям и в формате деловой игры защищают разработанные уроки [10].

Составление аннотаций статей периодической печати по изучаемому разделу дисциплины и написание рецензии к одной из понравившихся статей способствует формированию одного из исследовательских умений – работа с теоретическими источниками информации. Логическим продолжением такой работы может стать совместное с преподавателем определение актуальной проблематики в рамках изучаемого раздела, написание собственных научных статей, проведение учебных исследований или создание проекта, участие в научных конкурсах. Так накапливается опыт учебной и исследовательской деятельности, что обеспечивает реализацию сквозной траектории формирования исследовательских компетенций педагога, заявленной в Концепции подготовки педагогических кадров [5].

В условиях тотальной цифровизации, активного использования онлайн-обучения даже в работе с младшими школьниками актуальным становится овладение будущими педагогами методическими цифровыми компетенциями, заключающимися в умении не только использовать в своей работе различные образовательные онлайн-платформы и цифровые ресурсы, но и самостоятельно создавать обучающие видеоролики, онлайн-задания, игры, опросники. Перед выполнением таких творческих заданий обязательно проводится коллективное обсуждение: какое понятие или умение будет формироваться/отрабатываться с учениками какого класса, выделяются основные признаки понятия, критерии оценки умений, объем и формат предлагаемых детям материалов. Далее студенты самостоятельно разрабатывают такие материалы, проводится их просмотр, апробация на практических занятиях и в завершении студенты имеют возможность (по согласованию с учителем) использовать их на педагогической практике. Нарботанные материалы размещаются на гугл-диске, и все участники группы имеют возможность, при необходимости, воспользоваться ими.

Так на практических занятиях продолжается накопление теоретических знаний и организуется их активный перенос в профессиональные умения, накапливается опыт квазипрофессиональной деятельности.

Помимо лекционно-семинарских занятий, основой вузовского образования является самостоятельная работа студента, занимающая $\frac{1}{2}$ часть времени, отводимого на изучение конкретной дисциплины. Именно она формирует готовность к самообразованию, создает базу непрерывного образования, возможность постоянно повышать свою квалификацию. Перед преподавателем каждой учебной дисциплины ставится задача, максимально используя особенности предмета, помочь студенту наиболее эффективно организовать свою учебно-познавательную деятельность, рационально планировать и осуществлять самостоятельную работу, а также обеспечивать формирование общих умений и навыков самостоятельной деятельности [6].

Так в начале изучения каждого раздела названных выше дисциплин студентам предлагается серия заданий для самостоятельной работы с указанием темы задания, примерного количества часов, отводимого на его выполнение и формы отчетности. Одним из мотивационно и методически важных видов заданий для самостоятельной работы является сбор методической копилки, которая является аналитическим, практическим, опорным материалом при прохождении педагогической практики в школах области.

Таким образом, значительная часть усилий преподавателей и студентов должна быть направлена на то, чтобы в короткий промежуток времени максимально овладеть профессиональными компетенциями. На это направлено создание условий для максимально приближенного к практике погружения в профессиональную деятельность, формирования у будущих педагогов способности к осознанному проектированию и реализации образовательного процесса на основе предметных, психолого-педагогических и методических знаний и умений. Грамотное совмещение преподавателем вуза функций советчика, наставника, ментора позволит максимально продуктивно реализовать технологию формирования профессиональных компетенций у будущих педагогов.

Список литературы

1. Абдулина О.А. Новые технологии образования. Личностно-ориентированная технология обучения: проблемы и поиски // Наука и школа. 1998. № 4. С. 40.
2. Бордовская Н. В., Кошкина Е. А., Бочкина Н. А. Образовательные технологии в современной высшей школе (анализ отечественных и зарубежных исследований и практик) // Образование и наука. 2020. Т. 22, № 6. С. 137-175.
3. Весманов С. В., Жадько Н. В., Весманов Д. С., Источников В. В. Перспективы развития профессии учителя: от передачи знаний к современным образовательным технологиям // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Педагогика и психология». 2019. № 3 (49). С. 52-60.
4. Захарова Т.В. Квазипрофессиональная деятельность в педагогическом образовании: проблемы и перспективы // Мир науки, культуры, образования. 2013. № 6 (43). С. 215–217.
5. Концепция подготовки педагогических кадров для системы образования на период до 2030 г., утверждена Распоряжением Правительства РФ от 24 июня 2022 г. № 1688-р. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/404830447/> (дата обращения 19.01.2024).
6. Митина Г.В. Проблемы практикоориентированной подготовки педагогов в вузе // Социосфера. Научно-методический и теоретический журнал. 2015. № 4. С. 75–79.
7. Пезешкиан Х. Основы позитивной психотерапии. Архангельск: Изд. Архангельского мед. ун-та, 1993. 116 с.
8. Профессиональный стандарт «Педагог (педагогическая деятельность в сфере дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего образования) (воспитатель, учитель)». URL: <https://base.garant.ru/70535556/> (дата обращения 14.11.2020).
9. Равен Дж. Компетентность в современном обществе. Выявление, развитие и реализация. М., 2002. 396 с.
10. Степашкина В.А. Игра как технология моделирования профессиональной деятельности // Образование и саморазвитие. 2017. № 4 (12). С. 35-43.

11. Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования нового поколения от 05.07.2021 г. / М-во образования и науки Рос. Федерации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107050028> (дата обращения: 29.10.2023).

References

1. Abdulina O.A. New educational technologies. Personality-oriented teaching technology: problems and searches. *Nauka i shkola* [Science and School], 1998, no. 4, p. 40.
2. Bordovskaya N. V., Koshkina E. A., Bochkina N. A. Educational technologies in modern higher education (analysis of domestic and foreign studies and practices). *Obrazovanie i nauka* [Education and Science], 2020, vol. 22, no. 6, pp. 137-175.
3. Vesmanov S. V., Zhadko N. V. V., Vesmanov D. S., Istochnikov V. V. Prospects for the development of the teaching profession: from knowledge transfer to modern educational technologies. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya «Pedagogika i psikhologiya»* [Bulletin of Moscow City Pedagogical University. Series "Pedagogy and psychology"], 2019, no. 3 (49), pp. 52-60.
4. Zakharova T.V. Quasi-professional activity in pedagogical education: problems and prospects. *Mir nauki, kultura, obrazovanie*, 2013, no. 6 (43), pp. 215-217.
5. The concept of teacher training for the education system for the period up to 2030, approved by the Order of the Government of the Russian Federation of June 24, 2022, No. 1688-r. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/404830447/>
6. Mitina G.V. Problems of practice-oriented training of teachers in higher education. *Sotsiosfera. Nauchno-metodicheskiy i teoreticheskiy zhurnal*, 2015, no. 4, pp. 75-79.
7. Pezeshkian H. *Fundamentals of positive psychotherapy*. Arkhangelsk: Izd. Arkhangelsk Med. un-ta, 1993, 116 p.
8. Professional standard "Pedagogue (pedagogical activity in the sphere of preschool, primary general, basic general, secondary general education) (educator, teacher)". URL: <https://base.garant.ru/70535556/>

9. Raven J. *Competence in modern society. Identification, development and realization*. М., 2002, 396 p.
10. Stepashkina V.A. Game as a technology for modeling professional activity. *Образование и саморазвитие* [Education and self-development], 2017, no. 4 (12), pp. 35-43.
11. Federal state educational standard of primary general education of the new generation from 05.07.2021 / Ministry of Education and Science of the Russian Federation. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107050028>

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Митина Галина Валентиновна, кандидат педагогических наук,
доцент, доцент высшей школы теории и методики педагогического и дефектологического образования
Тихоокеанский государственный университет
ул. Тихоокеанская, 136, г. Хабаровск, 680035, Российская Федерация
gvmitina@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Galina V. Mitina, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Higher School of Theory and Methods of Pedagogical and Defectology Education
Pacific State University
136, Tikachikovskaya Str., Khabarovsk, 680035, Russian Federation
gvmitina@mail.ru

Поступила 23.01.2024

После рецензирования 12.02.2024

Принята 22.02.2024

Received 23.01.2024

Revised 12.02.2024

Accepted 22.02.2024

DOI: 10.12731/2658-4034-2024-15-1-441

УДК 373.1

Научная статья | Общая педагогика, история педагогики и образования

ОРГАНИЗАЦИЯ ОПЫТНО-ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ РАБОТЫ В ПРОФИЛЬНОЙ ГИМНАЗИИ ПО УПРАВЛЕНИЮ ЕГО ИННОВАЦИОННЫМ РАЗВИТИЕМ

Г.Н. Киселева

Цель. В статье затрагивается актуальная проблема современного образования, связанная с управлением инновационным развитием образовательного процесса в школе. Статья посвящена теоретическому и практическому освещению механизмов, направленных на эффективное управление инновационным развитием образовательного процесса в школе. Содержание опытно-экспериментальной работы раскрывает три направления инновационного развития образовательного учреждения: профильное обучение (социально экономический профиль), организация инклюзивной среды, внедрение инновационных педагогических технологий на каждом уровне образования (на начальном уровне образования – технология развивающего обучения; на уровне основного общего образования – технология критического мышления; на уровне основного среднего образования – технологии проблемного и проектного обучения).

Методы и методология проведения работы. Основу исследования образуют теоретические методы: анализ и синтез, эмпирические методы.

Результаты. Новизна исследования заключается в разработке организационно-функциональной модели управления инновационным развитием образовательного процесса школы, которая состоит из пяти блоков: концептуально-целевой, аналитический, организационно-управленческий, процессуальный, аналитико-обобщающий.

Практическую значимость составляют обозначенные в исследовании этапы и деятельность на каждом этапе, что позволит повысить результативность образовательного процесса.

Область применения результатов: полученные результаты целесообразно применять в практике общеобразовательных учреждений ЛНР и РФ.

Ключевые слова: управление; инновационное развитие; педагогические инновации; экспериментальная деятельность; внедрение инноваций; образовательный процесс; организационно-функциональная модель управления

Для цитирования. Киселева Г.Н. Организация опытно-экспериментальной работы в профильной гимназии по управлению его инновационным развитием // Russian Journal of Education and Psychology. 2024. Т. 15, № 1. С. 62-75. DOI: 10.12731/2658-4034-2024-15-1-441

Original article | General Psychology, Personality Psychology, History of Psychology

ORGANIZATION OF EXPERIMENTAL WORK IN A SPECIALIZED GYMNASIUM FOR MANAGING ITS INNOVATIVE DEVELOPMENT

G.N. Kiseleva

Purpose. *The article addresses the current problem of modern education related to the management of innovative development in the educational process at school. The study is dedicated to the theoretical and practical exploration of ways and techniques aimed at effective management of the innovative development of the educational process in schools. The content of the experimental work reveals three directions of innovative development in the educational institution, i.e., specialized education (socio-economic profile), creation of an inclusive environment, and the implementation of innovative pedagogical technologies at each level of education (the technology of developmental learning at*

the primary education level; the technology of critical thinking at the level of basic general education; the technologies of problem-based and project-based learning at the level of secondary general education).

Method and methodology of the study. *The foundation of the research consists of theoretical methods such as analysis and synthesis, as well as empirical methods.*

Results. *The novelty of the study lies in the development of an organizational-functional model for managing the innovative development of the school's educational process, which consists of five blocks, i.e., conceptual-target, analytical, organizational-managerial, procedural, and analytical-generalizing ones. The practical significance includes the outlined stages and activities in the study at each stage, which will enhance the effectiveness of the educational process.*

Practical implications of the results: *The obtained results are advisable to be applied in educational institutions of the LPR (Luhansk People's Republic) as well as the Russian Federation.*

Keywords: *management; innovative development; pedagogical innovations; experimental activity; innovation implementation; educational process; organizational-functional management model*

For citation. *Kiseleva G.N. Organization of Experimental Work in a Specialized Gymnasium for Managing Its Innovative Development. Russian Journal of Education and Psychology, 2024, vol. 15, no. 1, pp. 62-75. DOI: 10.12731/2658-4034-2024-15-1-441*

Введение

Инновационное развитие образовательных учреждений на современном этапе развития системы образования стало предметом теоретических и практических исследований. Проблема управления инновационным развитием образовательного процесса актуальна в условиях трансформации всей системы образования. Внедрение инноваций в образовательном учреждении потребовала полностью изменить сложившуюся систему образовательного процесса, переподготовку педагогического состава, материальную базу образовательного учреждения.

Методы исследования определялись его целью, необходимостью разрешения методологических, теоретических и практических проблем. Теоретические методы применялись при изучении научной литературы и ее анализе, с помощью эмпирических методов – анкетирования и экспериментальной деятельности исследовалось управление инновационным развитием образовательного процесса, верификация полученной информации путем сопоставления данных исследования.

Основная часть

В настоящее время понятие «управление инновационным развитием образовательного процесса» рассматривается различными учеными. Ю.В. Васильева считает, что «для управления инновационным развитием необходимо: создание благоприятных условий для разработки/внедрения инноваций; пересмотр бюджетной политики компании; обучение кадров, которые способны эффективно руководить инновационным процессом, внедрение самых смелых идей; обновление базы для внедрения разработок (реконструкция/модернизация/ покупка основных средств, обновление персонала)» [2]. А.В. Полукеева в своих исследованиях отмечает, что «для эффективного руководства инновационной организацией необходимо: повышенное внимание финансовому аспекту управления инновационной деятельностью (недостаток инвестиций препятствует превращению идеи в инновацию); вследствие высокой степени неопределенности и нестабильности внешней среды использовать методы снижения рисков; кардинально перестроить кадровую политику (постоянный поиск и совершенствование инструментов стимулирования, постоянное обучение персонала, развитие и поддержка творческой активности, креативности и инициативы, создание самых комфортных условий труда и т.д.); объяснение изменений, развитие персонала, формирование организационной культуры, проведение эффективной коммуникационной политики; решение вопросов коммерциализации, управления интеллектуальной собственностью и продвижения» [6].

Говоря об «управлении инновационным развитием образовательного процесса» в школе можно сделать вывод, что это организованная деятельность субъектов управления, которая направлена на трансформацию управляемого объекта. Эффективность внедряемых инноваций обусловлена профессиональной компетентностью субъектов управления, творческими качествами, навыками по построению стратегии, планирования, организации, контроля, координации.

Внедрение инноваций возможно тремя методами: принудительным, адаптивным, кризисным [1], они представлены в таблице 1.

Таблица 1.

Методы внедрения инноваций

Методы внедрения	Сущность
Адаптивные инновации	Сначала проект согласуется на уровне исполнителей, каждый из которых дает свои замечания и соображения. Только после этого проект передается на уровень руководителей подразделений, где процедура повторяется. Так, уровень за уровнем, реализуется «революция снизу». Это самый оптимальный способ реализации инноваций. Все сотрудники чувствуют себя участниками инновационного процесса.
Принудительные	Работники вынуждены работать по новым стандартам, возможно не отвечающим привычным мотивациям, интересам, опыту персонала. Плюс этого метода внедрения инноваций – выигрыш во времени. Этот способ вызывает большое сопротивление персонала. Сотрудники могут бойкотировать изменения.
Кризисные инновации	Сопротивление нововведению в условиях кризиса практически нет. Инновации внедряются в сжатые сроки. Руководство и сотрудники готовы более лояльно относиться к инновациям в компании. Минус этого метода в том, что нет времени на обдумывание процесса.

Учитывая социально-политическую ситуацию, в которой находилось население Донбасса с лета 2014 года, поначалу перед системой основного общего образования на всех уровнях стояла задача «выживания» и сохранения образовательных учреждений, что вынуждало использовать кризисный и принудительный методы управления. Была поставлена задача, перед коллективами образовательных учреж-

дений, перейти на образовательные стандарты РФ, что предполагало внесение изменений в нормативную базу: изменение устава, учебных планов, а также образовательных программ по предметам. Когда, в 2017-2018 учебном году была взята цель на адаптацию образовательного пространства Луганской Народной Республики к образовательному пространству Российской Федерации, было принято решение об адаптивных методах по внедрению инновационных нововведений.

На этом этапе автором была предложена организационно-функциональная модель управления инновационным развитием образовательного процесса школы. С этой целью на базе ГОУ ЛНР «Успенская гимназия №1» по решению Министерства образования и науки Луганской Народной Республики (приказ №358-ОД от 12.03.2020г.) была создана экспериментальная площадка.

Целью экспериментальной деятельности была разработка и внедрение в практику организационно-функциональной модели управления инновационным развитием образовательного процесса школы, при внедрении которой будет достигнуто эффективное управление и повысится качество образования.

Задачи экспериментальной деятельности:

– адаптировать актуальные понятия экспериментального исследования: «инновация», «инновации в образовании», «инновационные технологии», «качество образования», «мониторинг качества образования», «лично-ориентированный подход к обучению» применительно к системе общего среднего образования, выделить характеристики педагогических технологий: развивающего обучения, развития критического мышления, проектного обучения, проблемного обучения, коллективного творческого дела;

– разработать организационно-функциональную модель управления инновационным развитием образовательного процесса школы;

– разработать локальные нормативно-правовые акты по вопросам обеспечения образовательной деятельности всех управляющих структур системы школы;

– экспериментально проверить эффективность организационно-функциональной модели управления инновационным развитием образовательного процесса школы;

– повысить профессиональную компетентность педагогических кадров по вопросам инновационной деятельности: знаний теоретико-методических основ выбора инновационных технологий, профильного обучения, инклюзивного образования;

– разработать критерии и показатели эффективности управления инновационным развитием образовательного процесса в школе.

Опытно-экспериментальная деятельность в образовательном учреждении состояла из пяти этапов: диагностико-прогностического, аналитико-организационного, практического, обобщающего и корригирующего.

На **первом** – диагностико-прогностическом этапе экспериментальной деятельности было проведено педагогическое тестирование «Оценка готовности педагога к участию в инновационной деятельности» (модификация методики В.А. Сластенина, Л.С. Подымовой) [3]. На основании проведенной диагностики было отмечено, что в педагогическом коллективе гимназии достаточно хорошая почва для внедрения педагогических инноваций.

На тематическом педсовете «Внедрение инновационных технологий – условие повышения качества образования» было принято решение развивать потенциал педагогического коллектива гимназии через организацию мастер-классов и семинаров внутри школы, проведения публичных отчетов педагогов с целью обмена педагогическим опытом. Коллектив определил три направления развития образовательного учреждения: организация профильного обучения, организация инклюзивного образования, внедрение инновационных образовательных технологий на всех уровнях образования. Была разработана стратегия и тактика инновационного развития профильной гимназии.

Был проведен теоретический семинар для педагогов образовательного учреждения «Использование в образовательном процессе современных образовательных технологий», на котором педагоги смогли ознакомиться и обсудить выбранные инновационные образовательные технологии.

На **втором** аналитико-организационном этапе экспериментальной деятельности, на педагогическом совете было принято решение о реорганизации структуры управления через расширение ее

структурными элементами: Советом по качеству и психолого-медико-педагогическим консилиумом.

На Совет по качеству были возложены обязанности по организации работы связанной с профильностью и внедрением инновационных педагогических технологий. Психолого-медико-педагогический консилиум отвечал за организацию инклюзивного образования. Каждая структурная единица по своему направлению работы разработала локальные нормативно-правовые акты (Положения, обязанности, учебные планы, программы).

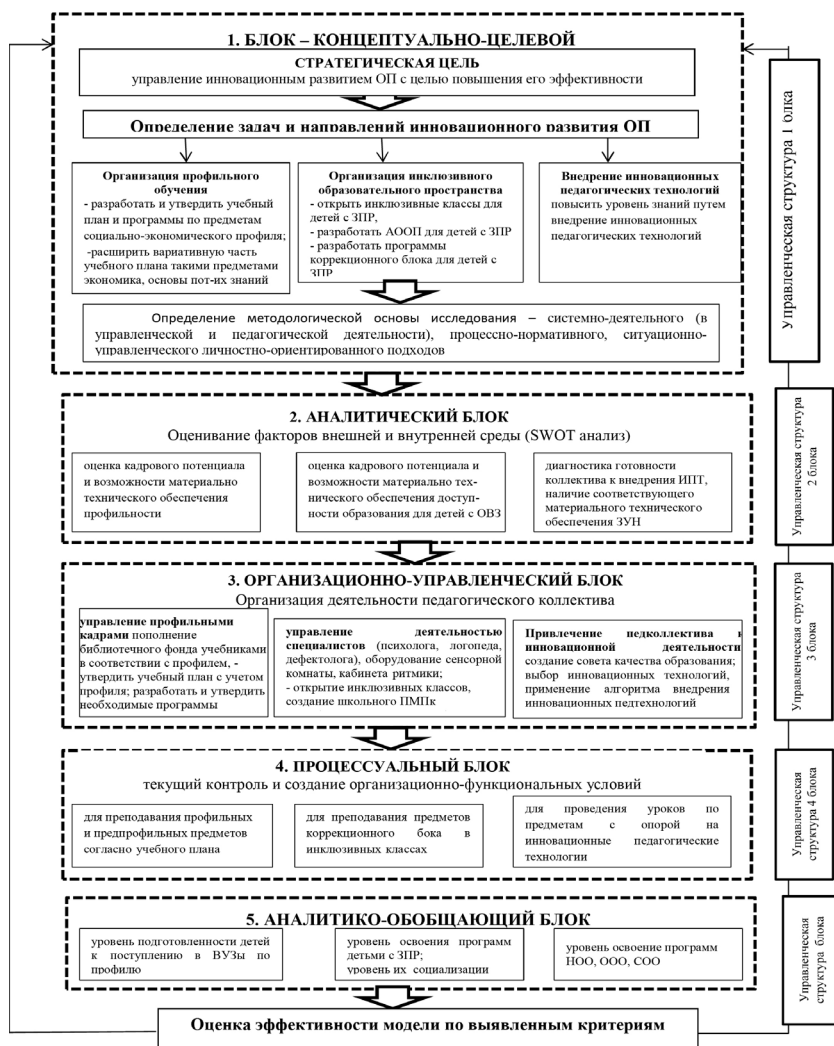
Методическим советом школы была разработана организационно-функциональная модель управления инновационным развитием образовательного процесса школы (рис. 1).

На теоретико-методологическом уровне проблема моделирования процесса управления инновационным развитием образовательного учреждения наиболее фундаментально рассматривается с позиций системно-деятельностного подхода. Именно в работах В.И. Загвязинского, В.С. Лазарева, М.М. Поташника, Н.Б. Пугачёвой, А.В. Хуторского раскрываются возможности анализировать не только отдельные стадии инновационного процесса, но были представлены способы и средства комплексного изучения процесса управления инновационным развитием ОУ.

Опираясь на мнение ученых [4, 6, 9, 10, 11] мы представляем процесс реализации данной модели, как некий единый цикл взаимообусловленных действий объектов и субъектов управления, состоящий из пяти последовательных блоков: *концептуально-целевой, аналитический, организационно-управленческий, процессуальный, аналитико-обобщающий.*

Внедрение в практику организационно-функциональной модели управления инновационным развитием образовательного процесса школы проходило **на третьем** практическом этапе экспериментальной деятельности. На данном этапе администрацией проводились круглые столы, диспуты, посвященные обсуждению уроков с применением инновационных педагогических технологий. На одном из семинаров-практикумов «Внедрение педагогической технологии – залог успешного урока» учителя имели возможность поделиться своими наработками,

показать мастер классы при этом обговорить как плюсы, так и минусы проделанной работы. Также на этом этапе структурными подразделениями во главе с заместителями директора по учебно-воспитательной работе проводился мониторинг внутришкольного контроля, согласно которого можно судить об уровне эффективности.

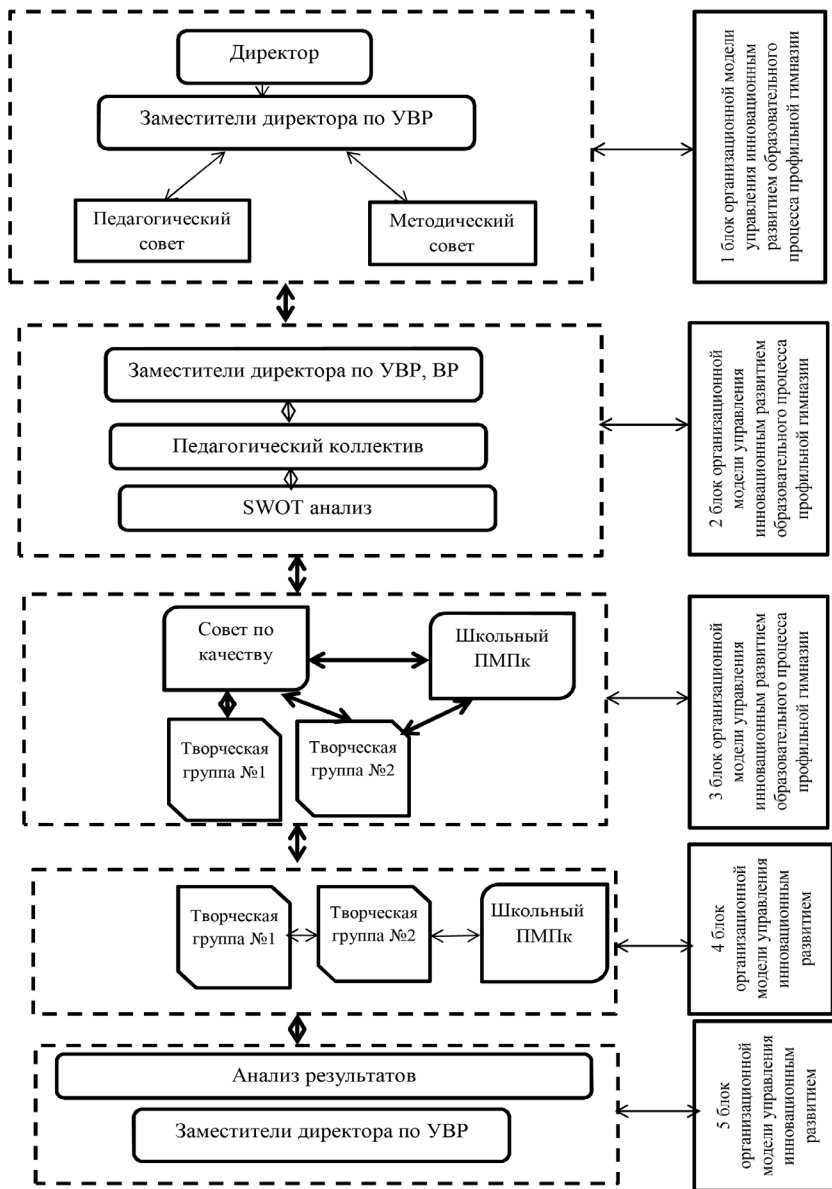

Рис. 1. Организационно-функциональная модель управления инновационным развитием образовательного процесса школы

На **четвертом – обобщающем** этапе экспериментальной деятельности проводилась обработка и обобщение показателей, полученных в ходе экспериментальной деятельности. На тематическом педсовете «Инновационный подход, как средство развития личностных качеств обучающихся» были подведены итоги экспериментальной деятельности в школе, обсуждались результаты системного теоретико-методического анализа экспериментальной деятельности.

На **пятом** корректирующем этапе экспериментальной деятельности, исходя из результатов мониторинга внутришкольного контроля, была произведена коррекция и намечено перспективное планирование деятельности образовательного учреждения.

Подводя итоги результатов экспериментальной работы в образовательном учреждении, можно сделать вывод, что разработанная и внедренная в практику организационно-функциональная модель управления инновационным развитием образовательного процесса, обеспечивает образовательному учреждению выход на новый уровень организации образовательно-воспитательного процесса, что позволяет говорить о реализации поставленных целей исследования.

Заключение

Разработанная нами организационно-функциональная модель состоит из пяти блок: концептуально-целевой, аналитический, организационно-управленческий, процессуальный, аналитико-обобщающий и отражает феномен управления инновационным развитием образовательного процесса и направлена на внедрение следующих педагогических инноваций: профильное обучение, инклюзивная среда, инновационные педагогические технологии.

Информация о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Список литературы

1. Балакина Ю.Ю. Теоретические аспекты инновационной деятельности и пути внедрения инноваций в организации // УЭКС. 2016.

- №12 (94). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-aspekty-innovatsionnoy-deyatelnosti-i-puti-vnedreniya-innovatsiy-v-organizatsii> (дата обращения: 15.01.2024).
2. Васильев Ю.В. Теория управления: учебник для студентов высших учебных заведений по специальности «Государственное и муниципальное управление» / [Ю. В. Васильев, В. Н. Парахина, Л. И. Ушвицкий и др.] ; под ред. Ю. В. Васильева, В. Н. Парахиной, Л. И. Ушвицкого. Изд. 2-е, доп. М.: Финансы и статистика, 2008. 606 с.
 3. Готовность педагогов образовательных организаций среднего общего образования к инновационной деятельности (методика диагностики и анализа) / Лазаренко И.Р., Матвеева Н.А., Колесова С.В. [и др.]: под науч. ред. Н.А. Матвеевой. Барнаул: АлтГПУ, 2022. 52 с.
 4. Загвязинский В.И. Моделирование в структуре социально-педагогического проектирования // Моделирование 208 социально-педагогических систем: Материалы регион. научно-практ. конф. (16-17 сентября 2004 г.) / гл. ред. А. К. Колесников; отв. ред. И. П. Лебедева. Пермь, 2004. С. 6–22.
 5. Подласый И. П. Педагогика в 2 т. Том 1. Теоретическая педагогика в 2 книгах. Книга 1: учебник для вузов / И.П. Подласый. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Издательство Юрайт, 2020. 404 с.
 6. Полукеева А.В. Развитие системы управления инновационной деятельностью предприятий : автореферат дис. ... кандидата экономических наук : 08.00.05 / Полукеева Анна Владимировна; [Место защиты: Юго-Зап. гос. ун-т]. Воронеж, 2017. 24 с.
 7. Син Е.Е. Перспективы развития профильного обучения в школе // Молодой ученый. 2017. №4-1. С. 90-93.
 8. Системный подход в управлении предприятиями: монография / [В. М. Матиашвили, В. Г. Рождественский, Т. Н. Ермакова и др.]; под общей редакцией В. М. Матиашвили; Министерство образования и науки Российской Федерации, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Нижегородский государственный технический университет им. Р. Е. Алексеяева. Нижний Новгород: Нижегородский гос. технический ун-т им. Р. Е. Алексеяева, 2018. 185 с.

9. Соколова Е.В. Модернизация российской системы образования в современных условиях развития общества // Дельта науки. 2020. № 1. С. 82-84.
10. Соколова Е.В. Система образования в РФ: модель системы образования в перспективе 2020 года // Устойчивое развитие науки и образования. 2017. № 5. С. 147-152.
11. Фархатдинов Н.Г. Модели управления общеобразовательной организацией в условиях реформ: опыт социального анализа / Н. Г. Фархатдинов, Н. В. Евстигнеева, Д. Ю. Куракин, В. М. Малик // Вопросы образования. 2015. №2. С. 196-219.

References

1. Balakina Yu.Yu. Theoretical aspects of innovation activity and ways of innovation implementation in the organization. *Upravlenie ekonomicheskimi sistemami*, 2016, no. 12 (94). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-aspekty-innovatsionnoy-deyatelnosti-i-puti-vnedreniya-innovatsiy-v-organizatsii>
2. Vasiliev Y.V. *Theory of management: textbook for students of higher educational institutions on specialty "State and municipal management" / [Y.V. Vasiliev, V.N. Parakhina, L.I. Ushvitsky, et al.]; ed. Y.V. Vasiliev, V.N. Parakhina, L.I. Ushvitsky. Moscow: Finance and Statistics, 2008, 606 p.*
3. *Readiness of teachers of educational organizations of secondary general education to innovative activity (methodology of diagnostics and analysis) / Lazarenko I.R., Matveeva N.A., Kolesova S.V., et al.: ed. N.A. Matveeva. Barnaul: AltGPU, 2022, 52 p.*
4. Zagvyazinsky V.I. Modeling in the structure of socio-pedagogical design. *Modeling 208 socio-pedagogical systems: Proceedings of the regional scientific and practical conference (September 16-17, 2004) / ed. A. K. Kolesnikov, I. P. Lebedeva. Perm, 2004, pp. 6-22.*
5. Podlasyi I. P. *Pedagogy in 2 vol. Vol. 1. Theoretical pedagogy in 2 books. Book 1: textbook for universities. Moscow: Yurait Publishing House, 2020, 404 p.*
6. Polukeeva A.V. *Development of the management system of innovative activity of enterprises: abstract of the dissertation ... candidate of economic sciences: 08.00.05. Voronezh, 2017, 24 p.*

7. Sin E.E. Prospects for the development of profile education at school. *Molodoy uchenyy* [Young scientist], 2017, no. 4-1, pp. 90-93.
8. *System approach in enterprise management* / V. M. Matiashvili, V. G. Rozhdestvensky, T. N. Ermakova, et al.; ed. V. M. Matiashvili. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State Technical University named after R. E. Alekseev, 2018, 185 p.
9. Sokolova E.V. Modernization of the Russian education system in modern conditions of society development. *Delta nauki*, 2020, no. 1, pp. 82-84.
10. Sokolova E.V. Education system in the Russian Federation: the model of the education system in the perspective of 2020. *Ustoychivoe razvitiye nauki i obrazovaniya* [Sustainable development of science and education], 2017, no. 5, pp. 147-152.
11. Farhatdinov N.G. Models of management of the general educational organization in the conditions of reforms: experience of social analysis / N. G. Farhatdinov, N. V. Evstigneeva, D. Y. Kurakin, V. M. Malik. *Vo-prosy obrazovaniya* [Education Issues], 2015, no. 2, pp. 196-219.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Киселева Галина Николаевна, старший преподаватель кафедры педагогики
ФГБОУ ВО «Луганский государственный педагогический университет»
ул. Оборонная, 2, г. Луганск, 291011, Российская Федерация
kiseleva.galina2024@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Galina N. Kiseleva, Senior Lecturer at the Department of Pedagogy
Lugansk State Pedagogical University
2, *Oboronnaya Str.*, *Lugansk*, *291011*, *Russian Federation*
kiseleva.galina2024@mail.ru

Поступила 23.01.2024
После рецензирования 31.01.2024
Принята 10.02.2024

Received 23.01.2024
Revised 31.01.2024
Accepted 10.02.2024

DOI: 10.12731/2658-4034-2024-15-1-446

УДК 372.881.1-378

Научная статья | Методология и технология профессионального образования

ПРЕПОДАВАНИЕ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ: ОПЫТ МЕДИЦИНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

А.Ю. Соколова

Цель. Основная цель предлагаемой работы – описать личностноориентированную системную иерархическую модель преподавания иностранных языков в неязыковом вузе, успешно внедренную преподавателями кафедры иностранных языков Тверского государственного медицинского университета. В статье приводятся основные структурные особенности модели, характеризуются ее базовые компоненты, обосновывается её применение в российской практике преподавания иностранных языков.

Материалы и методы. Применены такие теоретические основы исследования, как анализ педагогической и методической литературы по указанной проблеме, сравнение, обобщение. Ведущим практическим методом является практикоориентированный педагогический эксперимент.

Результаты. Центральным компонентом предлагаемой модели является личностная ориентированность. Она достигается за счет наличия нескольких ступеней (сфер) изучения иностранного языка, позволяющих удовлетворить знаниевые потребности личности обучающегося в ходе его профессионального становления в стенах высшего учебного заведения; учета, во-первых, личного социально-культурного опыта обучающегося, и, во-вторых, базового школьного иноязычного образования, что позволяет обучающемуся легко воспринимать (даже на родном языке) и осмысливать предлагаемую ему иноязычную информацию; широкого использования

межпредметных связей, направленного на повышение мотивации личности обучающегося и позволяющего активизировать уже приобретенный опыт и знания; отбора языкового материала: расширение лексического запаса за счет введения специальной лексики и терминологии и ограничение уже освоенных грамматических конструкций.

Область применения результатов. *Описанная в статье модель может быть применена в практике обучения иностранному языку студентов неязыковых вузов.*

Ключевые слова: *методика преподавания; коммуникативный подход; личностная ориентированность*

Для цитирования. *Соколова А.Ю. Преподавание иностранных языков в неязыковом вузе: опыт медицинского университета // Russian Journal of Education and Psychology. 2024. Т. 15, № 1. С. 76-88. DOI: 10.12731/2658-4034-2024-15-1-446*

Original article | Methodology and Technology of Professional Education

FOREIGN LANGUAGE TEACHING AT A NON-LANGUAGE UNIVERSITY: MEDICAL UNIVERSITY EXPERIENCE

A. Yu. Sokolova

Purpose. *The main goal of the proposed work is to describe a person-centered systemic hierarchical model of foreign language teaching at a non-linguistic university successfully implemented by teachers of the Department of Foreign Languages at Tver State Medical University. The article presents the main structural features of the model, characterizes its basic components, and substantiates its use in the Russian practice of foreign language teaching.*

Materials and methods. *Theoretical foundations of the study include the analysis of pedagogical and methodological literature on this problem, comparison and generalization. The leading practical method is practice-oriented pedagogical experiment.*

Results. *The main point of the proposed model is person orientation. It is achieved due to the presence of several stages (areas) of studying a foreign language, allowing to satisfy the knowledge needs of the student during their professional development in a higher educational institution; taking into account, firstly, the personal socio-cultural experience of the student, and, secondly, basic school foreign language education, which allows the student to perceive easily (even in their native language) and comprehend the foreign language information; the widespread use of interdisciplinary connections aimed at increasing the motivation of the student's personality and allowing for the activation of already acquired experience and knowledge; selection of language material: expansion of vocabulary through the introduction of special vocabulary and terminology and limitation of already mastered grammatical structures.*

Practical implications. *The model described can be applied in the practice of foreign language teaching to students at non-linguistic universities.*

Keywords: *teaching methods; communicative approach; person orientation*

For citation. *Sokolova A.Yu. Foreign Language Teaching at a Non-Language University: Medical University Experience. Russian Journal of Education and Psychology, 2024, vol. 15, no. 1, pp. 76-88. DOI: 10.12731/2658-4034-2024-15-1-446*

Введение

Одним из наиболее распространенных подходов, используемых при обучении иностранным языкам, является коммуникативный подход. Этот метод, именуемый как Communicative Language Teaching (CLT) был разработан в 70-х-80-х гг. прошлого века в Европе [8]. Согласно многочисленным определениям основой данного подхода является общение (взаимодействие), которое становится одновременно и средством, и целью обучения [3; 5; 6; 7; 10]

В лингвометодической литературе широко обсуждаются достоинства и недостатки коммуникативного подхода и возможность

его использования в реалиях российского образования [2]. Самым весомым преимуществом указанного подхода является ориентированность на личность обучающегося и реальные коммуникативные ситуации [8; 9]. Это позволяет изучающим иностранный язык использовать изученный материал в значимых для них ситуациях, которые соответствуют социальному и профессиональному статусу обучающихся, что способствует повышению мотивации. Среди недостатков упоминаются поверхностное знание языка, отсутствие представления о структуре языка, смещение акцента на беглость речи в ущерб правильности, на лексику вместо грамматики [2].

Несмотря на различные противоречивые взгляды, коммуникативный подход может быть достаточно успешно использован в обучении иностранному языку в высшей школе [1]. Это обусловлено, прежде всего тем, что освоение иноязычных коммуникаций в вузе осуществляется на основе уже приобретенных в школе знаний, навыков и умений. Это позволяет нивелировать отмеченные недостатки указанного подхода.

Результаты и обсуждение

Один из возможных способов формирования иноязычной коммуникативной компетенции медицинского работника – разработанная и используемая в Тверском государственном медицинском университете, личностноориентированная системная иерархическая модель преподавания иностранных языков в неязыковом вузе [4].

Данная модель представляет собой обучающую систему, в центре которой находится языковая личность с ее потребностями, интересами, возможностями, приобретенным обиходно-бытовым и социально-культурным опытом и навыками (Рис. 1). В процессе преподавания иностранного языка необходимо, прежде всего, удовлетворить потребности данной языковой личности. Это необходимо делать с учетом ее возможностей и уже имеющихся навыков и опыта. Стоит отметить, что использование предлагаемой модели строится именно на основе уже полученных знаний и навыков по иностранному языку на ранних ступенях обучения (средняя школа,

колледж) и с учетом имеющегося / отсутствующего опыта, знаний и навыков в профессио-нальной сфере. Цели и задачи обучения иностранным языкам в вузе сформу-лированы в ГОСТе, но они должны быть максимально возможно уточнены и скорректированы с учетом личноориентированности и системности предлагаемого подхода для каждой группы студентов. При этом необходимо учесть:

- их профессиональную специализацию;
- уровень их подготовки по иностранному языку;
- круг их интересов и требований.

Предлагаемая нами модель – это система, состоящая из трех иерархически взаимосвязанных элементов – сфер коммуникации:

- сфера обиходно-бытового общения – введение в медицинскую коммуникацию (базовый курс);
- сфера нормальной анатомии;
- сфера патологической анатомии.

Два последних этапа можно именовать сферой профессионального медицинского общения.

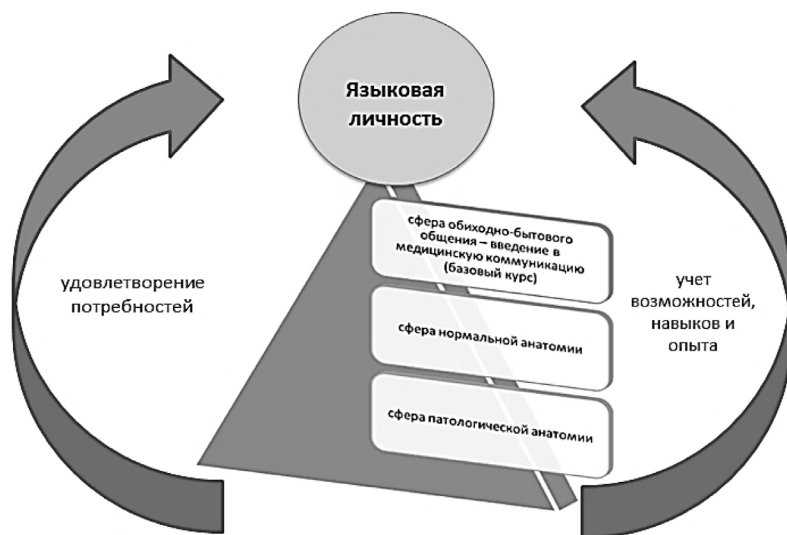

Рис. 1. Личностноориентированная системная иерархическая модель преподавания иностранных языков в медицинском вузе

Сфера обиходно-бытового общения представлена следующими коммуникативными ситуациями:

- рассказ о себе, своих друзьях и знакомых, своей семье;
- день студента-медика;
- рабочий день врача общей практики;
- обязанности врача (медсестры);
- кабинет врача общей практики, педиатра, стоматолога;
- посещение врача;
- аптека и аптечка.

Этот список может быть расширен за счет коммуникативных ситуаций, предлагаемых самой языковой личностью или группой студентов, т.е. соответствующих их профессиональным интересам на данном этапе обучения (специализации).

Сферу профессионального общения составляют коммуникативные ситуации, связанные с будущей профессиональной деятельностью специалиста. На этапе изучения иностранного языка нормальной анатомии студенты изучают лексические единицы и грамматические конструкции, позволяющие им осуществлять иноязычное общение на темы, связанные с описанием функционирования различных систем человеческого организма. На заключительном этапе обучения иностранному языку обучающиеся осваивают лексико-грамматические модели, лежащие в основе профессиональной коммуникации сферы патологической анатомии. На основе знаний и навыков, приобретенных при освоении предшествующих сфер, обучающиеся дополняют и расширяют свои профессиональные коммуникативные компетенции навыками и умениями иноязычного общения, дающими им возможность свободно коммуницировать в ситуациях, связанных с описаниями основных заболеваний различных систем человеческого организма.

Приведенные выше сферы расположены в определенной иерархии – от простого к сложному – от наименее профессионально ориентированному – к более специальному и узкопрофессиональному. Это позволяет соблюсти основное требование предлагаемой модели – личностную ориентированность. Данные коммуникатив-

ные ситуации не выходят за пределы личного обиходно-бытового и социально-культурного опыта и профессиональных знаний и навыков обучаемого.

Отдельному аспекту личностноориентированности модели, а именно повышению мотивации обучающихся, способствует также учет и широкое использование межпредметных связей при формировании иноязычной коммуникативной компетенции специалиста. Вводный базовый курс – введение в медицинскую коммуникацию – строится на знаниях и опыте обучающихся как представителей социума, а не медицинского сообщества и позволяет им в итоге описывать на иностранном языке свои действия, осуществляемые в медицинской сфере в качестве пациента.

При изучении иноязычной коммуникации сферы нормальной анатомии обучающиеся проводят параллели между дисциплинами «иностранный язык» и «анатомия», а также привлекают уже имеющиеся знания из школьного курса биологии. Наиболее сложной для усвоения является сфера патологической анатомии, так как обучающиеся еще не имеют достаточного опыта, знаний и навыков в этой сфере в целом. В связи с этим описание заболеваний основных систем человеческого организма на иностранном языке необходимо давать по большей части с точки зрения обывателя-пациента и только отдельными вкраплениями вводить терминологию и профессиональную лексику. На этом этапе обучающиеся непосредственно знакомятся с отличиями и особенностями неспециализированных, популярно-научных текстов и профессиональных и учатся использовать различные лексические единицы и грамматические модели с учетом ситуации общения – общение с коллегами-врачами и общение с пациентами.

Необходимо отметить также тесную взаимосвязь курсов иностранного языка и латинского в процессе формирования иноязычной коммуникативной компетенции врача. Как известно, основа медицинской терминологии достаточно устойчива и стандартизирована, в большинстве своем построена на основе элементов латинского и греческого происхождения. Следовательно, при освоении сфер про-

фессиональной коммуникации обучающиеся активно применяют и привлекают знания и навыки, получаемые при изучении латинского языка. Владение латинским языком медицинской терминологии позволяет обучающимся достаточно легко понимать иноязычную медицинскую терминологию.

Как известно, ресурсы любого языка неисчерпаемы, изучать язык можно всю жизнь. Следовательно, при изучении и обучении иностранным языкам необходимо провести рациональный отбор и ограничить эти ресурсы.

Это особенно важно при освоении иностранного языка профессионального (медицинского) общения. Кроме выбора языковых ситуаций в предлагаемой иерархической модели необходимо проводить отбор языковых средств, позволяющих осуществлять коммуникацию в данных сферах – лексических и грамматических. Для этого нужно иметь четкое представление о том, что представляет собой язык медицинского общения (Рис. 2).

Лексика медицинского языка – это ограниченный (хотя и довольно широкий) круг лексических единиц, необходимых для осуществления профессиональной коммуникации в медицинской сфере. В ряде случаев понятие «Медицинский иностранный язык» всецело сводится к профессиональной лексике. Однако не стоит забывать и про общую лексику, наполняющую коммуникативную ситуацию общения «врач – пациент». Этой лексикой, как правило, обучающиеся владеют из курса иностранного языка средней школы, в ходе которого осваивается общеупотребимая лексика. Таким образом, в курсе обучения иностранному языку медицинского общения лексический запас обучающихся расширяется – медицинская терминология наслаивается на общеупотребимую.

Грамматика иностранного языка также изучается обучающимися в полном объеме в рамках школьной программы. Следовательно, при формировании иноязычной коммуникативной компетенции врача нет необходимости вводить и отрабатывать новый грамматический материал. Обучающие внедряют новую освоенную лексику (терминологию) в грамматические конструкции, которые им знако-

мы со школьного курса. Однако необходимо заметить, что грамматика иностранного языка значительно сокращается в медицинской сфере, ограничиваясь определенными структурами и конструкциями, некоторые из которых не являются столь распространенными в общеупотребительном языке.

Рис. 2. Лексико-грамматические составляющие языка медицинского общения

Таким образом, в процессе формирования иноязычной коммуникативной компетенции врача необходимо, во-первых, акцентировать внимание обучающихся на грамматических конструкциях и моделях, широко используемых именно в медицинском языке, и, во-вторых, их активизировать (повторить, обобщить). Данные вопросы решаются именно на первой ступени предлагаемой модели – в рамках курса введения в медицинскую коммуникацию. В дальнейшем усвоенные конструкции используются для введения и отработки новой лексики.

Заключение

Описанная в статье модель является эффективным средством формирования иноязычной коммуникативной компетенции буду-

щего специалиста. Учет всех приведенных выше факторов обеспечивает личностную ориентированность системной иерархической модели преподавания иностранных языков в неязыковом (медицинском вузе). Личностноориентированность данного подхода достигается за счет наличия нескольких ступеней (сфер) изучения иностранного языка, позволяющих удовлетворить знаниевые потребности личности обучающегося в ходе его профессионального становления в стенах высшего учебного заведения. В основе процесса формирования иноязычной коммуникативной компетенции специалиста должен лежать личный социально-культурный опыт обучающегося и базовое школьное иноязычное образование. Это позволяет обучающемуся легко осознавать и осмысливать предлагаемую ему иноязычную информацию. Необходимо учитывать и широко использовать межпредметные связи. Именно они повышают мотивацию обучающегося и позволяют использовать уже приобретенный опыт и знания в процессе формирования новых компетенций. Использование предлагаемой модели требует от наставников тщательной работы с предлагаемым языковым материалом. С одной стороны, преподаватель должен обеспечить расширение лексического запаса за счет введения специальной лексики и терминологии, а с другой – активизировать и обобщить должным образом (с учетом специфики медицинского дискурса) отобранный и ограниченный грамматический материал.

Список литературы

1. Гавриленко Н.Г., Соколова А.Ю. Латинский язык в медицинском вузе: использование личностноориентированной системной иерархической модели преподавания // V Фирсовские чтения. Современные языки, коммуникация и миграция в условиях глобализации: материалы докладов и сообщений Международной научно-практической конференции. Москва: РУДН, 2021. С. 473-480.
2. Захарова Е.А. Коммуникативное обучение иностранному языку и его практическая значимость // Молодой ученый. 2016. № 5(109). С. 676-679.

3. Основные направления в методике преподавания иностранных языков в XIX – XX / под редакцией И.В. Рахманинова. Москва: Педагогика, 1972. 318 с.
4. Соколова А.Ю. Личностно ориентированная системная иерархическая модель преподавания иностранных языков // Лингвистика и образование. 2022. Т. 2, № 1(5). С. 74-83. <https://doi.org/10.48612/astgmu/2022-2-1-74-83>
5. Communicative approach. Teaching English. British Council. BBC. URL: <https://www.teachingenglish.org.uk/article/communicative-approach> (дата обращения: 20.06.2022).
6. Communicative Approach in TESOL – Communicative Language Teaching. URL: <https://ontesol.com/communicative-approach/> (дата обращения: 20.06.2022).
7. Finocchiaro M. The Functional-Notional Approach: From Theory to Practice. New York: Oxford University Press, 1983, 180 p.
8. Richards J.C., Rodgers T.S. Approaches and Methods in Language Teaching. Cambridge: Cambridge University Press, 2001, 171 p.
9. Savignon S.J. Communicative language teaching // Routledge Encyclopedia of Language Teaching and Learning. London: Routledge Publ., 2000, pp. 125-129.
10. Second language acquisition: theory and pedagogy / ed. by Fred R. Eckman. University of Wisconsin-Milwaukee, 1995, 435 p.

References

1. Gavrilenko N.G., Sokolova A. Yu. Latinskij yazyk v medicinskom vuze: ispolzovanie lichnostnoorientirovannoj sistemnoj ierarhicheskoj modeli prepodavaniya [Latin in medical school: the use of a person-centered systemic hierarchical model of teaching]. *V Firsovskie chteniya. Sovremennye yazyki, kommunikaciya i migraciya v usloviyax globalizacii: materialy dokladov i soobshhenij mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii* [V Firsovsky readings. Modern languages, communication and migration in the context of globalization: materials of reports of the International Scientific and Practical Conference]. Moscow: RUDN Publ., 2021, pp. 473-480.

2. Zaharova E.A. Kommunikativnoe obuchenie inostrannomu yazyku i ego prakticheskaya znachimost [Communicative foreign language teaching and its practical significance]. *Molodoj uchenyj* [Young Scientist], 2016, no. 5 (109), pp. 676-679.
3. *Osnovnye napravleniya v metodike prepodavaniya inostrannyh yazykov v XIX – XX* [Main trends in methods of foreign language teaching in the XIX – XX centuries]. / ed. by I.V. Rahmaninov. Moscow: Pedagogika Publ., 1972, 318 p.
4. Sokolova A.Yu. Lichnostno orientirovannaya sistemnaya ierarxicheskaya model prepodavaniya inostrannyh yazykov [Personality-centered systemic hierarchical model of foreign language teaching]. *Lingvistika i obrazovanie* [Linguistics and Education], 2022, vol. 2, no. 1(5), pp. 74-83. <https://doi.org/10.48612/astgmu/2022-2-1-74-83>
5. Communicative approach. Teaching English. British Council. BBC. URL: <https://www.teachingenglish.org.uk/article/communicative-approach> (accessed June 20, 2022).
6. Communicative Approach in TESOL – Communicative Language Teaching. URL: <https://ontesol.com/communicative-approach/> (accessed June 20, 2022).
7. Finocchiaro M. The Functional-Notional Approach: From Theory to Practice. New York: Oxford University Press, 1983, 180 p.
8. Richards J.C., Rodgers T.S. Approaches and Methods in Language Teaching. Cambridge: Cambridge University Press, 2001, 171 p.
9. Savignon S.J. Communicative language teaching. *Routledge Encyclopedia of Language Teaching and Learning*. London: Routledge Publ., 2000, pp. 125-129.
10. Second language acquisition: theory and pedagogy / ed. by Fred R. Eckman. University of Wisconsin-Milwaukee, 1995, 435 p.

ДАнные ОБ АВТОРЕ

Соколова Алина Юрьевна, профессор кафедры иностранных и латинского языков, доктор филологических наук, доцент
Тверской государственной медицинской университет
ул. Советская, 4 г. Тверь, 170100, Российская Федерация
alinasokolova.tver@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Alina Yu. Sokolova, Professor of Department of Foreign Languages and Latin, Doctor of Philology, Associate Professor

Tver State Medical University

4, Sovetskaya Str., Tver, 170100, Russian Federation

alinasokolova.tver@yandex.ru

SPIN-code: 5761-8540

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5981-2386>

Researcher ID: G-6330-2019

Scopus Author ID: 57221197967

Поступила 31.01.2024

После рецензирования 16.02.2024

Принята 20.02.2024

Received 31.01.2024

Revised 16.02.2024

Accepted 20.02.2024

DOI: 10.12731/2658-4034-2024-15-1-485
УДК 378.147.88

Научная статья | Методология и технология профессионального образования

ВЛИЯНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ ВИЗУАЛИЗАЦИИ НА РАЗВИТИЕ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ-МЕДИКОВ В ПРОЦЕССЕ ИХ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ

*О.М. Ушакова, С.С. Стрельников,
А.Л. Каткова, Р.С. Туров*

Самостоятельность студентов медицинских специальностей является важным фактором их профессионального становления. Технологии визуализации, активно применяемые при обучении в медицинских вузах, могут оказывать влияние на развитие самостоятельности у будущих врачей, но данная тема представляется недостаточно разработанной. Данная статья имеет своей целью восполнить данный пробел, за счет обозначения потенциальных направлений дальнейших исследований связи между технологиями визуализации и самостоятельностью.

***Материалы и методы.** Для достижения заявленной цели использовались следующие исследовательские подходы: системный подход в качестве базового; методический подход, так как визуализация рассматривается не только как педагогическое средство, но и как метод познания; компетентностный подход, в рамках которого формирование профессиональных компетенций не сводится к совокупности знаний, умений и навыков, но понимается как особое личностное отношение к исполняемой трудовой функции.*

***Результаты исследования.** Показано, что между применением технологий визуализации и формированием самостоятельности у студентов медицинских специальностей прослеживается диалектическая связь. Освоение метода визуализации в ходе принятия решений может формировать основу для рефлексии обучающегося, что позволяет говорить о формировании предпосылок оценки собственных знаний как элемента метапознания. Это, в свою очередь,*

может способствовать выбору студентом дальнейшего пути развития, а также принятия на себя ответственности за сделанный выбор, что образует признаки самостоятельной личности.

Обсуждения и заключения. Анализ специализированной литературы позволяет сделать вывод, что применение технологий визуализации в образовании является методом, предполагающим глубокое методическое освоение инструментов визуализации. Показано, что освоение технологий визуализации предполагает активное задействование абстрактного мышления, необходимость концептуализации собственных знаний, а также освоение методов анализа, синтеза и моделирования для выражения полученного результата в форме визуального образа. Эти компетенции, способствуя развитию самостоятельности, предполагают наличие уже сформированного определенного уровня самостоятельности, что демонстрирует диалектичную связь этих явлений.

Ключевые слова: визуализация; наглядность; визуальные технологии; самостоятельность; обучение; студенты-медики; клиническое мышление

Для цитирования. Ушакова О.М., Стрельников С.С., Каткова А.Л., Туров Р.С. Влияние технологий визуализации на развитие самостоятельности студентов-медиков в процессе их профессиональной подготовки // *Russian Journal of Education and Psychology*. 2024. Т. 15, № 1. С. 89-106. DOI: 10.12731/2658-4034-2024-15-1-485

Original article | Methodology and Technology of Professional Education

INFLUENCE OF VISUALIZATION TECHNOLOGIES ON THE DEVELOPMENT OF MEDICAL STUDENTS' AUTONOMY IN THE PROCESS OF THEIR PROFESSIONAL TRAINING

***O.M. Ushakova, S.S. Strel'nikov,
A.L. Katkova, R.S. Turov***

The autonomy of medical trainees is a critical dimension in their professional maturation. The deployment of visual technologies within the educational frameworks of medical institutions can potentially en-

hance the autonomy of nascent physicians. However, the discourse on this subject appears to be underexplored. This manuscript endeavors to bridge this lacuna by delineating prospective avenues for inquiry into the interplay between imaging technologies and autonomy.

Materials and Methods. In pursuit of the outlined objective, the investigation employed a multifaceted research paradigm: a systematic approach underpins the study's foundational structure; a methodological perspective, considering visualization not merely as an instructional resource but also as a cognitive tool; and a competency-based approach, positing that the accrual of professional competencies transcends mere knowledge, skills, and abilities, embodying a nuanced professional ethos towards the executed job function.

Research results. The investigation elucidates a dialectical nexus between the utilization of visualization technologies and the burgeoning autonomy of medical students. Primacy in mastering visualization methodologies during decision-making processes cultivates reflective capacities, heralding the development of metacognitive elements conducive to the appraisal of personal knowledge. Such introspection potentially steers students towards deliberate choices regarding their developmental trajectories, fostering accountability for these decisions and, by extension, the attributes of an autonomous individual.

Discussions and Conclusions. A review of extant literature substantiates that the integration of visualization technologies within educational paradigms necessitates a profound methodological familiarity with visualization instruments. The acquisition of visualization technologies mandates the engagement of abstract reasoning, the imperative to conceptualize personal knowledge, and the proficient execution of analytical, synthetic, and modeling techniques to articulate the resultant insights visually. These competencies, while facilitative of autonomy, presuppose an existing degree of individual autonomy, thus illustrating the dialectical interrelation between these constructs.

Keywords: visualization; visibility; visual technologies; independence; learning; medical students; clinical thinking

For citation. Ushakova O.M., Strel'nikov S.S., Katkova A.L., Turov R.S. Influence of Visualization Technologies on the Development of Med-

ical Students' Autonomy in the Process of Their Professional Training. Russian Journal of Education and Psychology, 2024, vol. 15, no. 1, pp. 89-106. DOI: 10.12731/2658-4034-2024-15-1-485

Введение

Сложный характер явления самостоятельности находит свое отражение в работах российских исследователей-педагогов, где она обретает прилагательные «учебная» или «образовательная». Она может рассматриваться одновременно и как свойство личности и как навык [7], как интегральная черта личности, имеющая собственную структуру и систему [14], как условие самосовершенствования личности [1], как педагогическое средство организации образовательного процесса [6]. В свою очередь, нами был показан специфичный характер общественного запроса на формирование самостоятельности и ответа на него системы высшего образования в условиях институциональных дисфункций высшего образования, и, как следствие, закрепления специфических проявлений самостоятельности студентов, выраженных в решении преимущественно задач аттестации, а не обучения [12]. Одним из возможных способов преодоления такой дисфункции может быть утверждение субъектности самого преподавателя высшей школы, выработке им собственного стиля преподавания и акцентуации на задачах обучения, а не аттестации. Тем самым преподаватель высшей школы создаёт позитивный пример личного поведения и возможность следовать ему не только со стороны студентов, но и со стороны коллег, действуя как трансформирующий агент системы образования [11]. Повышение эффективности воздействия может способствовать использованию педагогом разнообразных инновационных методов обучения, в частности, вовлечения технологий визуализации. Полагаем, что освоение таких технологий может быть рассмотрено в контексте формирования самостоятельности студента высшей школы.

Необходимость формирования самостоятельности студентов-медиков концептуально обусловлена связью самостоятельности личности и профессионализма. Профессиональная деятельность

предполагает наличие такого свойства как субъектность личности: способность функционировать в социальных системах, исходя из понимания объема собственных компетенций и возможностей влияния на объективные условия этой деятельности. Особая социальная значимость профессии врача оказывает влияние на процесс профессиональной подготовки таких специалистов и предопределяет необходимость совершенствования этого процесса: во-первых, возрастает актуальность выявления педагогических условий, стимулирующих самостоятельность будущих врачей, во-вторых, проявляется необходимость использования инновационных и эффективных методов обучения, в частности, задействующих визуализацию. Вопросы использования различных технологий визуализации в образовательном процессе медицинских вузов широко освещаются как в специально-педагогических [3], так и в специально-медицинских периодических научных изданиях [4]. Однако, нам не удалось обнаружить публикаций, которые бы затрагивали проблемы влияния этих технологий на самостоятельность студентов-медиков.

Целью работы является анализ роли технологий визуализации в развитии самостоятельности студентов-медиков в процессе их подготовки.

Материалы и методы

Для достижения заявленной цели использовались следующие концептуальные исследовательские подходы:

- системный подход, позволяющий, во-первых, рассматривать явление самостоятельности как сложного структурного свойства личности, во-вторых, определять возможности взаимодействия самостоятельной личности с внешней средой и составляющими её элементами. Перечисленный перечень преимуществ, дающих использование системного подхода в исследовании, не является закрытым;

- методический подход. Мы полагаем, что визуализация представляет собой не только педагогическое средство, но и метод познания, для которого присущи предмет визуализации, субъект визуализации,

технология визуализации и закономерности восприятия результата визуализации – визуального образа [5]. Это отличает визуализацию от принципа наглядности в обучении: наглядность следует понимать как свойство процесса образования, в то время как визуализация предполагает обучение тому, как это свойство формируется и прямо ведёт к познанию ранее неизвестных закономерностей изучаемого предмета;

- компетентностный подход, предполагающий формирование профессиональных компетенций не только как совокупности знаний, умений и навыков, но и формирование особого отношения личности, установок и культуры по отношению к исполняемой трудовой функции, разделения определенных ценностей, а также совокупности гибких навыков. Такой подход позволяет говорить о многофакторном влиянии на процесс формирования компетенций в ходе профессиональной подготовки и выбора адекватных средств педагогического воздействия.

Достижение целей работы предполагает применение заявленных подходов в сочетании с общенаучными методами познания: анализом, синтезом, сравнением. Информационными основаниями исследования послужили публикации в российских и зарубежных научных изданиях, посвященные тематике самостоятельности студентов высшей школы, использования визуализации и формирования компетенций будущих врачей.

Основная часть

Следует отметить, что понимание самостоятельности как субъектности позволяет сконцентрировать внимание на двух ключевых следствиях, важных для становления профессионала в процессе обучения в высшей школе. Первое следствие заключается в том, что это даёт возможность осознавать свои возможности и ограничения, прежде всего – ограниченность собственного имеющегося опыта и возможность преодоления этих границ. Второе важное следствие заключается в осознании вероятности собственного воздействия на складывающиеся отношения между субъектами образовательного

процесса и трансформацию образовательной среды путем принятия значимых и очевидных решений, выражающихся в практиках поведения субъекта. Осознание своей субъектности и закрепление таких практик поведения – основа для становления профессионалом. Профессионал не только меняет сам себя, он меняет ту среду, в которой функционирует за счет принятия собственных решений. В этом и состоит сущность самостоятельности как субъектности и значимости для профессионала. В полной мере эти соображения применимы к профессиональной деятельности медицинских работников, где важно принятие решений, влияющих на исход важных событий, а также практика самосовершенствования.

Принятие решений предполагает анализ текущей ситуации и оценку альтернатив, иначе говоря – стратегический подход к собственным действиям. Образовательная самостоятельность понимается исследователями как умение ставить цели и выбирать оптимальную стратегию обучения, а также оценивать свои знания и умения. При этом важность выработки такой самостоятельности аргументируется существенным объемом самостоятельной работы в федеральных образовательных стандартах [9].

Однако сложно согласиться с тем, что самостоятельность при таком подходе проявляется исключительно в рамках осуществления студентами самостоятельной (прежде всего – внеаудиторной) работы как это понимается в образовательном стандарте. Постановка цели и выбор оптимальной стратегии возможны в рамках аудиторной работы, в особенности, если решение задачи предполагает действие по различным возможным алгоритмам, а оценка собственных знаний и умений (иначе – самооценка) – это некий процесс, который при должном уровне рефлексии личности практически постоянно происходит в ходе освоения образовательной программы. По этой причине полагаем правомерным рассматривать формирование самостоятельности также вне контекста организации самостоятельной, внеаудиторной работы студентов.

Авторы исследований, посвященных вопросам образования студентов-медиков, нередко рассматривают самостоятельность в паре

с таким явлением как клиническое мышление, как правило, через некий опосредующий элемент. Например, самостоятельность как способность заниматься самостоятельной работой, самоподготовкой к занятию полагается основой для более эффективного управления временем на основных, аудиторных занятиях, где и формируется клиническое мышление [8]. Также самостоятельность, понимаемая как способность обучаться, связывается с развитием клинического мышления посредством образовательных технологий, например самостоятельно осваиваемого курса по выбору, где, в частности, использовались системы самооценки и взаимной оценки [20]. Кроме образовательных технологий в фокус внимания попадает также формат организации обучения и его влияние на формирование самостоятельности: исследователи не выявили существенных различий в синхронном и асинхронном форматах дистанционного обучения медицинских работников [15]. Представленные исследования делают акцент на создании условий для самостоятельной работы студентов и формирования у них клинического мышления за счет организации процесса обучения. Полагаем, что помимо организации образовательного процесса немаловажен также выбор методик образования, привлечения тех из них, что, с одной стороны, ориентированы на визуальное восприятие и обучения инструментам визуализации, с другой стороны, стимулируют самостоятельность в мышлении.

Суть технологии визуализации заключается в том, что субъект, реализующий эту технологию, переносит некие данные или информацию на носитель, очевидно доступный для восприятия других субъектов. То, насколько полученный результат визуализации позволяет судить о компетенции субъекта визуализации (в частности, степени развитости клинического мышления и принятия соответствующих решений), обычно служит предметом научного интереса и дискуссии. Пример подобного исследования связан с изучением влияния концептуальных карт, также иногда называемых когнитивными схемами на развитие самостоятельности и клинического мышления медсестер: авторы пришли к выводу о перспективности данной технологии обучения в формировании самостоятельности

будущих медсестер и их клинического мышления в плане принятия решений [17]. Концептуальные карты можно считать инструментом визуализации, так как предметом визуализации выступает абстрактное представление о каком-то явлении или процессе, существующее в виде понятий и их взаимосвязей в сознании субъекта визуализации. Однако результативность методов обучения, основанных на построении когнитивных схем противоречива: есть свидетельства в пользу того, что самостоятельно сделанное визуальное объяснение более эффективно в обучении, чем словесное при описании механики или структуры [14]. В то же время, есть исследование, которое не показало существенных преимуществ в использовании метода составления карты клинических рассуждений при постановке диагноза и развитии клинического мышления перед такими методами как список дифференцированных диагнозов или список клинических проблем [16]. Другое исследование демонстрирует, что использование когнитивного картирования помогло в процессе рассуждения (решение проблемы посредством принятия решений и действий), но не в систематизации знаний, лежащих в основе этих рассуждений (то, как соответствующие знания идентифицируются и организуются в систему) [21]. Ценнейший в этом плане аргумент заключается в том, что когнитивное картирование и иные инструменты визуализации позволяют оценить, какую именно причинно-следственную связь построил врач при принятии решения, иными словами – этот инструмент делает процесс мышления видимым для остальных, что особенно важно в условиях развития доказательной медицины и обоснования врачебных вмешательств [13]. Таким образом, освоение метода визуализации при принятии решений и рассуждениях создаёт предпосылки для рефлексии мыслящего субъекта - то есть, появляются предпосылки оценки собственных знаний и опыта, что, в свою очередь, способствует выбору дальнейшего пути развития и принятия ответственности за сделанный выбор, что и представляет собой ключевые черты самостоятельности как субъектности.

Визуализация в обучении будущих врачей как метод применяется настолько широко, что исследователями выделяются традици-

онные и современные методы визуализации. Так, Е.В. Сивухина с соавторами видят основную проблему в нахождении баланса между этими методами в условиях реализации компетентного подхода при изучении такого предмета как гистология, при этом под традиционными методами понимается использование гистологических препаратов – их наблюдение в микроскоп и последующая фиксация в виде изображения в бумажный альбом, а в число инновационных авторов включаются: (1) трансляция изображения препарата на большой экран с подключенного к нему микроскопа, а также аналогичная трансляция на индивидуальные микроскопы обучающихся (т.н. «многоголовый микроскоп») с возможностью делать индивидуальные цифровые пометки, (2) стандартизованная цифровая виртуальная копия гистологического препарата по технологии *whole slide imaging*, (3) электронный гистологический альбом для самостоятельной работы студентов, суть которого заключается в оформлении сделанных студентами фотографий в форме атласа по определенным требованиям. Авторы стоят на позиции важности обучения работе с микроскопом и фиксации собственных студенческих наблюдений, при этом отмечают востребованность у студентов электронного формата такой работы [10]. Солидаризуясь с этой точкой зрения, дополним, что говорить о действенности метода визуализации в образовании возможно тогда, когда в процессе обучения преподается технология этого метода, а не только демонстрируется результат визуализации. Освоение какой-либо технологии, в частности, технологии визуализации, предполагает наличие деятельного субъекта, который применяет эту технологию, понимает её преимущества для достижения собственных целей и осознаёт её ограничения.

Проявление разницы между свойством наглядности и применением технологии визуализации в медицинском образовании может быть проиллюстрирована следующим примером, также затрагивающим соотношение традиционных и современных способов организации обучения будущих медиков. Наглядность в медицинском образовании осуществляется в рамках демонстрации отдельных

врачебных манипуляций, в частности, в моменты присутствия студентов на хирургических операциях. Накладываемые ограничения такого подхода (ограниченность обзора, ограниченное число присутствующих, необходимость соблюдения правил асептики, организационные накладки и т.д.) могут быть преодолены за счет ряда современных технологий, в частности, ведения видеотрансляций хирургических операций. Практика ведения таких трансляций существует, однако исследователями также выделяется ряд сложностей, в частности, организационные и технологические сложности, связанные не только с необходимостью установки видеотранслирующего оборудования в операционной, но и обеспечения должного педагогического сопровождения для создания полноценного учебного опыта и вовлеченности студентов [18]. Другим способом преодоления тревожности и неуверенности студентов во время присутствия на хирургических операциях может быть их предварительная подготовка с использованием технологии иммерсивного видео, обеспечивающая погружение в конкретную ситуацию в безрисковой среде [19]. Оба этих случая доказывают, что адаптация традиционных практик наглядности в медицинском образовании предполагает использование различных посредников в виде передающего оборудования или компьютерных технологий дополненной реальности, или же – современных визуальных технологий. Их возможности, равно как и ограничения, должны быть в полной мере отрефлексированы как преподавателями, так и самими студентами, что и создаст предпосылки для осознания себя развивающимися субъектами образовательного процесса.

Заключение

Проведенный анализ специальной литературы демонстрирует наличие определенной взаимосвязи между использованием технологий визуализации при подготовке студентов-медиков и развития их самостоятельности. Можно прийти к выводу, что визуализация в образовании действительно является методом, эффективное применение которого предполагает понимание действия инструментов ви-

зуализации, их возможностей и ограничений. Тем самым обучение на основе метода визуализации и освоение технологий визуализации не связывается только и исключительно с овладением определенной технологией: оно всегда контекстно связано с формированием компетенций, связанных с абстрактным мышлением, освоением методов анализа, синтеза и моделирования, выражения полученного результата в форме визуального образа. В свою очередь, эти компетенции одновременно и способствуют самостоятельности, и требуют определенного уровня самостоятельности, демонстрируя диалектическую связь этих явлений. Перспективой дальнейших исследований может быть комбинация методик измерения самостоятельности и оценки сформированности компетенций, связанных с освоением технологий визуализации, также вероятно включение в предмет исследований факторов развитости пространственного мышления студентов и идентификации их доминирующей модальности в познании.

Список литературы

1. Бобрышов С.В., Щукина О.Е. Самостоятельность личности как феномен и понятие в психолого-педагогической литературе // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2019. № 6(75). С. 201-206. <https://doi.org/10.37493/2307-907X-2019-75-6-201-206>
2. Голубчикова М. Г. Теоретический анализ понятия «самостоятельность» в историческом и современном аспектах // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 1(80). С. 35-37. <https://doi.org/10.24411/1991-5497-2020-00014>
3. Днепров С.А., Каткова А.Л. Визуализация в профессиональном образовании будущих медицинских работников в процессе перехода к доказательной медицине // Бизнес. Образование. Право. 2021. № 2(55). С. 310-314. <https://doi.org/10.25683/VOLBI.2021.55.265>
4. Иванов В.М., Черкасов М.Е., Калакуцкий Н.В. Технология разработки обучающих фильмов по медицине с использованием высокореалистичной компьютерной графики и анимации // Институт стоматологии. 2021. № 3(92). С. 22-24.
5. Каткова А. Л., Стрельников С.С., Ушакова О.М., Каткова А.А. Метод визуализации в развитии информационной культуры и техно-

- логической компетентности: субъективный аспект // Мир науки. Педагогика и психология. 2023. Т 11. №5. <https://mir-nauki.com/PDF/62PDMN523.pdf>
6. Коротеева А.С., Челпаченко Т.В. Познавательная самостоятельность как педагогический феномен // Вестник Оренбургского государственного университета. 2022. № 4(236). С. 47-52. <https://doi.org/10.25198/1814-6457-236-47>
 7. Мезенцева Л. В. Образовательная самостоятельность взрослых // Перспективы науки. 2019. № 11(122). С. 121-123.
 8. Мельникова О. В. Контроль эффективности самостоятельной работы студентов при изучении патофизиологии // Запорожский медицинский журнал. 2013. № 3(78). С. 116-117.
 9. Милованова Г.В., Куляшова Н.М., Шемякина Е.Ю. Формирование образовательной самостоятельности как условие академической успеваемости // Russian Journal of Education and Psychology. 2023. Т. 14. № 4. С. 98-116. <https://doi.org/10.12731/2658-4034-2023-14-4-98-116>
 10. Сивухина Е.В., Коновалова С.Г., Федоткина Т.В. Традиционные и современные методы визуализации в преподавании гистологии // Вестник Биомедицина и социология. 2023. Т. 8, № 4. С. 3-9. <https://doi.org/10.26787/nydha-2618-8783-2023-8-4-3-9>
 11. Сорокин П. С. «Трансформирующая агентность» как предмет социологического анализа: современные дискуссии и роль образования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2021. Т. 21, № 1. С. 124-138. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2021-21-1-124-138>
 12. Стрельников С. С., Туров Р.С. Самостоятельность: запрос общества и ответ системы высшего образования // Человеческий капитал. 2022. № 10(166). С. 140-147. <https://doi.org/10.25629/HC.2022.10.15>
 13. Benfield A, Krueger RB. Making Decision-Making Visible-Teaching the Process of Evaluating Interventions // Int J Environ Res Public Health. 2021, no.18(7), p. 3635. <https://doi.org/10.3390/ijerph18073635>
 14. Bobek E, Tversky B. Creating visual explanations improves learning // Cogn Res Princ Implic. 2016, vol. 1(1), p. 27. <https://doi.org/10.1186/s41235-016-0031-6>

15. Ilaslan E., Adıbelli D., Teskereci G., Cura S. Development of nursing students' critical thinking and clinical decision-making skills // *Teaching and Learning in Nursing*. 2023, Vol. 18, Is. 1, pp. 152-159. <https://doi.org/10.1016/j.teln.2022.07.004>
16. Jayasinghe S. Describing complex clinical scenarios at the bed-side: Is a systems science approach useful? Exploring a novel diagrammatic approach to facilitate clinical reasoning // *BMC Med Educ*. 2016, Oct 10, no 16(1), p. 264. <https://doi.org/10.1186/s12909-016-0787-x>
17. Rababah J., Al-Hammouri M. Improving clinical decision-making and self-directed learning among Jordanian nursing students using concept mapping // *Teaching and Learning in Nursing*, 2023. <https://doi.org/10.1016/j.teln.2023.11.011>
18. Shah H. P., Narwani, V., Lee Y. H. Live-streaming otolaryngology surgical procedures for virtual medical student rotations // *The Journal of laryngology and otology*. 2022, no 136(3), pp. 261–264. <https://doi.org/10.1017/S0022215121004680>
19. Shinmar H. S., Shah V., Kurar L., Reichert I., Ahluwalia, R. S. Utilising Immersive Video Technology to improve Medical Student Education in an Operating Theatre Environment // *Indian journal of orthopaedics*, 2023, vol. 57(2), pp. 297-304. <https://doi.org/10.1007/s43465-022-00796-0>
20. Sibbald D. Elective Self-Care Course Emphasizing Critical Reasoning Principles // *American Journal of Pharmaceutical Education*. 2011, vol. 75, is. 9, p. 182. <https://doi.org/10.5688/ajpe759182>
21. Wu B, Wang M, Grotzer TA, Liu J, Johnson JM. Visualizing complex processes using a cognitive-mapping tool to support the learning of clinical reasoning // *BMC Med Educ*. 2016, Aug 22, no. 16(1), p. 216. <https://doi.org/10.1186/s12909-016-0734-x>

References

1. Bobryshov S.V., Shchukina O.E. *Vestnik Severo-Kavkazskogo federal'nogo universiteta* [Newsletter Of North-Caucasus Federal University], 2019, no. 6(75), pp. 201-206. <https://doi.org/10.37493/2307-907X-2019-75-6-201-206>.
2. Golubchikova M. G. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [The World Of Science, Culture And Education], 2020, no. 1(80), pp. 35-37. <https://doi.org/10.24411/1991-5497-2020-00014>

3. Dneprov S.A., Katkova A.L. *Biznes. Obrazovanie. Pravo* [Business. Education. Law], 2021, no. 2(55), pp. 310-314. <https://doi.org/10.25683/VOLBI.2021.55.265>
4. Ivanov V.M. Cherkasov M.E., Kalakutskiy N.V. *Institut stomatologii* [The Dental Institute], 2021, no. 3(92), pp. 22-24.
5. Katkova A. L., Strel'nikov S.S., Ushakova O.M., Katkova A.A. *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya* [World of Science. Pedagogy and Psychology], 2023, vol. 11, no. 5. <https://mir-nauki.com/PDF/62PDMN523.pdf>
6. Koroteeva A.S., Chelpachenko T.V. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of the Orenburg State University], 2022, no. 4(236), pp. 47-52. <https://doi.org/10.25198/1814-6457-236-47>
7. Mezentseva L. V. *Perspektivy nauki* [Science Prospects], 2019, no. 11(122), pp. 121-123.
8. Mel'nikova O. V. *Zaporozhskiy meditsinskiy zhurnal* [Zaporozhye Medical Journal], 2013, no. 3(78), pp. 116-117.
9. Milovanova G.V., Kulyashova N.M., Shemyakina E.Yu. *Russian Journal of Education and Psychology*, 2023, vol. 14, no. 4, pp. 98-116. <https://doi.org/10.12731/2658-4034-2023-14-4-98-116>
10. Sivukhina E.V., Konovalova S.G., Fedotkina T.V. *Vestnik Biomeditsina i sotsiologiya* [Biomedicine and sociology], 2023, vol. 8, no. 4, pp. 3-9. <https://doi.org/10.26787/nydha-2618-8783-2023-8-4-3-9>
11. Sorokin P. S. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Sotsiologiya* [RUDN Journal of Sociology], 2021, vol. 21, no. 1, pp. 124-138. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2021-21-1-124-138>
12. Strel'nikov S. S., Turov R.S. *Chelovecheskiy kapital* [Human Capital], 2022, no. 10(166), pp. 140-147. <https://doi.org/10.25629/HC.2022.10.15>
13. Benfield A, Krueger RB. Making Decision-Making Visible-Teaching the Process of Evaluating Interventions. *Int J Environ Res Public Health*, 2021, no. 18(7), p. 3635. <https://doi.org/10.3390/ijerph18073635>
14. Bobek E, Tversky B. Creating visual explanations improves learning. *Cogn Res Princ Implic.*, 2016, vol. 1(1), p. 27. <https://doi.org/10.1186/s41235-016-0031-6>
15. Ilaslan E., Adibelli D., Teskereci G., Cura S. Development of nursing students' critical thinking and clinical decision-making skills. *Teaching*

- and Learning in Nursing*, 2023, vol. 18, is. 1, pp. 152-159. <https://doi.org/10.1016/j.teln.2022.07.004>
16. Jayasinghe S. Describing complex clinical scenarios at the bed-side: Is a systems science approach useful? Exploring a novel diagrammatic approach to facilitate clinical reasoning. *BMC Med Educ.*, 2016, Oct 10, no. 16(1), p. 264. <https://doi.org/10.1186/s12909-016-0787-x>
 17. Rababah J., Al-Hammouri M. Improving clinical decision-making and self-directed learning among Jordanian nursing students using concept mapping. *Teaching and Learning in Nursing*, 2023. <https://doi.org/10.1016/j.teln.2023.11.011>
 18. Shah H. P., Narwani, V., Lee Y. H. Live-streaming otolaryngology surgical procedures for virtual medical student rotations. *The Journal of laryngology and otology*, 2022, no. 136(3), pp. 261-264. <https://doi.org/10.1017/S0022215121004680>
 19. Shinmar H. S., Shah V., Kurar L., Reichert I., Ahluwalia, R. S. Utilising Immersive Video Technology to improve Medical Student Education in an Operating Theatre Environment. *Indian journal of orthopaedics*, 2023, vol. 57(2), pp. 297-304. <https://doi.org/10.1007/s43465-022-00796-0>
 20. Sibbald D. Elective Self-Care Course Emphasizing Critical Reasoning Principles. *American Journal of Pharmaceutical Education*, 2011, vol. 75, is. 9, p. 182. <https://doi.org/10.5688/ajpe759182>
 21. Wu B, Wang M, Grotzer TA, Liu J, Johnson JM. Visualizing complex processes using a cognitive-mapping tool to support the learning of clinical reasoning. *BMC Med Educ.*, 2016, Aug 22, no. 16(1), p. 216. <https://doi.org/10.1186/s12909-016-0734-x>

ДААННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Ушакова Ольга Михайловна, доцент кафедры медицинской информатики и биологической физики, кандидат философских наук
ФГБОУ ВО «Тюменский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации
ул. Одесская, 54, г. Тюмень, Тюменская область, 625023, Российская Федерация
uschakova.om@yandex.ru

Стрельников Сергей Сергеевич, доцент кафедры медицинской информатики и биологической физики, кандидат философских наук
ФГБОУ ВО «Тюменский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации

ул. Одесская, 54, г. Тюмень, Тюменская область, 625023, Российская Федерация

sss15@yandex.ru

Каткова Алла Леонидовна, доцент кафедры медицинской информатики и биологической физики, кандидат педагогических наук, доцент

ФГБОУ ВО «Тюменский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации

ул. Одесская, 54, г. Тюмень, Тюменская область, 625023, Российская Федерация

allakatkova@mail.ru

Туров Ростислав Сергеевич, доцент кафедры философии и истории, кандидат философских наук

ФГБОУ ВО «Тюменский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации

ул. Одесская, 54, г. Тюмень, Тюменская область, 625023, Российская Федерация

turov.rostislav@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Olga M. Ushakova, Associate Professor of the Department of Medical Informatics and Biological Physics, Candidate of Philosophy
Tyumen State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation

54, Odesskaya Str., Tyumen, Tyumen region, 625023, Russian Federation

ushakova.om@yandex.ru

Sergey S. Strelnikov, Associate Professor of the Department of Medical Informatics and Biological Physics, Candidate of Philosophical Sciences

Tyumen State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation

54, Odesskaya Str., Tyumen, Tyumen region, 625023, Russian Federation

sss15@yandex.ru

Alla L. Katkova, Associate Professor of the Department of Medical Informatics and Biological Physics, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor

Tyumen State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation

54, Odesskaya Str., Tyumen, Tyumen region, 625023, Russian Federation

allakatkova@mail.ru

Rostislav S. Turov, Associate Professor of the Department of Philosophy and History, Candidate of Philosophical Sciences

Tyumen State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation

54, Odesskaya Str., Tyumen, Tyumen region, 625023, Russian Federation

turov.rostislav@yandex.ru

Поступила 10.02.2024

После рецензирования 25.02.2024

Принята 29.02.2024

Received 10.02.2024

Revised 25.02.2024

Accepted 29.02.2024

DOI: 10.12731/2658-4034-2024-15-1-437
УДК 373.1

Научная статья | Теория и методика обучения и воспитания

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНОЯЗЫЧНОГО ОБРАЗОВАНИЯ КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ ЛИНГВОЦИФРОВОЙ КУЛЬТУРЫ ОБУЧАЮЩИХСЯ В СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ

Л.Н. Щербатых

В статье рассмотрены возможности эффективного ответа российского общества на большие вызовы с учетом взаимодействия человека и природы, человека и технологии, социальных институтов на современном этапе глобального развития, в том числе применяя методы гуманитарных и социальных наук.

Современный мир меняется очень быстро, технологический прогресс и цифровизация затрагивают все сферы деятельности человека, включая образование. Становление и развитие современного ребёнка все больше и больше происходит в некой виртуальной реальности, создаваемой самыми разнообразными девайсами.

***Проблема исследования** состоит в том, чтобы выявить, каковы теоретико-методологические и научно-методические основания создания модели эффективного формирования лингвоцифровой культуры обучающихся на разных уровнях обязательного и дополнительного иноязычного образования с использованием цифровых ресурсов и технологий с учетом рисков и возможностей (на примере преподавания английского языка).*

***Цель** нашей работы заключается в разработке теоретико-методологических и научно-методических оснований стратегии формирования лингвоцифровой культуры обучающихся посредством цифровых ресурсов и технологий в процессе преподавания английского языка и ее экспериментальной проверке.*

*Исследование проводилось на основе аутентичных материалов на английском языке. **Использованные методы исследования** – теоретический анализ литературы, изучение нормативных документов, наблюдение за учебным процессом, сравнительный анализ. Автор статьи пришел к выводу эффективности применения разработанной программы с целью формирования данной категории культуры в контексте непрерывного иноязычного образования, определены перспективы исследования по направлению проекта.*

Ключевые слова: лингвоцифровая культура; цифровая образовательная среда; иноязычное образование; трансформация образования; непрерывное образование; рискоориентированное мышление; гибридная среда обучения; риск-менеджмент в образовании

Для цитирования. Щербатых Л.Н. Трансформация иноязычного образования как основа формирования лингвоцифровой культуры обучающихся в средней школе // *Russian Journal of Education and Psychology*. 2024. Т. 15, № 1. С. 107-135. DOI: 10.12731/2658-4034-2024-15-1-437

Original article | Theory and Methodology of Teaching and Education

TRANSFORMATION OF FOREIGN LANGUAGE EDUCATION AS A BASIS FOR THE FORMATION OF LINGUODIGITAL CULTURE OF STUDENTS AT SECONDARY SCHOOL

L.N. Scherbatykh

The article considers the possibilities of effective response of the Russian society to great challenges taking into account the interaction of man and nature, man and technology, social institutions at the present stage of global development, including applying the methods of humanities and social sciences.

The modern world is changing very quickly, technological progress and digitalisation affect all spheres of human activity, including educa-

tion. The formation and development of a modern child is increasingly taking place in a kind of virtual reality created by a variety of devices.

The research problem is to identify what are the theoretical, methodological and scientific-methodological bases for creating the model of the effective formation of linguodigital culture of students at different levels of compulsory and additional foreign language education with the use of digital resources and technologies, taking into account the risks and opportunities (by the example of the English language teaching).

The aim of our work is to develop theoretical, methodological and scientific-methodological foundations of the strategy of forming linguodigital culture of students through digital resources and technologies in the process of teaching English and its experimental verification.

The research was conducted on the basis of the authentic materials in English. **The research methods used** - the theoretical analysis of literature, study of normative documents, the observation of the teaching process, comparative analysis. The author came to the conclusion of the effectiveness of application of the developed programme for the purpose of the formation of this category of culture in the context of continuous foreign language education; the prospects of research in the direction of the project are defined.

Keywords: linguodigital culture; digital educational environment; foreign language education; education transformation; continuous education; risk-oriented thinking; hybrid learning environment; risk management in education

For citation. Scherbatykh L.N. Transformation of Foreign Language Education as a Basis for the Formation of Linguodigital Culture of Students at Secondary School. *Russian Journal of Education and Psychology*, 2024, vol. 15, no. 1, pp. 107-135. DOI: 10.12731/2658-4034-2024-15-1-437

Введение

Сегодня среди основных целей государственной политики Российской Федерации являются обеспечение глобальной конкурентоспособности российского образования, воспитание

гармонично развитой и социально ответственной личности посредством цифровизации образования. Это можно достичь путем комплексной трансформации всей образовательной системы. Основные тенденции модернизации образования Российской Федерации получили отражение в Национальном проекте «Образование» и в «Стратегических приоритетах в сфере реализации государственной программы Российской Федерации «Развитие образования» до 2030 года». Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» включает такие проекты, как «Нормативное регулирование цифровой среды», «Кадры для цифровой экономики», «Информационная инфраструктура», «Информационная безопасность», «Цифровые технологии», «Цифровое государственное управление», «Искусственный интеллект», «Обеспечение доступа в Интернет за счет развития спутниковой связи», «Развитие кадрового потенциала ИТ-отрасли». Подписание Президентом России В.В. Путиным указа «Об утверждении Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом», подтверждает особую роль гуманитарного знания, которое составляет мировоззренческий фундамент подготовки к жизни, активной социальной и профессиональной деятельности в современном обществе, на всех уровнях современной образовательной системы.

Значительный вклад в исследование проблем цифровизации и влияния цифровой культуры на процессы, происходящие в системе образования, вносят и отечественные ученые. Ими рассматриваются такие проблемы как развитие цифровой реальности (Т.С. Ахромеева) [3], цифровизация культуры (С.М. Фролова) [27] и электронная культура (Д.И. Дубровский) [11], вопросы цифровизованного гуманизма (Г.Л. Тульчинский) [25], цифровой трансформации образования и возникающих с этим проблем (Г.Л. Тульчинский) [25]. Цифровая трансформация образовательной системы: изучение инновационного потенциала, распространения инноваций на микро, мезо и макроуровнях и разработка механизмов сопровождения реформ (Е.А. Терентьев) [24].

Актуальность

Говоря о перспективах трансформации иноязычного образования в контексте формирования лингвоцифровой культуры обучающихся, необходимо учитывать, как содержательный, так и технический аспекты. С одной стороны, доступ к практически неограниченным базам данных, новостной информации, использование таких цифровых технологий, как обучающие игры, нейротехнологии, искусственный интеллект, технологии беспроводной связи, технологии виртуальной и дополненной реальности и др. позволяют решить задачи обеспечения функционирования системы непрерывного образования, подготовки квалифицированных специалистов, формирования их личностных качеств и профессиональных компетенций. С другой, существуют риски обращения к искажённой, недостоверной информации, одностороннего использования изученных технологий без обращения к новым, дающим большие возможности для воспитания, образования и развития. Кроме того, возможны иные риски, как, например, риск развития у обучаемых экранной зависимости, упреждения живой коммуникации, причинения вреда здоровью и т.п. Идея минимизации негативных последствий и повышения эффективности достижения поставленных целей, а именно сформированности лингвоцифровой культуры обучающихся в контексте трансформации иноязычного образования, актуализировали вопросы теории управления рисками в образовательной сфере.

Таким образом, актуальность проекта продиктована, с одной стороны, особой значимостью решения проблемы формирования лингвоцифровой культуры обучающихся, с другой - необходимостью исследования сущности процесса цифровой трансформации иноязычного образования как драйвера на всех уровнях современной образовательной системы с учётом возможностей и рисков для разных категорий испытуемых.

Цель нашей работы заключается в научном описании стратегии формирования лингвоцифровой культуры обучающихся в процессе преподавания ИЯ (в частности английского) в школьном, дополнительном образовании посредством применения цифровых технологий

как значимого условия подготовки молодого поколения к активной жизни в меняющемся мире и её экспериментальной проверке.

Научная новизна нашего исследования состоит в: разработке и обосновании концептуальных положений формирования лингвоцифровой культуры обучающихся в процессе преподавания ИЯ посредством цифровизации иноязычного образования с учётом его возможностей и рисков; определении понятия «лингвоцифровая культура», выявлении ее сущности и структуры; создании модели формирования лингвоцифровой культуры обучающихся посредством цифровизации иноязычного образования; разработке диагностики уровня сформированности лингвоцифровой культуры обучающихся; создании рекомендаций по управлению рисками в иноязычном образовании, направленных на снижение негативных последствий цифровизации и повышение эффективности формирования лингвоцифровой культуры.

Новизна определяется языковым аутентичным материалом, который использовался в проведении нашего исследования.

Исследование новых методологических тенденций в научном познании, а также анализ полученных ранее автором результатов проведенных совместных и индивидуальных исследований в рамках проблемы, на решение которой было направлено исследование, позволяют выделить следующие конкретные **задачи**:

1. Выявление сущности понятия «лингвоцифровая культура» как интегрального и многокомпонентного образования, включающего лингвистическое и цифровое наполнение.

2. Теоретико-методологическое обоснование создания модели формирования лингвоцифровой культуры обучающихся посредством цифровых технологий в рамках иноязычного образования для разных уровней обязательного и дополнительного образования (с учётом рисков для каждой категории испытуемых) как этапов системы непрерывного иноязычного образования и последовательной подготовки молодёжи к жизни в современном мире.

3. Разработка диагностического инструментария (критериальные показатели и уровни сформированности каждого компонента

лингвоцифровой культуры в модели формирования лингвоцифровой культуры на всех этапах в контексте цифровизации иноязычного образования).

4. Создание и реализация программ по ИЯ «Новые горизонты» для школьников, молодых людей, нацеленных на формирование лингвоцифровой культуры обучающихся посредством применения цифровых технологий в процессе преподавания ИЯ в рамках дополнительного иноязычного образования.

5. Постановка масштабного эксперимента по апробации разработанной модели формирования лингвоцифровой культуры обучающихся и эффективности использования программ по ИЯ «Новые горизонты» на базе МБОУ «Лицей № 5 г. Ельца», МБОУ Гимназия № 11 г. Ельца, МБОУ «Гимназия № 97 г. Ельца» (97 человек), на каждом из уровней образования, в том числе, дополнительном образовании.

6. Анализ и интерпретация результатов, полученных в процессе эксперимента, (оценка возможностей и потенциальных угроз, негативных последствий формирования лингвоцифровой культуры обучающихся посредством цифровых технологий; отбор адекватных приемов управления риском и способов его снижения; разработка соответствующих рекомендаций) и определение перспектив исследования по направлению проекта.

Материалы и методы исследования

Методологическую базу исследования составили труды отечественных и зарубежных ученых по проблемам формирования цифровой культуры, медиа грамотности, языковой компетенции в контексте глобальной цифровизации общества и всей системы образования, анализ и систематизация которых позволили дать теоретическое и методологическое обоснование модели формирования лингвоцифровой культуры обучающихся на уровнях среднего общего и дополнительного образования; значимости оценки рисков формирования лингвоцифровой культуры у школьников в условиях цифровой трансформации иноязычного образования. Научный и

практический интерес к проблеме формирования лингвоцифровой культуры достаточно высок, что объясняется запросами цифровой эпохи, необходимостью подготовки современного человека к жизни в постоянно меняющемся многополярном мире, где ключевыми показателями его развития становятся умение учиться и работать в условиях неопределенности, развивать критическое мышление, овладевать множеством современных форм межличностного и межнационального общения для соответствия инновационно ориентированной экономике страны. Несмотря на большое количество исследований, касающихся вопроса лингвистической подготовки обучающихся в процессе изучения ИЯ в условиях цифровизации иноязычного образования, вопрос разработки модели лингвоцифрового развития обучающихся в контексте непрерывного иноязычного образования еще не ставился. Предлагаемый к использованию методический инструментарий помог обеспечить глубину проработки ключевых аспектов поставленной в исследовании научной цели, получить научные результаты, содержащие элементы новизны. Все это включает следующие научные подходы и соответствующие им методы:

- общенаучный;
- компетентностный;
- практико-ориентированный;
- системный.

Эти подходы были использованы для разработки модели формирования лингвоцифровой культуры обучающихся в контексте непрерывного образования в условиях современных тенденций развития иноязычного образования.

Использование общенаучного подхода, включающего в себя методы индукции, дедукции, анализа и синтеза, позволили всесторонне отразить все аспекты поставленных в исследовании задач. В частности, анализ состояния проблемы формирования цифровой культуры и лингвистической компетенции на современном этапе позволили концептуально обосновать и выявить теоретико-методологическое обеспечение модели формирования лингвоцифровой культуры в контексте трансформации иноязычного образования. Обобщение

зарубежного и российского опыта позволил определить содержание оригинальной модели формирования составляющих лингвоцифровой культуры, которую возможно использовать в средних школах региона и страны.

Рассматривая **лингвоцифровую культуру** как интегральное и многокомпонентное образование, включающее знания, умения и навыки и отражающее совокупность компонентов, составляющих ее целостность, на основе компетентного подхода были определены критериальные показатели и уровни сформированности каждого компонента лингвоцифровой культуры в отдельно взятой модели формирования лингвоцифровой культуры на всех этапах в контексте цифровизации иноязычного образования.

Наблюдение, беседы, анкетирование, структурно-функциональное моделирование, интервьюирование, тестирование, прогнозирование и авторские диагностические методики позволили оценить уровни сформированности лингвоцифровой культуры по каждому выделенному компоненту её структуры.

Практико-ориентированный подход был применен в отношении содержательных составляющих предложенной модели и в отношении выбора технологий формирования лингвоцифровой культуры обучающихся. Он также помог выявить комплекс организационно-педагогических условий, обеспечивающих эффективное формирование культуры на разных этапах иноязычного образования. Применение метода анкетирования позволило определить начальный уровень сформированности лингвоцифровой культуры обучающихся, установить реальную картину приоритетов развития на разных уровнях образования, и тем самым, это дало возможность выбрать релевантные методики формирования лингвоцифровой культуры в структуре разработанных моделей.

Системный подход к исследованию помог провести комплексный анализ специфики иноязычного образования в условиях цифровизации образования, дать оценку динамики формирования лингвоцифровой культуры в процессе реализации предложенной модели; на основе применения качественных методов управления

образовательными рисками (SWIFT анализ, построение матрицы вероятности рисков, анализ «галстук-бабочка», техника «Дельфи», имитационное моделирование, принцип Парето) превентивно оценить риски в иноязычном образовании, направленные на снижение негативных последствий цифровизации и повышение эффективности формирования лингвоцифровой культуры в контексте непрерывного образования.

Результаты исследования

Расширение сотрудничества в международных экономических, социально-культурных и образовательных проектах в современных условиях не может рассматриваться изолированно от цифрового информационного пространства, которое влияет на систему иноязычного образования, вынуждая ее значительно трансформироваться. Трансформация затрагивает все базовые составляющие образовательного процесса (результаты, содержание, организацию образовательного процесса, оценивание его результатов). Трансформация иноязычного образования предполагает развитие и применение цифровой дидактики в обучении, переход на субъект-субъектную и проектную модель обучения, изменение образовательных результатов в части формирования поликультурной цифровой картины мира. Трансформация иноязычного образования является драйвером развития лингвоцифровой культуры как неотъемлемой составляющей общей культуры личности XXI века. Формирование лингвоцифровой культуры обучающихся становится одной из приоритетных задач образования в условиях языковой и цифровой трансформации общества в соответствии с целью подготовки высококвалифицированных специалистов, отвечающих потребностям страны и регионов в обеспечении кадрами для интенсивно развивающейся цифровой экономики. Таким образом, научная значимость и актуальность решения обозначенной проблемы объясняется, с одной стороны, особой значимостью решения проблемы формирования лингвоцифровой культуры обучающихся, с другой - необходимостью исследования потенциала иноязычного образования в этом

направлении в контексте цифровизации на всех уровнях современной образовательной системы с учётом возможностей и рисков для разных категорий испытуемых.

Анализ состояния исследований по проблеме проекта дал основание выделить основные направления исследований в мировой науке и подходы к ее разрешению.

Большое внимание уделяется проблемам взаимосвязи культуры и образования в исследованиях В.Л. Бенина [4], В.А. Слостенина [22], Е.Н. Шиянова [16] и др. Вызывает интерес исследование С.Н. Иконниковой, посвящённое сравнению культурных традиций, складывающихся в западной и восточной цивилизациях. Она отмечает, что «на Востоке общества ориентированы на традиционный уклад, семейные ценности, страны Запада характеризуются созидательной направленностью деятельности индивидов на основе технического прогресса и высокого уровня благосостояния каждого члена общества» [15]. О собственном пути развития образования России говорит О.Н. Журавлева: «русская образованность всегда имела свою специфику: собственные способы передачи, воспроизводства и хранения культурного опыта поколений, формы образования, имеющие гуманитарную направленность» [9; 13]. Также к теме формирования и воспитания гуманитарной культуры личности в процессе образования обращаются Е.Б. Горлова [7], О.Н. Журавлева [9; 13], Н.Г. Сикорская [21], О.В. Данилова [10] и др. Подход к рассмотрению гуманитарной культуры студента как основы профессионализма предлагает Е.И. Шулева [26]. Большая роль изучению профессиональной культуры в рамках гуманистической тенденции как ценности, образа мышления, нормы поведения и т.п. отводится в трудах китайских учёных (Мо Ван, Фанг Хуанг) [6], [28].

Подход к решению вопроса культурологической подготовки обучающихся в процессе изучения ИЯ за счёт культуросообразного содержания и новых технологий предложен такими исследователями, как Ф.В. Зимина [14], В.В. Ощепкова [18], Рыбак М. В. [20] и др. Интерес представляет исследование Л.В. Павловой, связанное с идеей развития гуманитарной культуры студентов в процес-

се иноязычного образования в вузе [19]. Большая роль дисциплине «иностранный язык» как фактора повышения мотивации в условиях модернизации образования отмечается Д.Л. Готлиб [12; 17].

Анализ нового технологического уклада жизни современного общества и его влияния на культуру и человека получил развитие в трудах В.Г. Буданова, В.А. Емелина, В.А. Кутырева, Л.В. Орловой, Т.В. Свадьбиной, Н.Л. Соколовой, Г.У. Солдатовой, В.С. Степина, А.Н. Фортунатова.

Важными в рамках исследования являются работы, связанные с процессом цифровизации. В исследованиях зарубежных ученых подробно рассматриваются такие вопросы цифровизации, как формирование цифровой образовательной среды в контексте решения задач цифровой экономики (James Valadez, Richard Duran) [35]; формирование и развитие навыков, без которых невозможно быть успешным в XXI веке (S. T. Kerr) [32]; развитие эффективных сред образования и персонализация обучения (N. Negroponte; P. Netmańczyk) [33]; преодоление цифрового неравенства и технологического цифрового разрыва (Е.А. Суворова, А.А. Карелина) [34]; формы организации обучения (Р.Н. Абрамов) [1]. Философское осмысление проблем цифрового общества, воздействия новых технологий на человека представлено в исследованиях Р. Барлоу. Дж. Браун ставит вопрос об изменениях «экосистемы» образования под воздействием цифровизации. Д. Тапскотт определяет особенности нового поколения обучающихся, называя его «сетевым поколением» («N-Gen - NetGeneration») [30]. Критический анализ процесса цифровизации в сфере образования представлен в работах Н. Негропonte [33]. О необходимости переосмысления образования в эпоху цифровых технологий пишут А. Коллинз и Р. Халверсон [31].

Следует отметить, что в России цифровизации, и в частности, цифровизации образования, уделяется пристальное внимание. За последние годы был принят ряд документов, направленных на развитие информационного общества: Государственная программа «Стратегия развития информационного общества Российской Федерации на 2017-2030 годы», Государственная программа «Цифровая

экономика Российской Федерации», Государственный проект «Современная цифровая образовательная среда России». Р.Н. Абрамов, И.А. Груздев, У.С. Захарова, Е.А. Терентьев обращают внимание на особенности работы в условиях пандемии [1].

Для педагогической науки также является новой проблема описания механизмов оценки рисков и прогноза освоения предметных знаний, компетенций на основе использования положений риск-менеджмента. Большинство исследований посвящено обучению студентов управлению рисками (Menoni, 2006; Watson, 2004; Garven, 2007; Gabel, 2008). В работах, посвящённых использованию положений риск-менеджмента в сфере управления качеством высшего образования, акцент делается на раскрытии сущности данного понятия и классификации рисков в сфере образования (Беляева, 2014; Чубарова, 2005; Bialostok, 2015; Raanan, 2021; Helsloot, 2006), либо на возможных финансовых рисках, связанных с образовательными учреждениями (Culcleasure, 2005; Query, 2000).

Кроме этого, в фокусе иностранных исследователей находятся процессы цифровой трансформации иноязычного образования, где отмечается важная роль как самих преподавателей (M. Bond, D.F. Macías, J. Xiao), так и образовательных учреждений (A.T. Bates, D. Ahmadi, M. Reza).

Более того, значительное внимание уделяется культурологической подготовке школьников в процессе изучения ИЯ в условиях цифровой трансформации, направленной на совершенствование способностей учащихся осуществлять творческие процессы в продуктивной иноязычной деятельности за счёт культуросообразного гуманистического содержания и новых технологий (М.А. Ариян [2], Е.М. Верещагин [5], Ю.В. Ерёмин [12], Ф.В. Зими́на [14], В.Г. Костомаров [29], В.В. Ощепкова [18], Л.В. Павлова [19], Е.Н. Соловова [23] и др.).

Анализ современного состояния исследований по заявленной теме позволяет судить о необходимости теоретического и методологического обоснования модели формирования лингвоцифровой культуры обучающихся как необъемлемой части их профессиональной подготовки, показателем соответствия вызовам и запросам времени.

Таблица № 1.

Модель лингвоцифровой культуры школьников старших классов

Комплекс психолого-педагогических условий: – направленность на профессионально-коммуникативное развитие личности; создание квази профессиональной среды с ориентацией на активную учебно-познавательную деятельность; профессионально-направленное содержание, обуславливающее развитие и саморазвитие обучающихся; обеспечение доступа к цифровым ресурсам.	Целевой блок		
	Цель: формирование лингвоцифровой культуры школьников старших классов МБОУ «Лицей № 5 г. Ельца», МБОУ Гимназия № 11 г. Ельца, МБОУ «Гимназия № 97 г. Ельца» (97 человек).		Задачи: - формирование у обучающихся готовности к непрерывному образованию и саморазвитию, активную учебно-познавательную деятельность, проектирование развивающей цифровой среды в процессе образования; - формирование умений иноязычной деловой коммуникации;
	Методологический блок		
	Подходы: компетентностный подход; системно-деятельностный подход; коммуникативный подход; профессионально-ориентированный подход.		
	Принципы: диалогичности, проблемности, субъектности и саморазвития.		
	Содержательный блок		
	Структурный уровень		Процессуальный уровень
	специфика наполнения иноязычного контента и коммуникативных умений		этапы формирования умений деловой коммуникации
	Компоненты содержания программы обучения деловому иностранному языку студентов на структурном уровне: – сферы общения, ситуации и темы; – знания языка, социокультурные знания; – языковые навыки; – интеллектуальные умения; – коммуникативные умения в различных видах речевой деятельности.		
	Процессуально-технологический блок		
	Методы обучения: метод симуляций, метод проектов, метод case-study, баскет – метод, игровой метод.	Формы обучения: беседы, дискуссии, тестовые задания, дистанционное обучение малых групп, сетевое взаимодействие.	Средства обучения: профессионально-направленные экосистемы, комплекс заданий и опор воспитательной направленности.
	Диагностический блок		
	1) описание уровней сформированности лингвоцифровой культуры (начальный, базовый, творческий); 2) критерии и показатели оценки сформированности умений иноязычной деловой компетенции: – языковая осведомленность; – коммуникативно-речевая целесообразность оформления речевого высказывания; – социокультурная ориентированность; – личностное целеполагание; – учебно-познавательная продуктивность; 3) методы и средства диагностики (тестирование, анкетирование, анализ продуктов деятельности и т.п.).		
	Компоненты подготовки		
	Мотивационно-ценностный	Когнитивно-деятельностный	Личностно-рефлексивный
Оценочно-результативный блок			
Результат: достижение обучающимися высокого (творческого) уровня сформированности лингвоцифровой культуры школьников.			

Основным конкурентом является темп развития научного знания и тот факт, что научные идеи возникают у ученых разных стран практически одновременно. Впереди оказывается тот, кто раньше осознает важность и актуальность проблемы и активно начнет ее разработку. Необходимо использовать накопленный потенциал и закрепить первенство в данной отрасли научного знания.

В ходе нашего исследования (проекта), проводимого на базе МБОУ «Лицей № 5 г. Ельца», МБОУ Гимназия № 11 г. Ельца, МБОУ «Гимназия № 97 г. Ельца» (97 человек) были достигнуты определенные результаты и обозначена их значимость.

1. Методологически, теоретически и технологически обоснованная стратегия формирования лингвоцифровой культуры обучающихся на основе адаптации современных достижений в науке средствами электронных образовательных комплексов по ИЯ, виртуальной и дополненной реальности (Metaverse, Google Expeditions, а также Google Arts & Culture), обучающих игр (Art Selfie, Art Projector, Pocket Gallery, Color Palette), сетевого взаимодействия, программных продуктов и др. в контексте иноязычного образования с проявлением синергетических эффектов.

2. Обоснование структурно-функциональной модели формирования лингвоцифровой культуры обучающихся на уровнях среднего общего, а также дополнительного образования детей и молодёжи, представляющей собой целостную систему, сконструированную из логических и последовательно функционирующих блоков: социальный заказ общества, концептуальный, целевой, содержательный, технологический и оценочно-результативный блоки, обеспечивающих эффективность учебного процесса путём интеграции науки и образования.

3. Дефиниция понятия «лингвоцифровая культура» как интегрального и многокомпонентного образования, включающего лингвистическое и цифровое наполнение. Комплексная диагностика уровня сформированности лингвоцифровой культуры обучающихся; были определены критериальные показатели и уровни сформированности каждого компонента лингвоцифровой культуры в отдельно взятой

модели формирования лингвоцифровой культуры на всех этапах в контексте цифровизации иноязычного образования.

4. Алгоритмы и модули программного обеспечения образовательного контента средствами электронных образовательных комплексов по ИЯ, виртуальной и дополненной реальности, обучающих игр, сетевого взаимодействия и др. в процессе освоения сложного лингвистического знания в контексте междисциплинарной интеграции с проявлением синергетических эффектов.

5. Научно-методическое сопровождение внедрения модели формирования лингвоцифровой культуры обучающихся на уровнях среднего общего, профессионального и высшего, а также дополнительного образования детей и молодёжи. Для проверки эффективности предложенной модели было проведено несколько срезов, характеризующих первоначальный, промежуточный и итоговый уровни сформированности лингвоцифровой культуры обучающихся.

6. Риск-менеджмент, основанный на методологии SWOT-анализа, количественного и качественного анализа, что позволило идентифицировать и оценить возможности и потенциальные угрозы или негативные последствия формирования лингвоцифровой культуры обучающихся посредством цифровых технологий, а также выбрать адекватные приемы управления риском и способы его снижения, подготовить соответствующие рекомендации.

Результаты исследования имеют важное прикладное значение, так как могут быть применены в образовательной деятельности учреждений среднего, среднего профессионального, высшего и дополнительного образования, что позволит решить задачу повышения эффективности подготовки обучающихся средствами ИЯ на основе цифрового диалога культур, как важной составляющей профессиональной компетентности будущих специалистов.

Обсуждение

Цель нашего проекта заключается в разработке теоретико-методических и научно-методических оснований стратегии формирования лингвоцифровой культуры обучающихся посредством цифровых

ресурсов и технологий в процессе преподавания ИЯ и ее экспериментальной проверки.

Проект направлен на разработку теоретически и методологически обоснованной модели формирования лингвоцифровой культуры обучающихся на уровнях среднего общего, а также дополнительного образования детей и молодежи, внедрение которой способно повысить эффективность коммуникативной подготовки обучающихся средствами ИЯ на основе цифрового диалога культур, как важной составляющей профессиональной компетентности будущих специалистов и их гражданской позиции; обеспечения глобальной конкурентоспособности российского образования; воспитания гармонично развитой и социально ответственной личности посредством цифровизации образования.

Опытно-экспериментальная работа по оценке уровня сформированности лингвоцифровой культуры школьников и возможностей трансформации иноязычного образования как драйвер развития данного феномена у обучающихся и проверке эффективности алгоритма работы с ними в процессе формирования всех компонентов лингвоцифровой культуры, включала:

- констатирующий эксперимент, в ходе которого мы провели анкетирование обучающихся и учителей ИЯ МБОУ «Лицей № 5 г. Ельца», МБОУ Гимназия № 11 г. Ельца, МБОУ «Гимназия № 97 г. Ельца» (97 человек) об условиях основного содержания обучения ИЯ и было проведено входное контрольное тестирование. Все это показало низкий уровень развития лингвоцифровой культуры у учащихся средней школы 10–11-х классов МБОУ «Лицей № 5 г. Ельца», МБОУ Гимназия № 11 г. Ельца, МБОУ «Гимназия № 97 г. Ельца»;
- формирующий эксперимент, основанный на опытном обучении, что явилось доказательством эффективности применения технологии формирования лингвоцифровой культуры обучающихся средней школы;
- контролирующий эксперимент предполагал анкетирование учащихся и учителей ИЯ МБОУ «Лицей № 5 г. Ельца», МБОУ Гимназия № 11 г. Ельца, МБОУ «Гимназия № 97 г. Ельца» (97

человек) для того, чтобы оценить эффективность опытного обучения, а также проверить, насколько используемые приемы и тестирование позволяют сформировать лингвоцифровую культуру у школьников 10–11-х классов.

Проанализировав результаты эксперимента, мы отметили, что в экспериментальной группе количество обучающихся с высоким уровнем сформированности лингвоцифровой культуры увеличилось на 43%, а с низким стало меньше, что подтверждает выдвинутую нами гипотезу.

Результатом научного исследования стала разработка концептуальных положений формирования лингвоцифровой культуры обучающихся; теоретически и методологически обоснованная модель формирования лингвоцифровой культуры обучающихся на уровнях среднего общего, а также дополнительного образования детей и молодёжи; рекомендаций по управлению рисками в иноязычном образовании. Для проверки эффективности предложенной модели было проведено несколько срезов, характеризующих первоначальный, промежуточный и итоговый уровни сформированности лингвоцифровой культуры обучающихся. Разработаны механизмы оценки рисков формирования лингвоцифровой культуры обучающихся в условиях цифровизации иноязычного образования и рекомендации по их управлению. Результаты исследования имеют важное прикладное значение, так как могут быть применены в образовательной деятельности учреждений среднего, среднего профессионального, высшего и дополнительного образования, что позволит решить задачу повышения эффективности коммуникативной подготовки обучающихся средствами ИЯ на основе цифрового диалога культур, как важной составляющей профессиональной компетентности будущих специалистов и их гражданской позиции, проявляющейся в готовности к обеспечению глобальной конкурентоспособности российского образования, воспитанию гармонично развитой и социально ответственной личности посредством цифровизации образования.

Достижимость решения поставленных задач и возможности получения предполагаемых результатов основана на высокой квалификации участников, имеющих апробированные наработки в этой области.

Вследствие проведенного эксперимента мы разработали и обосновали стратегию формирования лингвоцифровой культуры обучающихся посредством цифровизации иноязычного образования с учетом его возможностей и рисков на примере преподавания ИЯ; научно обосновали положения, составляющие методологическую основу формирования лингвоцифровой культуры обучающихся в контексте цифровизации иноязычного образования; разработали рекомендации по управлению рисками в иноязычном образовании, направленных на снижение негативных последствий цифровизации и повышение эффективности формирования лингвоцифровой культуры; научно обосновали и разработали модель формирования лингвоцифровой культуры обучающихся посредством цифровизации иноязычного образования на всех уровнях современной образовательной системы, включая среднее общее, а также дополнительное образование.

Цифровая среда обеспечивает в большей степени информативность языкового материала, повышается познавательная активность учащихся, усиливается их мотивация, меняются эмоциональные представления учебной информации.

Необходимо эффективно использовать аутентичные материалы на цифровых платформах на уроках ИЯ. Данный вид работы обусловлен следующими моментами: применение цифровых технологий позволяет развивать навыки говорения и аудирования у обучающихся; закрепляется пройденный фонетический, лексический и грамматический материал, а также в определенной степени расширяется лексический запас школьников. Все это помогает интенсифицировать учебный процесс; создать благоприятные условия, которые развивают коммуникативную компетенцию у учеников.

Заключение

Из вышесказанного, можно сделать следующий вывод, что

- разработанные и реализованные программы по ИЯ «Новые горизонты» для школьников, молодых людей, нацеленные на формирование лингвоцифровой культуры обучающихся

посредством применения цифровых технологий в процессе дополнительного иноязычного образования обладают потенциальными возможностями, позволяющими развивать устные виды речевой деятельности в процессе обучения ИЯ.

- обоснование комплекса организационно-педагогических условий и определение критериальных показателей формирования лингвоцифровой культуры и диагностического инструментария для оценки уровней сформированности для разработанной модели способствуют развитию данной культуры у школьников, тем самым, у них совершенствуются слуховые навыки, они учатся быстро понимать и реагировать на разговорную речь. У обучающихся увеличивается словарный запас, они легко запоминают полезные и простые фразы, повторяют использованные конструкции. Очень часто школьники начинают обсуждать пройденный материал в других чатах с участниками, в результате чего это для них новая модель реального разговора.

Масштабный эксперимент по апробации разработанной модели формирования лингвоцифровой культуры обучающихся и эффективности использования программ по ИЯ «Новые горизонты» на базе МБОУ «Лицей № 5 г. Ельца», МБОУ Гимназия № 11 г. Ельца, МБОУ «Гимназия № 97 г. Ельца» на каждом из уровней образования, в том числе в рамках программы повышения квалификации «Лингвоцифровая культура личности» для молодых людей, дало стимул тем, кто активно изучает ИЯ, у обучающихся это вызвало эмоциональный отклик.

Анализ и интерпретация результатов, полученных в процессе эксперимента и определение перспектив исследования по направлению нашего проекта показал, что процесс обучения ИЯ стал более интересным, а результаты значительно эффективными.

Информация о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Информация о спонсорстве. Исследование не имело спонсорской поддержки.

Список литературы

1. Абрамов Р.Н., Груздев И.А., Захарова У.С., Терентьев Е.А. Преподаватели российских вузов в условиях пандемийной цифровизации: между автономией и контролем // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. №3. С.134-154.
2. Ариян Маргарита Анастасовна Социально-эмоциональное развитие обучающихся средствами иностранного языка // Язык и культура. 2017. № 38. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-emotsionalnoe-razvitie-obuchayuschih-sredstvami-inostrannogo-yazyka> (дата обращения: 15.01.2024).
3. Ахромеева Т.С., Маоинецкий Г.Г., Посашков С.А. Смыслы и ценности цифровой реальности: Будущее. Войны. Синергетика // Философские науки. 2017. № 6. С. 104-120.
4. Бенин В.Л. Педагогическая культурология, 2016. Стратегия развития воспитания школьников в контексте профессионально-педагогической культуры учителя // Педагогическое образование: вызовы XXI века : материалы VII междунар. науч.-практ. конф., посвящ. памяти акад. В.А. Сластенина / под общ. ред. Н.И. Вьюновой; Воронеж. гос. ун-т. Воронеж, 2016. С. 25-27.
5. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы / Под редакцией и с послесловием академика Ю. С. Степанова. М.: «Индрик», 2005. 1040 с.
6. Ван, Мо. Дух ремесленника: профессиональная культурная этика крайне необходима в Китае // Китай во всех сферах жизни. 2019. № 16. С. 158-159.
7. Горлова Е.Б. Культура как воспитательный и социальный феномен // Вестник ГУУ. 2023. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kultura-kak-sotsialnyu-i-vospitatelnyu-fenomen> (дата обращения: 14.01.2024).
8. Готлиб Д.Л. Обучение иностранному языку как фактор повышения мотивации школьников в условиях модернизации образования: специальность 5.8.2 «Теория и методика обучения и воспитания (иностранные языки, уровень общего образования)»: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Н. Новгород, 2020. 25 с.

9. Коллектив авторов. Гуманитарная культура личности – основа и цель современного образования: Монография. СПб.: Изд-во «Союз», 2008. 114 с.
10. Данилова О.В., Васильева Э.Р. Формирование гуманитарной культуры учащихся и студентов в эпоху глобализации // Дискуссия. 2013. №11 (41). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-gumanitarnoy-kultury-uchaschihsya-i-studentov-v-epohu-globalizatsii> (дата обращения: 14.01.2024).
11. Дубровский Д.И. Электронная культура. Кто против? // Философские науки. 2017. № 2. С. 50-57.
12. Еремин Ю.В. Теоретические основы профессионально-коммуникативной подготовки будущего учителя в условиях педагогического университета: Предметная область, иностранный язык : автореферат дис. ... доктора педагогических наук : 13.00.08 / Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. Санкт-Петербург, 2001. 38 с.
13. Журавлёва О.Н. Гуманитарная культура личности – основа и цель современного образования: Монография, 2008.
14. Зими́на Ф. В. Иностранный язык как средство формирования гуманитарной культуры студентов вуза // Вестник ЮУрГТТУ. 2014. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/inostranny-yazyk-kak-sredstvo-formirovaniya-gumanitarnoy-kultury-studentov-vuza> (дата обращения: 14.01.2024).
15. Иконникова С. Н. Влияние гуманитарной культуры на менталитет народа // Труды СПбГИК. 2010. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-gumanitarnoy-kultury-na-mentalitet-naroda> (дата обращения: 14.01.2024).
16. Исаев И. Ф., Шиянов Е. Н. Аксиологический и культурологический подходы к исследованию проблем педагогического образования в научной школе В. А. Слостенина // Сибирский педагогический журнал. 2005. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aksiologicheskii-i-kulturologicheskii-podhody-k-issledovaniyu-problem-pedagogicheskogo-obrazovaniya-v-nauchnoy-shkole-v-a-slastenina> (дата обращения: 10.01.2024).
17. Конструктивно-функциональные основы моделирования продуктивной иноязычной текстовой деятельности: учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направле-

- нию «540300 (050300) Филологическое образование» / Ю. В. Еремин, А. В. Рубцова; Российский гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. Санкт-Петербург: Кн. Дом, 2008.
18. Ощепкова В.В. Язык и культура Великобритании, США, Канады, Австралии, Новой Зеландии. М./СПб.: ГПОССА/КАРО, 2004. 336 с.
 19. Павлова Л.В. Методическая система развития гуманитарной культуры студентов бакалавриата в компетентностной парадигме иноязычного образования: автореф. дис. ... докт пед. наук: 13.00.02. Нижний Новгород, 2016.
 20. Рыбак М. В. Развитие культуроведческих подходов к преподаванию иностранных языков в отечественном образовании в 80-е гг. XX – начале XXI в. // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2022. №4 (64). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-kulturovedcheskih-podhodov-k-prepodavaniyu-inostrannyh-yazykov-v-otechestvennom-obrazovanii-v-80-e-gg-xx-nachale-xxi-v> (дата обращения: 10.01.2024).
 21. Сикорская Н.Г. Развитие гуманитарной культуры будущего учителя как основания его профессионализма: автореферат дис. ... кандидата педагогических наук: 13.00.01 / Ставропольский гос. технич. ун-т. Ставрополь, 1996. 18 с.
 22. Сластенин В.А. и др. Педагогика. Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / В. А. Сластенин, И. Ф. Исаев, Е. Н., Шиянов; Под ред. В.А. Сластенина. М.: Издательский центр «Академия», 2002. 576 с.
 23. Соловова Е. Н. Перспективные направления развития вузовской методики преподавания иностранных языков // Вестник МГИМО. 2013. №6 (33). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivnye-napravleniya-razvitiya-vuzovskoy-metodiki-prepodavaniya-inostrannyh-yazykov> (дата обращения: 10.01.2024).
 24. Терентьев Е.А. Цифровая трансформация образовательной системы: изучение инновационного потенциала, распространения инноваций на микро, мезо и макроуровнях и разработка механизмов сопровождения реформ. Грант РФФ 19-78-10127.
 25. Тульчинский Г.Л. Цифровизированный гуманизм // Философские науки. 2018. № 11. С. 28-43.

26. Шулева Е.И. Воспитание гуманитарной культуры студента как основы профессионализма: Гуманитарная культура - новый вектор развития. Монография. 2016. 200 с.
27. Фролова С. М., Листвина Е. В. Культура в эпоху цифровизации: социально-философское осмысление // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2019. Т. 19, вып. 4. С. 408-412. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-4-408-412>
28. Хуанг, Фанг. Анализ содержания профессионального культурного образования в высших профессиональных колледжах // Коммуникация в области профессионального образования. 2018.
29. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. 4-е изд., перераб. и доп. Москва: Рус. яз., 1990. 246 с.
30. Tapscott D. Growing Up Digital: The Rise of the Net Generation. New York; London: McGraw Hill, 1998. 256 p.
31. Collins A., Halverson R. Rethinking Education in the Age of Technology: The Digital Revolution and Schooling. New York: Teachers College Press, 2009. https://www.goodreads.com/book/show/6705342-rethinking-education-in-the-age-of-technology?ac=1&from_search=true&qid=WXNzKm4MEs&rank=1 (дата обращения: 20.12.2023)
32. Kerr S. T. Why we all want it to work: Towards a culturally based model for technology and educational change // British Journal of Educational Technology. 2005. Vol. 36, № 6. P. 1005-3016.
33. Negroponte N. Being Digital; Hetmańczyk, P. Digitalization and its impact on labour market and education. Selected aspects // Education and Information Technologies, 2023. <https://doi.org/10.1007/s10639-023-12203-8>
34. Suvorova E.A., Karelina A.A. Digitalization and Uncertainty in the University: Coherence and Collegiality Through a Metacurriculum // Postdigital Science and Education, 2022, vol. 4, pp. 772-792. <https://doi.org/10.1007/s42438-022-00324-1>
35. Valadez J. R., Duran R. Redefining the Digital Divide: Beyond Access to Computers and the Internet // The High School Journal, 2007, vol. 90, no. 3, pp. 31-44. <https://doi.org/10.1353/hsj.2007.0013>

References

1. Abramov R.N., Gruzdev I.A., Zakharova U.S., Terentyev E.A. Teachers of Russian universities in conditions of pandemic digitalization: between autonomy and control. *Monitoring obshchestvennoy mneniya: ekonomicheskies i sotsial'nye peremeny* [Public Opinion Monitoring: Economic and Social Change], 2021, no. 3, pp. 134-154.
2. Ariyan Margarita Anastasovna Social-emotional development of students by means of a foreign language. *Yazyk i kul'tura* [Language and Culture], 2017, no. 38. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-emotsionalnoe-razvitie-obuchayuschihsya-sredstvami-inostrannogo-yazyka>
3. Akhromeeva T.S., Maoinetsky G.G., Posashkov S.A. Meanings and values of digital reality: Future. Wars. Synergetics. *Filosofskie nauki* [Philosophical Sciences], 2017, no. 6, pp. 104-120.
4. Benin V.L. Pedagogical culturology, 2016. Strategy for the development of schoolchildren education in the context of professional and pedagogical culture of the teacher. *Pedagogical education: challenges of the XXI century : materials of the VII international scientific and practical conference, dedicated to the memory of Acad. V.A. Slastenin* / ed. N.I. Vyunova; Voronezh State University. Voronezh, 2016, pp. 25-27.
5. Vereshchagin E. M., Kostomarov V. G. *Language and Culture. Three linguocountry studies concepts: lexical background, speech-behavioral tactics and sapientema* / Edited and with an afterword by Academician Y. S. Stepanov. Moscow: "Indrik", 2005, 1040 p.
6. Wang, Mo. The spirit of the artisan: professional cultural ethics is badly needed in China. *Kitay vo vsekh sferakh zhizni* [China in all spheres of life], 2019, no. 16, pp. 158-159.
7. Gorlova E.B.. Culture as an educational and social phenomenon. *Vestnik GUU*, 2023, no. 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kultura-kak-sotsialnyy-i-vospitatelnyy-fenomen>
8. Gotlib D.L. *Teaching a foreign language as a factor in increasing the motivation of schoolchildren in the conditions of modernization of education: specialty 5.8.2 "Theory and methodology of teaching and education (foreign languages, general education level)"*. N. Novgorod, 2020, 25 p.

9. *Humanitarian culture of personality - the basis and goal of modern education*: Monograph. SPb.: Izdvo “Soyuz”, 2008, 114 p.
10. Danilova O.V., Vasilieva E.R. Formation of humanitarian culture of pupils and students in the era of globalization. *Diskussiya [Discussion]*, 2013, no. 11 (41). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-gumanitarnoy-kultury-uchaschihsya-i-studentov-v-epohu-globalizatsii>
11. Dubrovsky D.I. Electronic culture. Who is against it? *Filosofskie nauki [Philosophical Sciences]*, 2017, no. 2, pp. 50-57.
12. Eremin Y.V. *Theoretical bases of professional-communicative training of the future teacher in the conditions of pedagogical university: Subject area, foreign language* / A. I. Herzen Russian State Pedagogical University. St. Petersburg, 2001, 38 p.
13. Zhuravleva O.N. *Humanitarian culture of a personality - the basis and the purpose of modern education*: Monograph. 2008.
14. Zimina F.V. Foreign language as a means of forming the humanitarian culture of university students. *Vestnik YuUrGGPU*, 2014, no. 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/inostranny-yazyk-kak-sredstvo-formirovaniya-gumanitarnoy-kultury-studentov-vuza>
15. Ikonnikova S. N. Influence of humanitarian culture on the mentality of the people. *Trudy SPBGIK*, 2010. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-gumanitarnoy-kultury-na-mentalitet-naroda> (date of address: 14.01.2024).
16. Isaev I. F., Shiyarov E. N. Axiological and culturological approaches to the study of problems of pedagogical education in the scientific school of V. A. Slavenin. *Sibirskiy pedagogicheskiy zhurnal [Siberian Pedagogical Journal]*, 2005, no. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aksiologicheskiy-i-kulturologicheskiy-podhody-k-issledovaniyu-problem-pedagogicheskogo-obrazovaniya-v-nauchnoy-shkole-v-a-slas-tenina>
17. *Constructive-functional bases of modeling productive foreign-language textual activity: a textbook for students of higher educational institutions studying in the direction “540300 (050300) Philological Education”* / Y. V. Eremin, A. V. Rubtsova; Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen. St. Petersburg: Kn. Dom, 2008.

18. Oschepkova V.V. *Language and Culture of Great Britain, USA, Canada, Australia, New Zealand*. M./SPb.: GPOSSA/CARO, 2004, 336 p.
19. Pavlova L.V. *Methodical system of development of humanitarian culture of bachelor students in the competence paradigm of foreign language education*. Nizhny Novgorod, 2016.
20. Rybak M. V. Development of cultural approaches to teaching foreign languages in Russian education in the 80-ies of XX – early XXI century. *Uchenye zapiski. Elektronnyy nauchnyy zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2022, no. 4 (64). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-kulturovedcheskih-podhodov-k-prepodavaniyu-inostrannyh-yazykov-v-otechestvennom-obrazovanii-v-80-e-gg-xx-nachale-xxi-v>
21. Sikorskaya N.G. *Development of humanitarian culture of the future teacher as the basis of his professionalism* / Stavropol State Technical University. Stavropol, 1996, 18 p.
22. Slastenin V.A. et al. *Pedagogy. Textbook for students of higher pedagogical educational institutions* / V.A. Slastenin, I.F. Isaev, E.N. Shiyarov; Ed. V.A. Slastenin. Moscow: Publishing Center “Academy”, 2002, 576 p.
23. Solovova E. N. Perspective directions of development of university methodology of teaching foreign languages. *Vestnik MGIMO* [MGIMO Bulletin], 2013, no. 6 (33). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivnye-napravleniya-razvitiya-vuzovskoy-metodiki-prepodavaniya-inostrannyh-yazykov>
24. Terentyev E.A. *Digital transformation of the educational system: study of innovation potential, diffusion of innovations at micro, meso and macro levels and development of mechanisms to support reforms*. RNF Grant 19-78-10127.
25. Tulchinsky G.L. Digitalized humanism. *Filosofskie nauki* [Philosophical Sciences], 2018, no. 11, pp. 28-43.
26. Shuleva E.I. *Educating the humanitarian culture of the student as the basis of professionalism: Humanitarian culture - a new vector of development*. Monograph. 2016, 200 p.

27. Frolova S.M., Listvina E. V. Culture in the era of digitalization: socio-philosophical comprehension. *Izv. Sa rat. un-ta. Nov. ser. Ser. Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika*, 2019, vol. 19, no. 4, pp. 408-412. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-4-408-412>
28. Huang, Fang. Analyzing the content of professional cultural education in higher vocational colleges // *Professional Education Communication*. 2018.
29. *Language and Culture: Linguo-country studies in teaching Russian as a foreign language* / E. M. Vereshchagin, V. G. Kostomarov. Moscow : Russ. yaz., 1990, 246 p.
30. Tapscott D. *Growing Up Digital: The Rise of the Net Generation*. New York; London: McGraw Hill, 1998, 256 p.
31. Collins A., Halverson R. *Rethinking Education in the Age of Technology: The Digital Revolution and Schooling*. New York: Teachers College Press, 2009. https://www.goodreads.com/book/show/6705342-rethinking-education-in-the-age-of-technology?ac=1&from_search=true&qid=WX-NzKm4MEs&rank=1
32. Kerr S. T. Why we all want it to work: Towards a culturally based model for technology and educational change. *British Journal of Educational Technology*, 2005, vol. 36, no. 6, pp. 1005-3016.
33. Negroponte N. Being Digital; Hetmańczyk, P. Digitalization and its impact on labor market and education. Selected aspects. *Education and Information Technologies*, 2023. <https://doi.org/10.1007/s10639-023-12203-8>
34. Suvorova E.A., Karelina A.A. Digitalization and Uncertainty in the University: Coherence and Collegiality Through a Metacurriculum. *Post-digital Science and Education*, 2022, vol. 4, pp. 772-792. <https://doi.org/10.1007/s42438-022-00324-1>
35. Valadez J. R., Duran R. Redefining the Digital Divide: Beyond Access to Computers and the Internet. *The High School Journal*, 2007, vol. 90, no. 3, pp. 31-44. <https://doi.org/10.1353/hsj.2007.0013>

ДАнные ОБ АВТОРЕ

Щербатых Людмила Николаевна, доцент кафедры иностранных языков и методики их преподавания, кандидат педагогических наук

*Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина
ул. Коммунаров, 28, г. Елец, Липецкая область, 399770, Рос-
сийская Федерация
shcherlyd@mail.ru*

DATA ABOUT THE AUTHORS

Lyudmila N. Shcherbatykh, Candidate of Pedagogical Sciences, As-
sociate Professor

Bunin Yelets State University

*28, Kommunarov Str., Yelets, Lipetsk Region, 399770, Russian
Federation*

shcherlyd@mail.ru

Поступила 23.01.2024

После рецензирования 10.02.2024

Принята 20.02.2024

Received 23.01.2024

Revised 10.02.2024

Accepted 20.02.2024

DOI: 10.12731/2658-4034-2024-15-1-444

УДК 372.881.111.1

Научная статья | Методология и технология профессионального образования

БУДУЩЕЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ В КОНТЕКСТЕ ПЯТОЙ КОГНИТИВНОЙ РЕВОЛЮЦИИ

И.С. Волежжанина

Цель. Статья посвящена теме определения возможных путей трансформации процесса обучения иностранным языкам, актуальной в условиях экспоненциального сдвига технологической парадигмы, переживаемого современным обществом. Предметом исследования выступают изменения данного процесса в контексте ожидаемой пятой когнитивной революции. Автор ставит целью показать перспективу профессионального развития преподавателя кафедры иностранных языков в связи с массовым внедрением систем искусственного интеллекта на основе больших языковых моделей.

Методология проведения работы. Основой исследования выступают персонализированный и символичный подходы, а также принцип междисциплинарности.

Результаты. Результаты и новизна исследования заключаются в том, что автор уточняет периодизацию когнитивных революций применительно к образованию на основе анализа российских и зарубежных исследований. Именно технологии пятой когнитивной революции, которую отличает синергия человеческого и машинного интеллектов, будут определять характер трансформации процесса обучения иностранным языкам в вузах. Автор делает предположение, что деятельность преподавателей кафедр иностранных языков окажется наиболее чувствительной к профессиональной турбулентности в связи с достижениями мировых исследований в области больших языковых моделей. Профессиональное развитие

преподавателей видится связанным со способностью взаимодействия в гибридной образовательной среде вуза с искусственными системами, обладающими эмоциональным интеллектом и мультимодальным поведением, – искусственными интеллектуальными тьюторами и небιологическими сотрудниками кафедр.

Область применения результатов. *Результаты исследования могут быть применены в области разработки технологий и методик преподавания иностранных языков в вузах.*

Ключевые слова: *иностраннй язык; когнитивная революция; эмоциональный искусственный интеллект; вуз; большие языковые модели; искусственный интеллектуальный тьютор; небιологический сотрудник кафедры*

Для цитирования. *Волгжанина И.С. Будущее преподавания иностранных языков в контексте пятой когнитивной революции // Russian Journal of Education and Psychology. 2024. Т. 15, № 1. С. 136-150. DOI: 10.12731/2658-4034-2024-15-1-444*

Original article | Methodology and Technology of Professional Education

THE FUTURE OF FOREIGN LANGUAGE TEACHING IN THE CONTEXT OF THE 5TH COGNITIVE REVOLUTION

I.S. Volegzhanina

Purpose. *The article addresses the issue of identifying the possible ways of foreign language teaching transformation, which is crucial in the face of a technological paradigm exponential shift experienced by the contemporary society. The subject of this research is changes in this process within the expecting 5th Cognitive Revolution. The author aims to show the prospects of professional development of a foreign language department instructor in view of the mass implementation of artificial intelligence systems based on Large Language Models.*

Methodology. *The basis of the research is the personalised and symbolic approaches, as well as the principle of interdisciplinarity.*

Results. *The results and novelty of this study are that the author specifies the periodisation of cognitive revolutions applied to education by analysing Russian and foreign researches. It is the technologies of the 5th Cognitive Revolution, distinguished by the synergy of human and machine intelligence, will determine the nature of foreign language teaching transformation in universities. The author assumes that the activity of instructors working for foreign language departments will be the most sensitive to professional turbulence due to the achievements of world research in the field of Large Language Models. The professional development of instructors appears to be related to their ability to interact with artificial systems with emotional intelligence and multimodal behaviour, such as Artificial Intelligent tutors and non-biological department employees within the hybrid education environment of a university.*

Practical implications. *The results of this research can be applied in the development of technologies and methods of teaching foreign languages at universities.*

Keywords: *foreign language; cognitive revolution; Emotional Artificial Intelligence; university; Large Language Models; Artificial Intelligent Tutor; non-biological department employee*

For citation. *Volegzhanina I.S. The Future of Foreign Language Teaching in the Context of the 5th Cognitive Revolution. Russian Journal of Education and Psychology, 2024, vol. 15, no. 1, pp. 136-150. DOI: 10.12731/2658-4034-2024-15-1-444*

Введение

Экспоненциальный сдвиг технологической парадигмы, кардинально меняющей жизнь человечества, определяет пути трансформации высшего образования в России и мире. Как показывает образовательная практика, многие вузы все еще находятся в процессе осознания сложности и возможностей Индустрии 4.0. Вместе с тем в академических кругах активно обсуждается наступление пятой промышленной революции (Индустрии 5.0), которую отличает когнитивный характер и синергия человеческого и машинного интеллектов.

Для разработки образовательных решений, адекватных условиям когнитивной эпохи, необходимо понимать специфику каждой из когнитивных революций. В статье Э.А. Голдберг и соавторов описывается пять таких революций [1]. Примечательно, что приводимые временные рамки точно указаны лишь для первой (1950–1960 гг.) и второй (1970–1980 гг.) когнитивных революций. Третья (начало 21-го века), четвертая и пятая (даты не приводятся) являются взаимопроникающими, поэтому понять их границы достаточно сложно. Тем не менее видится целесообразным уточнить данную периодизацию для понимания сущности трансформации процесса обучения иностранным языкам в вузах.

Поскольку бизнес-процессы Индустрии 5.0 ориентированы на человека, эффективно взаимодействующего с машинами для повышения качества жизни общества, большое значение для профессионального становления личности на уровне вуза придается гуманитарным дисциплинам (включая изучение иностранных языков). Вместе с тем очевидно, что технологии Индустрии 5.0 значительно трансформируют характер профессиональной деятельности преподавателей кафедр иностранных языков, вызывая дискуссии о неопределенном будущем этой профессии.

Так, 19 декабря 2023 г. в своем блоге Билл Гейтс назвал 2024 г. поворотной точкой для массового внедрения искусственного интеллекта (ИИ) в жизнь современного общества уже через пять лет (т.е. к 2030 г.). При этом советник по технологиям корпорации Microsoft подчеркнул, что образование, наряду с медициной, будет наиболее чувствительным к грядущим изменениям. Среди конкретных проявлений таких изменений – персонализированное образование с доступом к ИИ тьюторам для всех, кто использует Интернет. Речь идет, прежде всего, о достижениях в разработке больших языковых моделей (англ. Large Language Model, LLM), в том числе ускоренном развитии их мультимодальных возможностей.

Показательной является история технологий GPT, изначально представлявших собой одномодальные программы, взаимодействующие с человеком через единственный сенсорный канал – тексто-

вые сообщения. Значительное расширение интерактивности GPT систем за счет функций распознавания речи и изображений трансформировало их в мультимодальные. *Мультимодальное поведение* означает сочетание различных типов данных – речи, изображения и видео – для более естественного взаимодействия с людьми.

Переход к мультимодальным ИИ системам позволяет формирование адаптивной образовательной среды гибридного характера. Предполагается, что в такой образовательной среде будут взаимодействовать люди и ИИ тьюторы, способные распознавать как информационный контекст, так и эмоции, изначально присущие человеческому общению и являющиеся важной частью эффективного процесса обучения. Фактически, речь идет о реализации ИИ агентом интеллектуально-эмоционального взаимодействия участников процесса обучения. Актуальность этой проблемы подтверждает междисциплинарный интерес мирового научного сообщества к теме *эмоционального искусственного интеллекта (ЭИИ)*.

Результаты и обсуждение

Таким образом, временные периоды от третьей к пятой когнитивным революциям могут быть представлены следующим образом. Третья когнитивная революция – начало 2000–2016 гг. Завершение этого периода может быть связано с подписанием документа «Декларация министров о цифровой экономике: инновации, рост и социальное благополучие» 22–23 июня 2016 г. в г. Канкуне, Мексика. Четвертая когнитивная революция – 2016–2023 гг., до закрепления в научном дискурсе понятия «Индустрия 5.0» [4; 7]. Пятая когнитивная революция – 2024–2030 гг., начало которой знаменуется объявлением о партнерстве компании OpenAI с Arizona State University.

Реалистичность прогноза о том, что сфера образования находится в преддверии пятой когнитивной революции подтверждается результатами междисциплинарного анализа научных статей, изданный преимущественно в 2022–2023 гг.

Определяя ЭИИ как «инструмент, который обеспечивает эффективное взаимодействие между машинами и людьми», Р.И. Мами-

на и Е.В. Пирайнен указывают на его способность распознавать и адекватно реагировать как на вербальные, так и невербальные проявления личности в коммуникации [4, с. 41]. Это становится возможным, если предположить, что эмоциональный интеллект человека и искусственные эмоции машины имеют нечто общее.

К.А. Кнопп удалось теоретически обосновать данное предположение и сделать вывод о том, что эмоциональный интеллект человека и машины имеет одинаковую – когнитивную – природу, связанную с обработкой эмоциональной информации. Одним из результатов работы ученого стало конкретизированное определение эмоционального интеллекта как набора способностей, используемых человеком/машиной для усвоения и анализа эмоциональной информации, включения ее в свою когнитивную систему [12]. В таком понимании эмоциональный интеллект проявляется в совокупности когнитивных навыков (критическом мышлении, креативности, адаптивности, информационной грамотности и др.), что объясняет высокую сложность его машинной реализации. Об этом пишут J.A. Crowder и J.N. Carbone, обращаясь к проблеме измерения и оценки искусственных эмоций у ИИ систем, взаимодействующих с человеком (в частности, ChatGPT) [9].

Анализ изученных публикаций показал, что в рамках обозначенного направления можно выделить два встречных потока исследовательской мысли. Первый поток – это разработка ЭИИ для решения образовательных задач. Пилотное исследование, проведенное X. Мао и Z. Li, показало, что эффективность педагогических воздействий ИИ тьютора непосредственно зависит от количества и точности распознанных эмоций обучающегося [14]. Второй поток – изучение влияния ИИ систем на развитие эмоционального интеллекта и когнитивных навыков обучающихся. Результаты, полученные R. Bhagyalakshmi, подтвердили значительное положительное влияние обучения на основе ИИ на эмоциональный интеллект студентов, включая эмоциональную осознанность, эмпатию и управление стрессом [7].

Признавая большие перспективы для образования в использовании ЭИИ, исследователи, вместе с тем, призывают учитывать и

сопутствующие риски. Об этом пишут N. Keshishi и S. Hack, рассматривая потенциал ИИ в образовании для развития компонентов модели эмоционального интеллекта D. Goleman – эмпатии, социальных навыков, самосознания, саморегуляции и мотивации [10]. По мнению ученых, возникновение рисков по каждому из названных аспектов позволяет снижать комплексный подход, предполагающий сочетание ИИ и традиционных средств обучения.

Следует отметить, что с 2021 г. в мировой практике преподавания иностранных языков наблюдается всплеск интереса к теме эмоционального интеллекта, в том числе использования ЭИИ систем для педагогической диагностики и реализации комфортной образовательной среды.

О. Rogulska и соавторы рассматривают когнитивную составляющую эмоционального интеллекта в качестве значимого внутреннего фактора, влияющего на результативность обучения иностранному языку [16]. Исследователи доказали, что абсолютно все виды речевой деятельности на иностранном языке (аудирование, устная речь, чтение, письмо) в той или иной степени предполагают распознавание и анализ эмоционального контекста. Таким образом, успешность обучающегося на занятиях по иностранному языку определяется скоростью и точностью обработки эмоциональной информации. Преподавателю же учет фактора «эмоциональный интеллект» позволяет эффективнее реализовать педагогические стратегии поддержки и сопровождения обучающегося.

За рамками работы О. Rogulska и соавторов, к сожалению, остается вопрос о возможностях ЭИИ для организации интеллектуально-эмоционального взаимодействия участников процесса обучения иностранному языку. Попытку ответить на этот вопрос предпринимают китайские исследователи. Так, С. Li отмечает, что традиционные системы оценки результативности обучения иностранному языку не могут считаться действительно персонализированными, поскольку не учитывают эмоции обучающегося в иноязычной коммуникации [13]. Средовый фактор в этом случае становится первичным, т.к. определяет качество ЭИИ среды обучения иностранному

языку. Поиск решений осуществляется на стыке символического и статистического подходов. Например, в ведущих китайских вузах в настоящее время ведется активная работа по составлению онтологий эмоциональной лексики. На основании таких онтологий проводится машинный анализ распределения конкретных лексических единиц в текстах, продуцируемых обучающимися, что позволяет ЭИИ системе идентифицировать их настроения в процессе обучения.

Другим важным результатом для реализации комфортной среды обучения иностранным языкам является принятие ИИ систем преподавателями. Данные опросов, представленные в работе [15], свидетельствуют о том, что наличие искусственный эмоций положительно влияет на принятие ИИ систем в различных сферах профессиональной деятельности.

В сфере высшего образования аналогичный опрос был проведен N. Al-Awawdeh и соавторами, поставившими целью понимание ограничений для полной интеграции моделей ИИ в процесс обучения иностранным языкам [6]. Респондентами выступили административные работники и преподаватели университетов Иордании и Саудовской Аравии (всего 300 человек). Полученные результаты показали, что большинство респондентов (70 %) продемонстрировали положительное отношение к интеграции ИИ систем в свою профессиональную деятельность. Они согласились с тем, что традиционные подходы в обучении иностранным языкам без использования ИИ ограничивают персонализацию данного процесса и снижают самостоятельность обучающихся. Кроме того, при традиционных подходах повышаются трудоемкость работы преподавателя и субъективизм оценки результатов обучения.

Несмотря на позитивные мнения, у многих преподавателей ИИ системы вызывают опасение. Кроме того, 32 % респондентов признались в недостаточной цифровой грамотности для использования ИИ в своей профессиональной деятельности. В целом внедрение ИИ систем в процесс обучения иностранным языкам воспринимается как профессиональный вызов. Сделанные выводы подтверждаются и другими исследованиями. Схожие результаты опроса, в

котором также приняли участие лингвисты, находим в статье Z. D. Zaghlool и M. A. S. Khasawneh [17].

Следующим шагом на пути к гибридной бизнес-среде вуза можно рассматривать ИИ-тьютора как цифрового (небиологического) сотрудника. В этой связи интерес представляет презентация Д. Яна (сооснователя проекта Newo.ai, председателя совета директоров группы компаний АBBYY) о возможностях цифровых сотрудников для малого бизнеса [2]. В отличие от ботов, помогающих человеку выполнять конкретные профессиональные задачи и запрограммированных на правила, небιологические сотрудники способны к самообучению и самосовершенствованию, имеют физический облик и обладают эмоциональным интеллектом.

В сфере образования такой сотрудник может осуществлять персонализированное взаимодействие с обучающимся или преподавателем, т.к. имеет доступ к базам данных вуза. Обозначенная перспектива представляется реальной для кафедр иностранных языков, испытывающих потребность в квалифицированных преподавателях и сотрудниках (методистах, документоведах).

Вместе с тем существует и угроза *профессиональной турбулентности*, когда традиционные методы в обучении иностранным языкам стремительно теряют эффективность. В то же время рынок предоставляет все больше возможностей для желающих изучать иностранные языки с использованием адаптивных образовательных сред (Duolingo и др.). Выход видится в осознании перемен, связанных с когнитивной революцией. Будущее преподавания иностранных языков, вероятно, будет связано с созданием гибридных сред, предполагающих интеграцию ИИ-систем в бизнес-процессы кафедр. Попытка конкретизации этого будущего для технического вуза была предпринята автором в более ранней работе [11].

Заключение

Проведенное исследование позволяет раскрыть трансформационный потенциал кафедр иностранных языков в преддверии пятой когнитивной революции, когда онтологический разрыв

между человеком и машиной будет стремительно сокращаться. Когнитивные технологии предоставляют большие возможности для создания комфортной образовательной и профессиональной сред гибридного характера. Искусственные системы, обладающие эмоциональным интеллектом и мультимодальным поведением будут представлять собой не просто дидактические инструменты, а *когнитивных небиологических партнеров*. Осознание и принятие новых реалий неизбежно приведет к возникновению нового типа педагогической культуры преподавателя, содержание которой описывает Т.Е. Исаева [3].

Вместе с тем, автор статьи выступает за сбалансированный подход в обучении иностранным языкам, предполагающий разумное сочетание технологий когнитивной эпохи с традиционными методами и средствами.

Информация о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о спонсорстве. Исследование не имело спонсорской поддержки.

Список литературы

1. Давай создадим человека: пять когнитивных революций / Голдберг Э.А., Гоншорек С.Н., Лекторский В.А., Меськов В.С., Сабанина Н.Р. // Наука и Школа. 2017. № 5. С. 34-43. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/davay-sozdadim-cheloveka-pyat-kognitivnyh-revoljutsiy> (дата обращения: 28.01.2024).
2. Дэвид Ян о будущем с цифровыми сотрудниками // Нетворкинг-ивент, посвященный искусственному интеллекту «GPT Party 2.0». Кремниевая долина, 7-8 октября 2023 г. URL: https://www.youtube.com/watch?v=5PPaucs8_g (дата обращения: 27.01.2024).
3. Исаева Т.Е. Компетенции и «электронная» педагогическая культура преподавателя высшей школы в постпандемическом мире // Высшее образование в России. 2021. № 6. С. 80-96. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2021-30-6-80-96>

4. Мамина Р.И., Пирайнен Е.В. Эмоциональный искусственный интеллект как инструмент взаимодействия человека и машины // ДИСКУРС. 2023. Т. 9, № 2. С. 35-51. <https://doi.org/10.32603/2412-8562-2023-9-2-35-51>
5. Adel A. Future of industry 5.0 in society: human-centric solutions, challenges and prospective research areas // J Cloud Comp, 2022, no. 11, article no. 40. <https://doi.org/10.1186/s13677-022-00314-5>
6. Al-Awawdeh N., Al-shaboul I.A., Khasawneh M.A.S. Advancing foreign language teaching with AI-assisted models; insights from lecturers and university administrators // Journal of Namibian Studies, 2023, no. 33, pp. 1491-1506. <https://doi.org/10.59670/jns.v33i.798>
7. Bhagyalakshmi R. Fostering emotional intelligence and cognitive skills through Artificial Intelligence education in arts and science colleges. Recent Trends in Information Technology & Communication for Industry 4.0. Ed. 2. RcHuB Publisher-International Journal and Book Publisher, 2023, pp. 27-35. URL: <https://rchub.in/call-for-book-chapter/it-industry-4-0-edition2> (дата обращения: 17.01.2024).
8. Carayannis E.G., Morawska-Jancelewicz J. The Futures of Europe: Society 5.0 and Industry 5.0 as Driving Forces of Future Universities // J Knowl Econ, 2022, no. 13, pp. 3445-3471. <https://doi.org/10.1007/s13132-021-00854-2>
9. Crowder J.A., Carbone J.N. Artificial Emotional Intelligence Testing for AI Avatars. The 7th International Conference on Applied Cognitive Computing (14 August 2023, Las Vegas, Nevada), 2023. URL: https://www.researchgate.net/publication/373113860_Artificial_Emotional_Intelligence_Testing_for_AI_Avatars (дата обращения: 10.01.2024).
10. Keshishi N., Hack S. Emotional intelligence in the digital age: Harnessing AI for students' inner development // Journal of Perspectives in Applied Academic Practice, 2023, vol. 11, iss. 3, pp. 172-175. <https://doi.org/10.56433/jpaap.v11i3.579>
11. Khabarov V., Volegzhanina I. Formation of an Ontology-Based Model of Interaction Between the Railway Industry and Engineering Education // Lecture Notes in Networks and Systems, 2022, vol. 403. https://doi.org/10.1007/978-3-030-96383-5_2

12. Knopp K.A. Emotional knowledge - the missing link of emotional intelligence // *Quarterly Journal Fides et Ratio*, 2023, no. 4(56), pp. 128-135. <https://doi.org/10.34766/fetr.v56i4.1245>
13. Li C. The assessment method of foreign language communication ability of intelligent emotional network based on artificial emotion // *Front. Psychol.*, 2022, no. 13, pp. 975359. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.975359>
14. Mao X., Li Z. Agent based affective tutoring systems: A pilot study // *Computers & Education*, 2010, vol. 55, iss. 1, pp. 202-208. <https://doi.org/10.1016/j.compedu.2010.01.005>
15. Shukla A., Agnihotri A., Singh B. Analyzing How AI And Emotional Intelligence Affect Indian IT Professional's Decision-Making // *EAI Endorsed Transactions on Pervasive Health and Technology*, 2023, vol. 9, pp. 1-13. <https://doi.org/10.4108/eetpht.9.4654>
16. The today's linguistic paradigm: the problem of investigating emotional intelligence in the learning of a foreign language / Rogulska O., Rudnitska K., Mahdiuk O., Drozdova V., Lysak H., Korol S. // *Revista Românească pentru Educație Multidimensională*, 2023, no. 15(4), pp. 458-473. <https://doi.org/10.18662/rrem/15.4/804>
17. Zaghlool Z.D., Khasawneh M.A.S. Incorporating the Impacts and Limitations of AI-Driven Feedback, Evaluation, and Real-Time Conversation Tools in Foreign Language Learning // *Migration Letters*, 2023, vol. 20, no. 7, pp. 1071-1083. <https://doi.org/10.59670/ml.v20i7.4863>

References

1. Davaj sozdamim cheloveka: pjat' kognitivnyh revoljucij [Let's create a man: five cognitive revolutions] / Goldberg Je.A., Gonshorek S.N., Lektorskij V.A., Mes'kov V.S., Sabanina N.R. *Nauka i Shkola* [Science and School], 2017, no. 5, pp. 34-43. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/davaj-sozdamim-cheloveka-pyat-kognitivnyh-revoljuciy> (accessed 28.01.2024).
2. Djevid Jan o budushhem s cifrovymi sotrudnikami [David Yang about the future with digital employees]. *Networking-ivent, posvjashennyj iskusstvennomu intellektu «GPT Party 2.0»*. *Kremnievaja dolina, 7-8 oktjabrja 2023 g.* [A networking event dedicated to artificial intelligence "GPT Party 2.0". Silicon Valley, October 7-8, 2023]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=5PPaucs8_g (accessed 27.01.2024).

3. Isaeva T.E. Kompetencii i “jelektronnaja” pedagogicheskaja kul’tura prepodavatelja vysshej shkoly v postpandemicheskom mire [Higher School Teacher’s Competences and “Electronic” Pedagogical Culture in the Post-Pandemic World]. *Iysshhee obrazovanie v Rossii* [Higher Education in Russia], 2021, vol. 30, no. 6, pp. 80-96, <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2021-30-6-80-96>
4. Mamina R.I., Pirajnen E.V. Jemocional’nyj iskusstvennyj intellekt kak instrument vzaimodejstvija cheloveka i mashiny [Emotional Artificial Intelligence as a Tool for Human-Machine Interaction]. *DISKURS* [Discourse], 2023. vol. 9, no. 2, pp. 35-51. <https://doi.org/10.32603/2412-8562-2023-9-2-35-51>
5. Adel A. Future of industry 5.0 in society: human-centric solutions, challenges and prospective research areas. *J Cloud Comp*, 2022, no. 11, article no. 40. <https://doi.org/10.1186/s13677-022-00314-5>
6. Al-Awawdeh N., Al-shaboul I.A., Khasawneh M.A.S. Advancing foreign language teaching with AI-assisted models; insights from lecturers and university administrators. *Journal of Namibian Studies*, 2023, no. 33, pp. 1491-1506. <https://doi.org/10.59670/jns.v33i.798>
7. Bhagyalakshmi R. Fostering emotional intelligence and cognitive skills through Artificial Intelligence education in arts and science colleges. Recent Trends in Information Technology & Communication for Industry 4.0. Ed. 2. RcHuB Publisher-International Journal and Book Publisher, 2023, pp. 27-35. URL: <https://rchub.in/call-for-book-chapter/it-industry-4-0-edition2> (accessed 17.01.2024).
8. Carayannis E.G., Morawska-Jancelewicz J. The Futures of Europe: Society 5.0 and Industry 5.0 as Driving Forces of Future Universities. *J Knowl Econ*, 2022, no. 13, pp. 3445-3471 (2022). <https://doi.org/10.1007/s13132-021-00854-2>
9. Crowder J.A., Carbone J.N. Artificial Emotional Intelligence Testing for AI Avatars. *The 7th International Conference on Applied Cognitive Computing (14 August 2023, Las Vegas, Nevada)*, 2023. URL: https://www.researchgate.net/publication/373113860_Artificial_Emotional_Intelligence_Testing_for_AI_Avatars (accessed 10.01.2024).
10. Keshishi N., Hack S. Emotional intelligence in the digital age: Harnessing AI for students’ inner development. *Journal of Perspectives in Applied Academic Practice*, 2023, vol. 11, iss. 3, pp. 172-175. <https://doi.org/10.56433/jpaap.v11i3.579>

11. Khabarov V., Volegzhanina I. Formation of an Ontology-Based Model of Interaction Between the Railway Industry and Engineering Education. *Lecture Notes in Networks and Systems*, 2022, vol. 403. https://doi.org/10.1007/978-3-030-96383-5_2
12. Knopp K.A. Emotional knowledge - the missing link of emotional intelligence. *Quarterly Journal Fides et Ratio*, 2023, no. 4(56), pp. 128-135. <https://doi.org/10.34766/fetr.v56i4.1245>
13. Li C. The assessment method of foreign language communication ability of intelligent emotional network based on artificial emotion. *Front. Psychol.*, 2022, no. 13, pp. 975359. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.975359>
14. Mao X., Li Z. Agent based affective tutoring systems: A pilot study. *Computers & Education*, 2010, vol. 55, iss. 1, pp. 202-208. <https://doi.org/10.1016/j.compedu.2010.01.005>
15. Shukla A., Agnihotri A., Singh B. Analyzing How AI And Emotional Intelligence Affect Indian IT Professional's Decision-Making. *EAI Endorsed Transactions on Pervasive Health and Technology*, 2023, vol. 9, pp. 1-13. <https://doi.org/10.4108/eetpht.9.4654>
16. The today's linguistic paradigm: the problem of investigating emotional intelligence in the learning of a foreign language / Rogulska O., Rudnitska K., Mahdiuk O., Drozdova V., Lysak H., Korol S. *Revista Românească pentru Educație Multidimensională*, 2023, no. 15(4), pp. 458-473. <https://doi.org/10.18662/rrem/15.4/804>
17. Zaghlool Z.D., Khasawneh M.A.S. Incorporating the Impacts and Limitations of AI-Driven Feedback, Evaluation, and Real-Time Conversation Tools in Foreign Language Learning. *Migration Letters*, 2023, vol. 20, no. 7, pp. 1071-1083. <https://doi.org/10.59670/ml.v20i7.4863>

ДАнные ОБ АВТОРЕ

Волегжанина Ирина Сергеевна, заведующий кафедрой «Иностранные языки», доктор педагогических наук
Сибирский государственный университет путей сообщения
ул. Дуси Ковальчук, 191, г. Новосибирск, Новосибирская область, 630049, Российская Федерация
erarcher@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Irina S. Volegzhanina, Chair of the Foreign Languages Department,

Doctor of Pedagogical Sciences

Siberian Transport University

Dusi Kovalchuk Str., 191, Novosibirsk, Novosibirskaya oblast,

630049, Russian Federation

erarher@mail.ru

SPIN-code: 8263-9915

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5523-714X>

ResearcherID: C-8896-2019

Scopus Author ID: 57195935978

Поступила 29.01.2024

После рецензирования 10.02.2024

Принята 15.02.2024

Received 29.01.2024

Revised 10.02.2024

Accepted 15.02.2024

DOI: 10.12731/2658-4034-2024-15-1-449
УДК 37.014.

Научная статья | Общая педагогика, история педагогики и образования

АНАЛИЗ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ УЧИТЕЛЕЙ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В УСЛОВИЯХ ОБНОВЛЕННОГО СОДЕРЖАНИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

А.В. Стафеева

Цель. Статья посвящена проблеме профессиональной компетентности учителей физической культуры в процессе реализации обновленного содержания предмета «Физическая культура» в общеобразовательной школе. Целью исследования явился анализ профессиональных компетенций учителей физической культуры в условиях требований обновленного содержания общего образования.

Методы и методология проведения работы. Основополагающим в исследовании является системный и деятельностный подходы. Методы исследования: анализ, диагностические методы, беседа

Результаты. Приведены и интерпретированы результаты диагностики сформированности профессиональных компетенций учителей физической культуры в рамках курсов повышения квалификации по уровням сформированности (оптимальный, допустимый, критический, недопустимый) в области предметной, психолого-педагогической и методической подготовки. Выявлены профессиональные дефициты нормативно-правовой компетентности у педагогов, определены уровни профессиональных умений по реализации образовательного процесса по предмету «Физическая культура» в условиях требований обновленного содержания общего образования.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть применены в сфере дополнительного профессионального образования педагогов, а также образовательном процессе вузовской подготовки.

Ключевые слова: учитель физической культуры; профессиональные компетенции; обновленное содержание общего образования; виды деятельности учителя; тестирование; кейс задание; уровни сформированности профессиональных компетенций

Для цитирования. Стафеева А.В. Анализ профессиональных компетенций учителей физической культуры в условиях обновленного содержания образования // *Russian Journal of Education and Psychology*. 2024. Т. 15, № 1. С. 151-169. DOI: 10.12731/2658-4034-2024-15-1-449

Original article | General Pedagogy, History of Pedagogy and Education

ANALYSIS OF THE PROFESSIONAL COMPETENCIES OF PHYSICAL EDUCATION TEACHERS IN THE CONTEXT OF THE UPDATED CONTENT OF EDUCATION

A.V. Stafeeva

Purpose. *The article is devoted to the problem of professional competence of physical education teachers in the process of implementing the updated content of the subject “Physical culture” in secondary schools. The purpose of the study was to analyze the professional competencies of physical education teachers in the context of the requirements of the updated content of general education.*

Methodology. *A systematic and activity-based approach is fundamental in the study. Research methods: analysis, diagnostic methods, conversation.*

Results. *The results of diagnostics of the formation of professional competencies of physical education teachers within the framework of advanced training courses at the levels of formation (optimal, acceptable, critical, unacceptable) in the field of subject, psychological, pedagogical and methodological training are presented and interpreted. Professional deficits of normative and legal competence among teachers have been identified, the levels of professional skills for the implementation of the*

educational process on the subject of “Physical culture” in the context of the requirements of the updated content of general education have been determined.

Practical implications. *The results of the study can be applied in the field of additional professional education of teachers, as well as in the educational process of university training.*

Keywords: *physical education teacher; professional competencies; updated content of general education; types of teacher’s activities; testing; case assignment; levels of formation of professional competencies*

For citation. *Stafeeva A.V. Analysis of the Professional Competencies of Physical Education Teachers in the Context of the Updated Content of Education. Russian Journal of Education and Psychology, 2024, vol. 15, no. 1, pp. 151-169. DOI: 10.12731/2658-4034-2024-15-1-449*

Введение

На современном этапе развития общества первостепенной задачей для Российской Федерации является формирование здорового облика нации. Для решения такой задачи государство решает ряд вопросов, направленных на обеспечение населению доступных стандартов жизнедеятельности, формирование социального образа российского гражданина и достойное качество жизни [3; 4; 24; 26].

Для обеспечения достойного уровня жизни каждого члена общества огромную роль играет не только высокий уровень экономики, но и развитие образования и культуры, в том числе физической культуры, которая обеспечивает высокую производительность труда, а также формирует национальные отношения, деловую жизнь и влияет на этические ценности людей и образ жизни [1; 11; 22]. Здоровье в глобальном понимании является залогом прогрессивного развития цивилизации в целом [2; 6; 23; 25]. В России же эта проблема в последнее десятилетие озвучивается как вопрос национальной безопасности и подчеркивается в Указе «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» [20], Стратегии развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2030 года [18], Стратегии формирования

здорового образа жизни населения, профилактики и контроля неинфекционных заболеваний на период до 2025 года [19] и других Федеральных документах, выражающих государственную политику в области сохранения здоровья граждан.

Большую ответственность за решения задач сохранения здоровья и формирования физической культуры личности государство возлагает на систему образования. Повышение степени физкультурной образованности российских граждан на сегодняшний день стоит в ряду ключевых задач усовершенствования системы физического воспитания на всех уровнях образования [5; 9]. Выполнение требований, определённых статьёй 41 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» по созданию условий для высокого качества преподавания физической культуры конкретизируется в Федеральном законе «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» [21] и концепции преподавания учебного предмета «Физическая культура» в образовательных организациях Российской Федерации, реализующих основные общеобразовательные программы, акцентируя особую роль физической культуры для общества и определяя ее, как часть культуры, основанной на совокупности ценностей, используемых в целях физического и интеллектуального развития [7].

Введение нового федерального государственного образовательного стандарта общего образования в 2021 году коренным образом повлияло на содержание образования по предмету «Физическая культура». Результатами обучения должны стать личностные, предметные и метапредметные достижения обучающихся, формируемые посредством освоения физкультурной деятельности, в т. ч. универсальных учебных действий [12; 13; 14]. В целях обеспечения единства образовательного пространства Российской Федерации с 1 сентября 2023 года начали реализовываться Федеральные образовательные программы по всем предметам учебного плана, в том числе и по физической культуре, которые также определяют основными образовательными векторами развитие физических качеств и функциональных возможностей организма, являющиеся

основой укрепления их здоровья, повышения надёжности и активности адаптивных процессов [15; 16; 17].

Существенным достижением данной ориентации содержания обучения по предмету «Физическая культура» являются задачи по приобретению обучающимися знаний и умений в организации самостоятельных форм занятий оздоровительной, спортивной и прикладно-ориентированной физической культурой, возможностей познания своих физических способностей и их целенаправленного развития. В этой связи, обновление содержания предмета «Физическая культура» коренным образом не только меняет акценты с обеспечения физического благополучия на формирование физической культуры личности учащегося, но и на технологии, применяемые на уроке физической культуры для решения поставленных задач. Данные задачи определяют усиление требований к уровню профессиональной компетентности учителя физической культуры. При этом одним из ключевых направлений учебного процесса является освоение педагогами технологий проектирования и реализации урока в соответствии с требованиями ФГОС. В решении этих важных задач ведущая роль принадлежит учителю и зависит от его профессионализма и компетентности [8].

Современная система образования предоставляет педагогу возможность выбора методик, инициирует необходимость постоянного поиска нового и осмысления собственного опыта. Однако поистине удручающие факты состояния физического воспитания в большинстве общеобразовательных школ, свидетельствуют о крайней степени неблагополучия одной из базовых общеобразовательных дисциплин и требуют не только переосмысления и ответственной рефлексии со стороны управленческих структур сферы образования, но и пересмотра содержания подготовки педагогов по физической культуре на уровне высшего профессионального образования. Для достижения вышеперечисленных национальных целей и формирования физкультурной образованности российских граждан стране требуются педагоги, обладающие высоким уровнем профессиональной компетентности и готовых к самообразованию и саморазвитию.

Материалы и методы

Целью исследования явился анализ профессиональных компетенций учителей физической культуры в условиях требований обновленного содержания общего образования. Для достижения поставленной цели производилась диагностика уровня сформированности профессиональных компетенций по выявлению профессиональных дефицитов нормативно-правовой компетентности, предметных и методических компетенций, а также компетенций по решению задач сохранения здоровья и формирования физической культуры личности обучающихся общеобразовательных школ, в рамках реализации концепции преподавания учебного предмета «Физическая культура» в образовательных организациях Российской Федерации и обновленного содержания общего образования по предмету «Физическая культура».

Диагностика уровня профессиональной компетентности педагогов по физической культуре производилась в рамках повышения курсов повышения квалификации (далее КПК) в Мининском университете г. Нижнего Новгорода по программе «Преподавание учебного предмета «Физическая культура» в условиях обновленных ФГОС общего образования». Данные курсы повышения квалификации проводились в рамках соглашения с Министерством образования и науки Нижегородской области № 316-06-16-43/23 от 27.09.2023 «О предоставлении гранта Правительства Нижегородской области на функционирование центров непрерывного повышения профессионального мастерства педагогических работников из областного бюджета в форме субсидии». Целью программы КПК явилось совершенствование профессиональных компетенций учителя в области преподавания учебного предмета «Физическая культура» в соответствии с требованиями обновленного содержания образования. Содержание программы курсов повышения квалификации было направлено на формирование знаний о целях и задачах обучения, особенностях использования современных подходов в обучении физической культуре, основанных на требованиях обновленных федеральных государственных образовательных стандартов (далее

ФГОС) на уровне начального общего образования (далее НОО), основного общего образования (далее ООО), среднего общего образования (далее СОО), основополагающих принципах и подходах к проектированию современного урока в области достижения образовательных результатов обновленного ФГОС, а также умений проектировать и организовывать образовательный процесс на основе требований обновленного ФГОС и федеральной основной образовательной программы (далее ФООП), конструировать и проводить урок по предмету «Физическая культура», оценивать предметные и метапредметные результаты обучения в соответствии с требованиями обновленного ФГОС и ФООП. Всего в программе КПК приняли участие 35 учителей физической культуры различных квалификационных категорий.

В содержание диагностики уровня профессиональной компетентности педагогов физической культуры вошли следующие виды деятельности: воспитательная, методическая и предметная. Для оценки данных видов деятельности осуществлялось тестирование учителей на предмет осведомленности в области новых федеральных документов, регламентирующих деятельность образовательных учреждений общего образования, концептуальных подходов и технологий реализации обновленного содержания образования по физической культуре. Для оценки профессиональных умений педагогов использовались кейс задания, отражающие способности педагога к реализации учебно-воспитательного процесса в условиях обновленного содержания образования по предмету «Физическая культура».

Оценка знаний учителей физической культуры области новых федеральных документов, регламентирующих деятельность образовательных учреждений в условиях обновленного содержания образования производилось с помощью 25 тестовых заданий, которые предполагали выбор одного или нескольких правильных ответов из предложенных вариантов, а также вариантов открытых заданий, которые предполагали запись развернутых ответов. Задания №1-15 были направлены на выявление знаний у учителей физической культуры содержания ФГОС НОО, ООО, СОО в новой редакции 2021 года,

примерной рабочей программы и учебно-методического комплекса, а также ФООП (2023 г), примерных рабочих программ (2023г), учебников, рекомендуемых к использованию в образовательном процессе школ в связи с единым содержанием образования в РФ.

Результаты

В результате оценки нормативно-правовой компетентности учителей физической культуры в направлении знаний основных нормативных документов, регулирующих образовательный процесс в обновленном варианте, было выявлено, что только 32% учителей знакомы с содержанием ФГОС общего образования 2021г. и имеют представление о сути единого содержания образования и основных идеях, отраженных в содержании ФООП по предмету «Физическая культура». Остальные учителя, принявшие участие в тестировании показали уровень нормативно-правовых знаний ниже допустимых значений. Более того, 10% учителей показали уровень нормативно-правовых знаний, соответствующей недопустимому уровню (Рисунок 1).

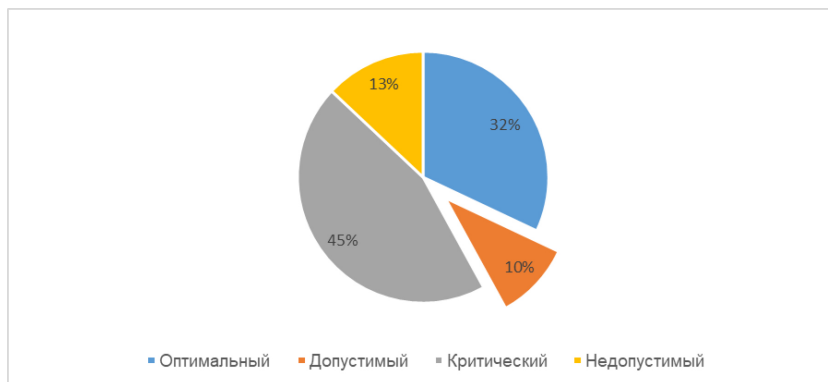

Рис. 1. Оценка нормативно-правовой компетентности учителей физической культуры по результатам тестирования знаний в %

Следующей задачей исследования явилось изучение уровня сформированности у учителей физической культуры профессиональных компетенций в области умений реализовывать в педагогической практике требования ФГОС и решать задачи по сохранению здоро-

вья и формированию физической культуры личности обучающихся общеобразовательных школ, в рамках реализации концепции преподавания учебного предмета «Физическая культура» в образовательных организациях РФ.

В содержание диагностических средств по оценке профессиональных компетенций учителей на уровне умений вошли кейс задания, отражающие способности педагога к реализации воспитательной, методической и предметной видов деятельности в условиях обновленного содержания образования по предмету «Физическая культура».

Кейс-задание, используемое как оценочное средство для проверки профессиональных компетенций, представляло собой ситуацию, моделирующую определенную профессионально-ориентированную задачу, решение которой должно быть направлено на проверку сформированности образовательных результатов на уровне умений в различных видах деятельности учителя физической культуры. В структуре кейс задания нами были выделены проверяемые образовательные результаты, сформулировано требование по работе с ситуацией, определены критерии и показатели оценки [10]. Подобранные сюжеты (фабулы) для описания ситуации, в которых предстояло действовать испытуемому и сформулированные, в соответствии с этим, вопросы, отражали ключевые аспекты деятельности учителя физической культуры в соответствии с образовательными результатами по видам профессиональной деятельности и индикаторы сформированности профессиональных компетенций на уровне умений.

Так, для оценки сформированности компетенций учителя в воспитательной деятельности нами были разработаны кейс задания, отражающие умения учителя разрабатывать программу (элементы программы) духовно-нравственного воспитания ученического коллектива, опирающуюся на основы базовых национальных ценностей России, а также отбирать специальные подходы и воспитательные технологии по формированию у обучающихся гражданской позиции, толерантности и навыков поведения в поликультурной среде, способности к труду и жизни в современном мире, общей культуры на основе базовых национальных ценностей.

Для оценки сформированности компетенций учителя в предметной деятельности использовались кейс задания, которые содержали профессионально-ориентированные ситуации, позволяющие оценить способности учителя физической культуры осуществлять отбор учебного содержания для его реализации в различных формах обучения в соответствии с требованиями ФГОС ООО и ФГОС СОО, ФГОС ООБ, ФГОС СОО, а также разрабатывать различные формы учебных занятий, применять методы, приемы и технологии обучения, в том числе информационные, учитывая предметное содержание обновленного содержания образования по физической культуре.

Особое внимание в процессе диагностики учителей физической культуры уделялось оценке сформированности умений использовать современные подходы и технологии по формированию у обучающихся компетенции сохранения здоровья, определяемой в концепции преподавания предмета «Физическая культура» как ключевой.

Результаты выполнения кейс-заданий и определение уровней сформированности профессиональных компетенций по видам деятельности у учителей физической культуры представлено в таблице 1.

Таблица 1.

Результаты уровня сформированности профессиональных компетенций учителей физической культуры по различным видам деятельности (%)

Уровни сформированности компетенций	Виды деятельности учителя физической культуры			
	Воспитательный	Психолого-педагогический	Методический	Предметный
Оптимальный	36	38	24	25
Допустимый	55	49	47	49
Критический	9	10	25	25
Недопустимый	0	3	4	1

Из таблицы видно, что значения оптимального уровня сформированности профессиональных компетенций учителей физической культуры по всем видам деятельности не превышали 40%. Наименьший показатель (25%) был отмечен по оценке сформированности компетенций по предметному виду деятельности. Также можно отметить % учителей, демонстрирующих недопустимый уровень

сформированности профессиональных компетенций по психолого-педагогическому, методическому и предметному видам профессиональной деятельности.

Результаты диагностики сформированности профессиональных умений учителей физической культуры в области предметной, психолого-педагогической и методической подготовки представлены на рисунке 2.

Рис. 2. Уровни сформированности профессиональных компетенций педагогов физической культуры в области воспитательной, психолого-педагогической, методической и предметной деятельности

Обсуждение результатов

В процессе анализа ответов учителей физической культуры, участвующих в диагностике на вопросы кейс заданий, установлено, что педагогические проблемы, лежащие в основе кейс-заданий, понятны испытуемым, однако явно прослеживается низкий уровень используемых подходов и технологий обучения и воспитания, не соответствующих идеям обновленного содержания образования по предмету «Физическая культура», а недостаточное разнообразие схем ответов и примеров, иллюстрирующих теоретические положения педагогической проблемы. Таким образом, полученные результаты

диагностики уровня сформированности знаний и умений учителей физической культуры выявили явные пробелы как в области знаний новых федеральных документов, регламентирующих деятельность, как образовательных учреждений в условиях обновленного содержания образования, так и концептуальных изменений в подходах и технологиях преподавания предмета «Физическая культура» на всех уровнях общего образования.

Беседы с учителями физической культуры в процессе проведения занятий в рамках курсов повышения квалификации выявили, что многие из них определяют ценность уроков физической культуры в том, что... «они выступают в форме активного отдыха, «уроков радости» после утомительных интеллектуальных нагрузок по «настоящим» общеобразовательным предметам». Также учителя отмечают в качестве приоритетных решение чисто образовательных задач (обучение движениям) и развитие физических способностей, пренебрегая формированием у обучающихся способов самостоятельной деятельности по сохранению здоровья и физического совершенствования. Также недооцененным остается развитие потенциала «интеллектуального» компонента физической культуры. Большая часть опрошенных слушателей курсов или вовсе не проводят уроки с образовательно-познавательной направленностью или проводят их эпизодически без использования системы оценки сформированности знаний исторических, социально-культурных, физиологических и методических основ физической культуры у обучающихся.

Заключение

Результаты проведенной диагностики сформированности профессиональных компетенций, а также беседы с практикующими учителями позволили заключить, что непонимание сущности предмета «Физическая культура» как общеобразовательной дисциплины, зашоренность в определении целевых задач учебного процесса и скудность использования современных образовательных технологий учителями физической культуры на уроках, не способствует развитию содержания дисциплины, входящей в базовую часть учеб-

ного плана основной образовательной программы общего образования и повышению ее статуса в ряде других общеобразовательных дисциплин. Определение реальных путей решения проблемы формирования у учителей физической культуры профессиональных компетенций в рамках реализации обновленного содержания образования представляется возможным при должном сотрудничестве ученых и практиков в области школьной физической культуры, а также пересмотра содержания и подходов вузовской подготовки будущих педагогов физической культуры.

Реализованная в Мининском университете программа КПК является одной из форм совершенствования профессиональных компетенций учителей в области преподавания учебного предмета «Физическая культура» в соответствии с требованиями обновленного ФГОС. Содержание программы курсов повышения квалификации было разработано с учетом проведенной диагностики по выявлению профессиональных дефицитов нормативно-правовой компетентности, предметных и методических компетенций, а также компетенций по решению задач сохранения здоровья и формирования физической культуры личности обучающихся общеобразовательных школ, в рамках реализации концепции преподавания учебного предмета «Физическая культура» в образовательных организациях РФ и обновленного содержания общего образования по предмету «Физическая культура».

Информированное согласие. Информированное согласие было получено от всех субъектов, участвовавших в исследовании.

Список литературы

1. Абрамова Н.С., Гладкова М.Н., Ваганова О.И. Особенности разработки оценочных материалов в условиях реализации компетентностного подхода // Проблемы современного педагогического образования. 2017. С. 3–9.
2. Асташкина И.Д. Значимость физического воспитания и физической культуры на жизнь современной молодежи // Актуальные исследо-

- вания. 2023. №49 (179). URL: <https://apni.ru/article/7663-znachimost-fizicheskogo-vospitaniya-i-fiz> (дата обращения: 06.12.2023)
3. Барабанова В.Б., Корстин И.К. Физическая культура и спорт как фактор национальной безопасности, оздоровления нации и формирования здорового образа жизни населения XXI века // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2-3. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=23971> (дата обращения: 06.12.2023)
 4. Данилова Е.Е. Особенности мотивационной сферы современных российских школьников: содержание, возрастная динамика, роль образовательной среды // Вестник Мининского университета. 2022. Т.10. № 1 (22). URL: <https://doi.org/10.26795/2307-1281-2022-10-6>
 5. Дьяченко М.И., Кандыбович Л. А. Психологические проблемы готовности к деятельности. Минск: БГУ, 1976. 176 с.
 6. Исаев А. П., Гаттаров Р. У., Корольков В. В. Роль физической культуры и спорта в вопросе оздоровления социума и национальной безопасности страны // Вестник Южно-Уральского государственного университета. №24(200). 2010. С. 10-13.
 7. Концепция преподавания учебного предмета «Физическая культура» в образовательных организациях Российской Федерации, реализующих основные общеобразовательные программы (утверждена решением Коллегии Министерства просвещения РФ от 29.12.2018 года). <https://docs.cntd.ru/document/554238736>
 8. Методические рекомендации по созданию оценочных средств по группам образовательных результатов /сост. Е.Н. Перовщикова, Т.К. Беляева, А.В. Стафеева, Е.Ю. Елизарова, Н.А. Чепурнова, С.В. Фролова, Т.Н. Шевелева. Н. Новгород: Мининский университет. 2022. 80 с.
 9. Огольцова Е.Г., Чанзан С.А. Сущность готовности будущего преподавателя физического воспитания к профессиональной деятельности в современных условиях // Молодой ученый. 2021. № 5 (347). С. 344-346. URL: <https://moluch.ru/archive/347/78119/> (дата обращения: 06.12.2023)
 10. Перовщикова Е.Н. Образовательные результаты в подготовке будущего педагога и средства оценки их достижения // Вестник Ми-

- нинского университета. 2022. URL: <https://vestnik.mininuniver.ru/jour/article/view/1325> (дата обращения: 06.01.2023)
11. Подвигина Е.А. Педагогические условия формирования готовности будущего учителя к инновационной деятельности // Вопросы современной науки и практики. Университет им. В.И. Вернадского. 2011. №4(35). С. 204-207.
 12. Приказ Министерства просвещения Российской Федерации от 31.05.2021 № 286 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта начального общего образования» (Зарегистрирован 05.07.2021 № 64100)
 13. Приказ Министерства просвещения Российской Федерации от 31.05.2021 № 287 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования» (Зарегистрирован 05.07.2021 № 64101)
 14. Приказ Минобрнауки России от 17 мая 2012 г. № 413 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта среднего общего образования» (Зарегистрирован 07. 06. 2012 г. N 24480)
 15. Приказ Министерства просвещения Российской Федерации от 18.05.2023 № 372 “Об утверждении федеральной образовательной программы начального общего образования” (Зарегистрирован 12.07.2023 № 74229)
 16. Приказ Министерства просвещения Российской Федерации от 18.05.2023 № 370 “Об утверждении федеральной образовательной программы основного общего образования” (Зарегистрирован 12.07.2023)
 17. Приказ Министерства просвещения Российской Федерации от 18.05.2023 № 371 “Об утверждении федеральной образовательной программы среднего общего образования” (Зарегистрирован 12.07.2023 № 74228)
 18. Стратегия развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2030 года (Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 24 ноября 2020 г. № 3081-р)
 19. Стратегия формирования здорового образа жизни населения, профилактики и контроля неинфекционных заболеваний на период до 2025 года (15.01.2020 г. №8)

20. Указ о национальных целях развития России до 2030 года. 21 июля 2020 года.
21. Федеральный закон от 04.12.2007 N 329-ФЗ (ред. от 30.11.2023) «О физической культуре и спорте в Российской Федерации»
22. Ananiadou K., Claro M. 21st-century skills and competencies for new millennium learners in OECD countries. OECD Education Working Papers, No. 41. 2009.
23. Bunderson C.V., Inouye D.K., Olsen J.B. The four generations of computerized educational measurement. In R. L. Linn (Ed.) // Educational measurement. Macmillan Publishing Co, Inc; American Council on Education, 1989, pp. 367-407.
24. Hayward L., Jones D. E., Waters J. and etc. CAMAU Project: Research Report, Glasgow: University of Glasgow; Swansea: University of Wales Trinity Saint David, 2018.
25. Heritage M. Assessment for Teaching and Learning, Exploratory Seminar: Measurement Challenges With the Race to the Top Agenda, Center for K-12 Assessment & Performance Management, 2009.
26. Klenowski V., Wyatt-Smith C. Assessment for Education, Standards, Judgement and Moderation, Sage Publications, 2014.

References

1. Abramova N.S., Gladkova M.N., Vaganova O.I. Features of the development of assessment materials in the conditions of competence-based approach realization. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya* [Problems of modern pedagogical education], 2017, no. 3, pp. 3-9.
2. Astashkina I.D. Significance of physical education and physical culture on the life of modern youth. *Aktual'nye issledovaniya* [Current research], 2023, no. 49 (179). URL: <https://apni.ru/article/7663-znachimost-fizicheskogo-vospitaniya-i-fiz> (accessed December, 6, 2023)
3. Barabanova V.B., Korstin I.K. Physical culture and sport as a factor of national security, improvement of the nation and formation of a healthy lifestyle of the population of the XXI century. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern problems of science and education]. 2015,

- no. 2-3. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=23971> (accessed December, 6, 2023)
4. Danilova E.E. Features of the motivational sphere of modern Russian schoolchildren: content, age dynamics, the role of the educational environment. *Vestnik Mininskogo universiteta* [Vestnik of Minin University], 2022, vol. 10, no. 1 (22). <https://doi.org/10.26795/2307-1281-2022-10-6>
 5. Dyachenko M.I., Kandybovich L.A. *Psychological problems of readiness for activity*. Minsk: BSU, 1976, 176 p.
 6. Isaev A. P., Gattarov R. U., Korol'kov V.V. Role of physical culture and sport in the issue of social improvement and national security of the country. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the South Ural State University], 2010, no. 24 (200), pp.10-13.
 7. The concept of teaching the subject “Physical Culture” in educational organizations of the Russian Federation implementing basic general education programs (approved by the decision of the Board of the Ministry of Education of the Russian Federation from 29.12.2018). <https://docs.cntd.ru/document/554238736>
 8. *Methodological recommendations for creating assessment tools for groups of educational outcomes* / E.N. Perevoshhikova, T.K. Belyaeva, A.V. Stafeeva, E.Yu. Elizarova, N.A. Chepurnova, S.V. Frolova, T.N. Sheveleva. N. Novgorod: Mininsky University, 2022, 80 p.
 9. Ogol' Ogoltsova, E.G.; Chanzan, S.A. The essence of readiness of the future teacher of physical education to professional activity in modern conditions. *Molodoy uchenyy* [Young scientist], 2021, no. 5 (347), pp. 344-346. URL: <https://moluch.ru/archive/347/78119/> (accessed February 5, 2024)
 10. Perevoshchikova E.N. Educational results in the training of a future teacher and means of assessing their achievement. *Vestnik Mininskogo universiteta* [Vestnik of Minin University], 2022. URL: <https://vestnik.mininuniver.ru/jour/article/view/1325> (accessed February 5, 2024)
 11. Podvigina E.A. Pedagogical conditions of formation of readiness of the future teacher to innovative activity. *Voprosy sovremennoy nauki i praktiki. Universitet im. V.I. Vernadskogo* [Issues of modern science and practice. V.I. Vernadsky University], 2011, no. 4 (35), pp. 204-207.

12. Order of the Ministry of Education of the Russian Federation from 31.05.2021 № 286 “On approval of the federal state educational standard of primary general education” (Registered 05.07.2021 № 64100)
13. Order of the Ministry of Education of the Russian Federation of 31.05.2021 No. 287 “On Approval of the Federal State Educational Standard for Basic General Education” (Registered on 05.07.2021 No. 64101)
14. Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation from May 17, 2012 № 413 “On Approval of the federal state educational standard of secondary general education” (Registered 07. 06. 2012 N 24480)
15. Order of the Ministry of Education of the Russian Federation from 18.05.2023 № 372 “On approval of the federal educational program of primary general education” (Registered 12.07.2023 № 74229)
16. Order of the Ministry of Education of the Russian Federation of 18.05.2023 No. 370 “On Approval of the Federal Educational Program of Basic General Education” (Registered on 12.07.2023)
17. Order of the Ministry of Education of the Russian Federation of 18.05.2023 No. 371 “On Approval of the Federal Educational Program of Secondary General Education” (Registered on 12.07.2023 No. 74228)
18. Strategy for the Development of Physical Culture and Sports in the Russian Federation for the period until 2030 (Approved by the Russian Federation Government Order No. 3081-r dated November 24, 2020)
19. Strategy for the formation of a healthy lifestyle of the population, prevention and control of non-infectious diseases for the period until 2025 (15.01.2020 No. 8)
20. Decree on the national development goals of Russia until 2030. July 21, 2020.
21. Federal Law of 04.12.2007 N 329-FZ (ed. of 30.11.2023) “On Physical Culture and Sports in the Russian Federation”.
22. Ananiadou K., Claro M. *21st-century skills and competencies for new millennium learners in OECD countries*. OECD Education Working Papers, no. 41, 2009.
23. Bunderson C.V., Inouye D.K., Olsen J.B. The four generations of computerized educational measurement. In R. L. Linn (Ed.), *Educational*

- measurement*. Macmillan Publishing Co, Inc; American Council on Education, 1989, pp. 367-407.
24. Hayward L., Jones D.E., Waters J. and etc. *CAMAU Project: Research Report*, Glasgow: University of Glasgow; Swansea: University of Wales Trinity Saint David, 2018.
25. Heritage M. *Assessment for Teaching and Learning, Exploratory Seminar: Measurement Challenges With the Race to the Top Agenda*, Center for K-12 Assessment & Performance Management, 2009.
26. Klenowski V., Wyatt-Smith C. *Assessment for Education, Standards, Judgement and Moderation*, Sage Publications, 2014.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Стафеева Анастасия Владимировна, доцент, канд. пед. наук

Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина

ул. Ульянова, 1, г. Нижний Новгород, 603000, Российская Федерация

staffanastasiya@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Anastasiya V. Staffeeva, Associate Professor, Candidate of Pedagogical Sciences

Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University

1, Ulyanov Str., Nizhny Novgorod, 603000, Russian Federation

staffanastasiya@yandex.ru

SPIN-code: 6097-2122

Поступила 05.02.2024

После рецензирования 16.02.2024

Принята 20.02.2024

Received 05.02.2024

Revised 16.02.2024

Accepted 20.02.2024

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

PSYCHOLOGICAL STUDIES

DOI: 10.12731/2658-4034-2024-15-1-439

УДК 159.923.2

Научная статья |

Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ КАК ОСНОВА ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ВУЗА: ТЕОРЕТИКО-ЭМПИРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Т.А. Бусыгина

Цель. В статье анализируется взаимосвязь экзистенциальных ценностей преподавателя вуза с проявлениями показателей эмоциональной сферы. В данном исследовании мы рассматриваем проблему психологического благополучия педагога с позиции экзистенциального подхода. Анализ научных источников по проблематике невротизации, эмоционального и профессионального выгорания педагогов, а также направлений преодоления стрессового состояния для достижения психологического благополучия, привел нас к выводу о том, что большинство исследователей видит выход исключительно через удовлетворение потребностей, регуляцию режима работы и отдыха, овладение методами саморегуляции. Мы согласны с тем, что подобные направления психологической работы помогают совладать со стрессом ситуативно, но вместе с тем, мы выявили пробел в изучении психологических свойств личности, ее ценностном поле, которое может быть опорой стабильного

эмоционального состояния, удовлетворенности собой и профессиональной деятельностью, значительно снижая риски невротических симптомов. Мы предполагаем, что есть фундаментальный фактор, а именно экзистенциальные ценности, которые лежат в основе состояния психологического благополучия.

Методология проведения работы. В процессе исследования была осуществлена детальная теоретическая экспертиза различных литературных источников, а также сопоставление и оценка различных точек зрения, выраженных в рассматриваемых литературных работах. Эмпирическое исследование было проведено на выборке из 130 преподавателей российских вузов обоих полов, от 40 до 75 лет, со стажем более 18 лет с помощью психодиагностических методик. Количественная обработка результатов произведена на базе статистических программы STATISTICA 11.0.

Результаты. В результате эмпирического исследования мы получили обширный массив данных, доказывающий влияние развитых экзистенциальных ценностей на состояние психологического благополучия, а именно пришли к выводам: игнорирование экзистенциальных ценностей способствует проявлению таких невротических состояний как дезадаптация, чувство вины, непринятие себя, непринятие других, враждебность, истощение, деперсонализацию, внешний контроль, ведомость, эскапизм. Принятие экзистенциальных ценностей преподавателем влечет за собой формирование таких эмоциональных состояний, как адаптивность, интернальность, самопринятие, принятие других, эмоциональный комфорт. На основании эмпирических данных мы сформулировали дефиницию термина «экзистенциальное благополучие».

Область применения результатов. Результаты исследования помогут расширить возможности индивидуальной и групповой психологической работы с эмоционально-стрессовыми ситуациями для снижения рисков невротических проявлений и формирование адаптивных эмоциональных состояний в профессиональной деятельности преподавателя вуза на уровне принятия, осознания и раскрытия экзистенциальных ценностей личности.

Ключевые слова: экзистенциальные ценности; психологическое благополучие; самореализация; экзистенциальная исполненность; профессиональное самосознание; невротизация

Для цитирования. Бусыгина Т.А. Экзистенциальные ценности как основа психологического благополучия преподавателя вуза: теоретико-эмпирический анализ // *Russian Journal of Education and Psychology*. 2024. Т. 15, № 1. С. 170-208. DOI: 10.12731/2658-4034-2024-15-1-439

Original article |

Pedagogical Psychology, Psychodiagnostics of Digital Educational Environments

EXISTENTIAL VALUES AS THE BASIS OF PSYCHOLOGICAL WELL-BEING OF A UNIVERSITY TEACHER: THEORETICAL AND EMPIRICAL ANALYSIS

T.A. Busygina

Purpose. *The article analyzes the relationship between the existential values of a university teacher and the manifestations of indicators of the emotional sphere. In this study, we consider the problem of a teacher's psychological well-being from the perspective of an existential approach. An analysis of scientific sources on the issues of neuroticism, emotional and professional burnout of teachers, as well as directions for overcoming a stressful state to achieve psychological well-being, led us to the conclusion that most researchers see a way out exclusively through satisfying needs, regulating work and rest schedules, and mastering self-regulation methods. We agree that such areas of psychological work help to cope with situational stress, but at the same time, we have identified a gap in the study of the psychological properties of the individual, his value field, which can be the support of a stable emotional state, self-satisfaction and professional activity, significantly reducing risks of neurotic symptoms. We propose that there is a fundamental factor, namely existential values, that underlies the state of psychological well-being.*

Methodology of the research. *During the research process, a detailed theoretical examination of various literary sources was carried*

out, as well as a comparison and assessment of various points of view expressed in the literary works under consideration. An empirical study was conducted on a sample of 130 Russian university teachers of both sexes, from 40 to 75 years old, with more than 18 years of experience, using psychodiagnostic techniques. Quantitative processing of the results was carried out on the basis of the statistical program STATISTICA 6.0.

Results. *As a result of empirical research, we received an extensive array of data proving the influence of developed existential values on the state of psychological well-being, namely, we came to such conclusions as: ignoring existential values contributes to the manifestation of such neurotic states as maladaptation, guilt, non-acceptance of oneself, non-acceptance of others, hostility, exhaustion, depersonalization, external control, control, escapism. The acceptance of existential values by a teacher entails the formation of such emotional states as adaptability, internality, self-acceptance, acceptance of others, and emotional comfort. Based on empirical data, we formulated a definition of the term “existential well-being”.*

Scope of the results. *The results of the study will help expand the possibilities of individual and group psychological work with emotionally stressful situations to reduce the risks of neurotic manifestations and the formation of adaptive emotional states in the professional activities of a university teacher at the level of acceptance, awareness and disclosure of the individual's existential values.*

Keywords: *existential values; psychological well-being; self-realization; existential fulfillment; professional self-awareness; neuroticism*

For citation. *Busygina T.A. Existential Values as the Basis of Psychological Well-Being of a University Teacher: Theoretical and Empirical Analysis. Russian Journal of Education and Psychology, 2024, vol. 15, no. 1, pp. 170-208. DOI: 10.12731/2658-4034-2024-15-1-439*

Введение

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами

Многочисленные психологические исследования профессиональной деятельности преподавателя доказывают высокие риски невро-

тизации и проявлении таких состояний как тревожность, чувство вины, враждебность, непринятие себя и других, ведомость, эскапизм, деперсонализация и др. По мере увеличения стажа работы комплексное влияние негативных эмоциональных состояний может усиливаться и приводить к эмоциональному и профессиональному выгоранию (В.В. Бойко, М.В. Борисова, Н.Е. Водопьянова, М.А. Воробьева, Н.В. Гришина, Л.М. Митина, В. Е. Орёл, Т. И. Ронгинская, Е.С. Старченкова, Т.В. Форманюк и др.). В этой связи встает вопрос о том, какие психологические факторы могут стать опорой преподавателю вуза для поддержания состояния психологического благополучия в профессии долгие годы, снижать риски невротизации, выгорания, какие характеристики являются определяющими.

Рассмотрим концепции понятия «психологическое благополучие» через призму зарубежных и отечественных исследований. Американский социолог Норман Э. Брэдберн стоял у истоков понятия «психологического благополучия». В своей научной работе «Структура психологического благополучия» автор определил его как состояние равновесия между позитивными и негативными комплексами эмоций. Если человек переживает больше положительных эмоций, чем отрицательных то можно утверждать, что он имеет высокий уровень психологического благополучия. Однако если происходит обратное то это указывает на наличие проблем с психологическим благополучием. Таким образом, Брэдберн внес значительный вклад в область изучения психологического благополучия, помогая нам понять то факт, что поддержание баланса между позитивными и негативными эмоциями является ключом к достижению психологического благополучия [19].

Эд Динер выдвинул оригинальную трехфазную модель субъективного благополучия, дополнив формулу разработанную Э. Бредберном. Она состоит из отдельных взаимосвязанных компонентов частого положительного эмоционального состояния, редкого негативного эмоционального состояния и когнитивных оценок, таких как удовлетворенность жизнью. Автор считает, что субъективное благополучие тождественно переживанию счастья [20, с. 1; 29, с. 52].

Таким образом, данные авторы представляют гедонистический подход к понятию благополучия, раскрывая субъективное благополучие как результат или возможность удовлетворения потребностей, что приводит в свою очередь к удовольствию.

Существует и другой подход к пониманию психологического благополучия – эвдемонистический, согласно которому ученые К. Рифф и А. Уотерман считают, что личностный рост и способность противостоять желаниям и преодолевать трудности для получения благ в будущем являются необходимыми аспектами благополучия [28, с. 678].

Они предлагают, что понятие «психологического благополучия», связано не только с субъективным благополучием, но и с восприятием своего участия в решении экзистенциальных жизненных проблем. К. Рифф разработала шестифакторную модель психологического благополучия, включающую следующие элементы: самопринятие, позитивные отношения, компетентность, жизненные цели, личностный рост и автономность. По мнению ученых, эти аспекты являются необходимыми для личностного роста и способности противостоять желаниям и преодолевать трудности для получения благ в будущем. Согласно автору, для достижения полного психологического благополучия и противодействия негативным последствиям психотравмирующих ситуаций необходимо уделять больше внимания укреплению компонентов, включенных в шестифакторную модель психологического благополучия, чем лечению отрицательных симптомов [25, с. 1069; 26, с. 719].

Основоположник «позитивной психологии» М.В.Селигман также утверждает, что работа над собой приводит к раскрытию своего потенциала, способностей и большей удовлетворенности жизнью [16].

Значимые представители гуманистического направления А. Маслоу, К. Роджерс связывают состояние счастья с самоактуализацией, самосовершенствованием, отождествляя внутреннюю свободу с психологическим благополучием.

В научное понимание психологического благополучия отечественными учеными входит понятие удовлетворенности, которая

зависит от реализации личностных предпочтений и интересов и не обязательно отвечает объективным условиям [12].

Так А. В. Воронина разработала модель, которая охватывает четыре уровня психологического благополучия. Первый уровень связан с психосоматическим здоровьем. Второй уровень отражает баланс между личностью и социальной средой и называется социальной адаптированностью. Третий уровень выражает внутреннюю гармонию, зрелость и согласие с самим собой и окружающей средой и называется психическим здоровьем. Четвертый уровень связан с нахождением смысла жизни и называется психологическим благополучием. Эта модель подчеркивает важность каждого из этих аспектов для достижения психологического благополучия [4].

В работе П.П. Фесенко и Т.Д. Шевеленковой психологическое благополучие определяется как целостная характеристика способности человека к достижению положительного функционирования, субъективно переживаемая как удовлетворенность собой и своей жизнью. П. П. Фесенко указывает, что субъективное благополучие может быть детерминировано реализацией личностных потенциалов [18].

А.Кроник считает, что эвдемонические установки формируются из-за отношения человека к возможностям получения удовольствия. Гедонизм связан с наслаждениями и аскетический отменой их в пользу духовных принципов или моральной практики. Автор называет счастье полнотой бытия, которая возникает в результате превращения мотиваций человека в бесконечно большие величины. Психология счастья — это способ самореализации человека, направленный на повышение его значимости в мире или на усиление своих способностей [10].

Н.А. Батурин, С.А. Башкатов, Н.В. Гафарова разработали структурно - уровневую модель личностного благополучия, основанную на факторах четырех уровней: внеличностные факторы, психологические факторы, межличностные и субъективно личностные. Авторы пишут о том, что «психологическое благополучие обеспечивается за счет синергичного взаимодействия темперамента, ба-

зовых структур личности и позитивных черт характера, при этом свойства темперамента и личности оказывают непосредственное влияние на проявление характерологической позитивности и опосредованно через нее на уровень субъективного благополучия» [1, 13]. Исследователи обосновывают возможность «...функционирования модели личностного благополучия в соответствии с принципами целостности, иерархичности строения, структуризации системного подхода...» [1, с. 14].

Анализ модели приводит к вопросу о возможности испытывать состояние благополучия людей со слабым типом нервной системы, когда свойства темперамента могут вступать в противоречивое взаимодействие с субъективным восприятием жизни, препятствовать характерологической позитивности. В этой связи одним из выходов мы видим в опоре на жизненные смыслы, которые в свою очередь могут обеспечить чувство экзистенциальной исполненности и удовлетворенности жизнью на уровне высших ценностей.

В этой связи созвучным целям нашего исследования является научная работа коллектива авторов Т.Г. Дулинец, О.А. Беньковой, Т.Г. Савельевой, А.А. Машанова, О.Н. Догадаева, изучающих достижения благополучия в философском плане и факторов, влияющих на него, в том числе связи экзистенциальной наполненности (фундаментальных экзистенциальных мотиваций) с различными положительными сторонами функционирования личности, составляющими благополучие: автономией, компетентностью, личностным ростом, позитивными отношениями, самопринятием, жизненными целями [2, с. 75].

Особого внимания заслуживает позиция одного из корифеев отечественной психологии В.М. Русалова, который пишет о том, что наиболее значимый аспект зрелости человека характеризует достижение наивысшей (акмеологической) ступени своего психического развития: «...достигнув определенной вершины, акмеологическая зрелость не останавливается на этом уровне, а продолжает все время постепенно расти, добываясь новых показателей эффективности, новых пиков...» [14, с. 83].

Акмеологическая зрелость также тесно связана с экзистенциальными ценностями преподавателя, что отражено в исследовании М.В. Плугиной. В результате экспериментального исследования автором были получены данные, согласно которым: «...существует устойчивая связь между совершенствованием профессионализма деятельности и личности преподавателей высшей школы... между готовностью преподавателей принимать новое и способностью преломлять полученное в различные сферы практической жизни; компетентностью между профессиональной и такими ее видами, как психологическая и акмеологическая компетентность; - между тенденцией к согласованию общего представления о природе человека и ростом познавательных потребностей; между направленностью на самоактуализацию в профессиональной деятельности и потребностью в самосовершенствовании; между общей зрелостью и потребностью в развитии собственного творческого потенциала, личной ответственности, чувства гражданского долга и т.д.» [13, с. 392].

В отечественной психологии экзистенциально-психологический подход применен Д. А. Леонтьевым для изучения структуры и изменчивости смысловой реальности, а также потенциала личности. Согласно концепции Д.А. Леонтьева: «...смысловая реальность проявляет себя во множестве разнообразных форм (в том числе превращенных форм), связанных сложными отношениями и взаимопереходами, и включенных в общую динамику к психологии личности, творящей и изменяющей себя и свой жизненный мир...» [11, с. 444]. Гедонистический стиль жизни не способствует поиску и реализации смысла жизни и благополучия, благополучие зависит от смысла жизни, который по мнению автора важно искать на всем протяжении жизни «...То, что придает жизни смысл, может лежать и в будущем (цели), и в настоящем (чувство полноты и насыщенности жизни), и в прошлом (удовлетворенность итогами прожитой жизни)...» [11, с. 248].

В исследовании известного отечественного психолога И.А. Джигарьян анализ результатов показывает, что в представлении о счастье абсолютный приоритет отдается ценностям любви («любить и

быть любимым»), семьи («благополучие семьи, взаимопонимание и душевные отношения между близкими») и радости жизни («умение радоваться жизни и наслаждаться тем, что имеешь»). Кроме этих трёх наиболее важных ценностей для счастья, есть еще четыре, которые связаны с самореализацией, удовлетворенностью жизнью и отношениями с другими людьми, персональным ростом и поиском смысла в жизни, которые обозначены как ценности «Ощущение полного существования», «Быть нужным кому-то и помогать другим», «Возможность самореализации и личностного роста, развитие всех своих способностей», «Видение смысла жизни и следование ему». Именно эти ценностные ориентации, согласно исследованию автора, образуют «ядро» или высший уровень структуры счастья, то есть «... чем полнее представлены и реализуются в жизни каждого человека его основные личностные ценности, тем больше оснований у него быть и чувствовать себя счастливым и удовлетворенным жизнью...» [6, с. 115].

Анализ подходов к понятию «психологическое благополучие», показывает, что часть исследователей во главу угла ставят состояние получения удовольствия, акцентируя внимание исключительно на субъективной эмоциональной оценке (Н. Бредберн и Э. Динер). Другая группа ученых В.Ю. Баскакова, Н.А. Батурина, А.А. Григорьева, И.А. Джидарьян, Т.Г. Дулинец, Е.Р. Калитеевская, А.А. Кроник, Д.А. Леонтьев, М.В. Плугина, В.М. Русалов, Е.А. Сапогова фокусируется на таких факторах, как смысложизненные ориентации, ценности, экзистенциальная исполненность, акмеологическая зрелость, духовные и нравственные детерминанты личностного развития.

Говоря об эмоциональном благополучии педагогов, стоит отметить исследование Л.В. Карапетян, Г.А. Глотовой. Проведя масштабное эмпирическое исследование, авторы подтверждают влияние адаптационных возможностей, профессионального выгорания и атрибутивного стиля на эмоционально-личностное благополучие / неблагополучия педагога. Задачам нашего исследования созвучен вывод коллег именно о способности к адаптации, самопрियाтию, принятию других, эмоциональном комфорте, интернальности (СПА),

признании и высокой оценке собственных профессиональных достижений как предикторов эмоционально-личностного благополучия [8, с. 115].

Мы солидарны с позицией тех ученых, которые приоритетными считают психологическое состояние человека и его субъективную оценку как благополучного, понимая под ним проживание осознаваемых жизненных смыслов. Социальные факторы, такие как понимание своего места в жизни, принятие своих социальных достижений, мы относим к ценностям, предполагая, что ценности, принятые человеком как экзистенциальные, приводят к эмоциональному благополучию.

Проанализировав в более ранних статьях проблему невротизации, эмоциональных дисфункций преподавателя с опорой на эмпирический материал, мы пришли к выводу, что именно экзистенциальные ценности преподавателя могут стать основой удовлетворенности жизнью. Они помогают преподавателю оставаться человеком, который уважает себя и своих студентов, работает в интересах всех субъектов психолого-педагогической деятельности. Важно помнить, что эти ценности не являются статичным образованием, они постоянно меняются и развиваются вместе с преподавателем. Поэтому проблема влияния состояния психологического благополучия педагога на развитие профессионального сознания может рассматриваться с позиции экзистенциального подхода.

В нашем исследовании следует отметить иерархическую структуру профессиональной самореализации А.А. Григорьевой, ориентированную на экзистенциальный подход педагога, близость к экзистенциальной исполненности и возможность достижения экзистенциальной мотивации на всех уровнях согласно концепции А. Лэнгле. Каждый уровень представляет собой определенный этап профессиональной самореализации и формирования специфических показателей, как профессиональных, так и личностных качеств. Первый этап связан с самоопределением, где большое значение имеет образовательная среда с включением предметных показателей и психологической безопасности, которые мотивируют педагога. Второй этап с само-

актуализацией, где важными факторами являются система взаимоотношений между участниками образовательного процесса, стиль и эффективность педагогической деятельности, коммуникативные навыки педагогов и система педагогических ценностей. Третий этап связан с самосовершенствованием, где важным является развитие профессионального сознания, рефлексии и формирование профессиональной позиции. И, наконец, четвертый уровень представляет процесс профессионализации, включающий формирование образа идеального педагога и достижение зрелости как личностных, так и профессиональных качеств. Таким образом, профессиональная самореализация педагога рассматривается как цель развития всей личности специалиста, проходящего этапы субъектной самореализации и уровни экзистенциальной исполненности. Автор отмечает, что «... актуальной является проблема стимулирования педагогов к самореализации и создания комплекса психологических мероприятий, позволяющих педагогу уйти от традиционных, стереотипных форм работы, актуализировать новые личностные ресурсы, способствовать развитию переживания экзистенциальной исполненности...» [5, с. 232]. А важнейшим условием профессиональной самореализации, самоактуализации педагога является «...безопасное образовательное пространство и образовательная среда, как субстанция, влияющая на ощущение защищенности, опоры, возможности профессионально функционировать...» [5, с. 235].

А.А. Ставцев разработал предиктивную модель психологического благополучия личности педагога в профессиональной деятельности, которая «...демонстрирует наличие профессионально-значимых позитивных качеств личности, обладающих наибольшим «мультипликативным эффектом полезности», для педагогов это: креативность, любовь к учению, любопытство, широта видения, критическое мышление, храбрость, энергичность, любовь, социальный интеллект, лидерство, благодарность, оптимизм, чувство юмора, духовность» [17, с. 131]. Также автор отмечает наличие «квартета» факторов психологической жизнестойкости, включающий любознательность, энергичность, благодарность и оптимизм, которые способствуют

повышению психического благополучия и развитию способности противостоять негативному влиянию внешних факторов.

О.И. Каяшева одним из приоритетных направлений изучения сложной профессиональной деятельности преподавателей вузов считает «...самопонимание, которое обеспечивает раскрытие всего многообразия качеств, свойств, потребностей и установок личности, позволяет выбирать наиболее приемлемые способы и приемы решения трудных ситуаций в образовательной среде... [9, с. 60]. Осознание своего «Я» играет важную роль в успешном выполнении профессиональных обязанностей, как и применение творческого подхода и занятия профессиональной деятельностью способны помочь преподавателям раскрыть свои скрытые способности и качества, а также продвинуть свободное выражение собственных идей и углубить осознание себя как личности [9].

Стоит отметить экзистенциальный аспект в изучении психологического благополучия преподавателей зарубежными исследователями S.P. Kumar, M. Paula, L.K. Jena, R.R. Ahmed, F.A. Soomro, Z.A. Channar, A.R. Hashem E., H.A. Soomro, M.H. Pahi, N.Z. Md Salleh, Li Yongzhan [22; 23; 24; 30].

Результаты исследования Yongzhan Li среди преподавателей китайских вузов показали, что и именно психологический капитал педагогов (настойчивость в достижении, эффективность, устойчивость, оптимизм – прим. авт.) положительно влияет на их смысл жизни. Также было выявлено, что смысл жизни имеет высокий удельный вес в плане временной перспективы и частично служит посредником между психологическим капиталом и благополучием преподавателей вузов [30].

Созвучное исследование о взаимосвязи между духовностью на рабочем месте и профессиональным благополучием учителей, а также посреднической ролью конструкта позитивного психологического капитала (ППК) между этими двумя показателями мы находим у M. Paula, L.K. Jena на основе материалов диагностики преподавателей, работающих в индийских вузах. Авторы считают, что «...психологически ясный и восприимчивый ум незаменим в процессе препода-

вания...», что «...внутренний источник духовности среди учителей может быть задействован для того, чтобы справляться с уровнями профессионального стресса, усиливая чувство благополучия» [23, с. 27].

Мы разделяем идеи логотерапии австрийского психолога-экзистенциалиста В. Франкла, который считал, что основная задача образования состоит не в том, чтобы довольствоваться передачей традиций и знаний, а в том, чтобы совершенствовать способность, которая дает человеку возможность находить уникальные смыслы. Этот подход созвучен постулату корифеев гуманистической педагогики К.Д. Ушинского, В.А. Сухомлинского, Ш.А. Амонашвили о том, что только личность может воспитать личность, что становится возможным при условии внутреннего благополучия самого преподавателя, эмоциональной стабильности и удовлетворенности.

Е.С. Иванченко обосновывает позицию, согласно которой фундаментом в выстраивании траектории самоактуализации преподавателя, должно быть философское направление, которое объединяет экзистенциальную и гуманистическую перспективы, несет в себе определенные установки, постулаты и ценности, которые оказывают влияние на развитие духовности преподавателя и его отношения к педагогической деятельности через актуализацию этических добродетелей, таких как уважение, доброта, справедливость, честь, достоинство и ответственность, на практике; приоритет профессиональной деятельности, основанный на общечеловеческих ценностях, прежде всего, на ценности человеческого бытия; наличие психологических качеств, связанных с гуманистическим подходом в общении: принятие себя и других людей, эмпатия, внимание, безусловно позитивное отношение и другие характеристики; способность самостоятельно выбирать нравственные ценности в условиях непредсказуемого и изменчивого мира, учитывая его сложности и нестабильность [7, с. 29].

При изучении экзистенциальных ценностей представители экзистенциального подхода обычно выделяют такие ценностно-онтологические единицы человеческого существования: свобода, исполненность, одиночество, изоляция, самоактуализация, трансцендентность, персональность, ответственность.

Обобщая результаты теоретического анализа по проблемам психологического благополучия личности, экзистенциальных опор, эмоциональных дисфункций, мы приходим к термину «экзистенциальное благополучие» понимаемое нами как состояние интериоризации жизненных смыслов исполненности, свободы, самореализации, способствующее комфортному эмоциональному состоянию и снижающему риски невротизации.

Поэтому целью эмпирического исследования является выявление связи экзистенциальных ценностей преподавателя вуза с проявлениями показателей эмоциональной сферы.

Мы намерены эмпирически доказать гипотезу о том, что экзистенциальные ценности, влияют на качество эмоциональных состояний, и являются основой психологического благополучия.

Выборка исследования была собрана из преподавателей обоих полов от 40 до 75 лет, со стажем профессиональной деятельности более восемнадцати лет. Общее количество респондентов составило 132 человека. Информированное согласие было получено от всех субъектов, участвовавших в исследовании.

Данное исследование является частью масштабного диссертационного исследования, сбор экспериментальных данных осуществлялся в период с декабря 2021 по январь 2022года.

Площадками исследования стали российские вузы: Самарский государственный социально-педагогический университет, Тольяттинский государственный университет, Самарский филиал Московского городского педагогического университета, Самарский государственный технический университет, Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова, Вольский военный институт материального обеспечения, Сахалинский государственный университет, Мурманский арктический государственный университет, Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского.

Исследование проводилось в удаленном формате, согласно инструкции, которая была разослана участникам исследования. Преподавателям было дано задание оценить себя по методикам: методика

диагностики социально-психологической адаптации Роджерса – Даймонда, методика диагностики агрессивности Басса-Дарки, диагностика тревожности Спилбергера –Ханина. Данные инструменты исследования были выбраны для оценки психологического благополучия опосредованно, изначально опираясь на задачу выявления факторов неблагополучия, проявления различных эмоциональных дисфункций.

Для изучения проявленности экзистенциальных ценностей мы использовали методики диагностики самоактуализации личности А.В. Лазукина в адаптации Н.Ф. Калина и Шкала экзистенции А. Лэнгле и К. Орглер. Для опосредованного выявления состояния психологического благополучия мы использовали методики, диагностирующие противоположный полюс, то есть эмоциональное неблагополучие, невротизацию, а именно методики диагностики: агрессивности Басса-Дарки, тревожности Спилбергера-Ханина, социально-психологической адаптации Роджерса-Даймонда, которая дает возможность изучить выраженность таких факторов, таких как непринятие себя и других, эмоциональный дискомфорт, экстернатальность, зависимость поведения, позицию в отношениях и др.

Полученные результаты были обработаны с помощью корреляционного анализа в программе STATISTICA 11.0.

Результаты

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов.

В процессе обработки массива данных были получены следующие результаты, представленные в таблице 1.

Мы получили значительный массив статистических данных. Перед описанием содержания взаимосвязей считаем важным сделать уточнение. Отрицательные корреляционные связи экзистенциальных ценностей с показателями невротизации мы рассматриваем как проявления психологического неблагополучия, в то время как в положительных связях видим ресурс проявления эмоциональной удовлетворенности и комфорта.

Таблица 1.

**Корреляционные связи экзистенциальных ценностей
и эмоциональных состояний (фрагмент)**

Шкалы	Коэффициенты корреляции (статистически значимы при уровне значимости равном $p=0,05$)											
	Раздражение	Обида	Индекс враждебности	Личностная тревожность	Ситуативная тревожность	Эмоциональное истощение	Деперсонализация	Неврозизация	Адаптация	Самопринятие	Эмоциональный комфорт	Ингеральность
Шкала ориент. во врем.	-0,26	-0,36	-0,28	-0,35	-0,32	-0,33	-0,34	-0,46	0,49	0,37	0,49	0,38
Ценности	-0,37	-0,39	-0,39	-0,46	-0,26	-0,36	-0,44	-0,45	0,36	0,34	0,32	0,31
Взгляд на прир. человека	-0,36	-0,42	-0,33	-0,36	-0,20	-0,19	-0,30	-0,38	0,33	0,21	0,33	0,26
Потребность в позн.	-0,34	-0,33	-0,38	-0,39	-0,26	-0,49	-0,51	-0,36	0,45	0,31	0,48	0,37
Креативность	-0,10	-0,26	-0,20	-0,43	-0,35	-0,31	-0,31	-0,18	0,25	0,16	0,24	0,11
Автономность	-0,29	-0,17	-0,01	-0,43	-0,32	-0,32	-0,17	-0,25	0,24	0,17	0,29	0,25
Самопонимание	-0,28	-0,39	-0,41	-0,45	-0,25	-0,34	-0,45	-0,43	0,38	0,35	0,35	0,36
Аутосимпатия	-0,19	-0,17	-0,20	-0,48	-0,27	-0,23	-0,33	-0,37	0,29	0,24	0,42	0,15
Гибкость в общении	-0,37	-0,19	-0,15	-0,43	-0,43	-0,41	-0,31	-0,36	0,25	0,18	0,35	0,17
Самодистанцирование	-0,24	-0,26	-0,27	-0,32	-0,32	-0,21	-0,12	-0,27	0,10	0,21	0,28	0,46
Самотрансценденция	-0,27	-0,22	-0,32	-0,50	-0,47	-0,35	-0,44	-0,49	0,60	0,51	0,63	0,58
Свобода	-0,31	-0,33	-0,41	-0,49	-0,45	-0,30	-0,42	-0,44	0,38	0,45	0,47	0,41
Ответственность	-0,35	-0,48	-0,57	-0,51	-0,44	-0,35	-0,46	-0,56	0,40	0,53	0,08	0,59
Персональность	-0,33	-0,35	-0,44	-0,58	-0,49	-0,39	-0,46	-0,55	0,54	0,52	0,22	0,64
Экзистенциальность	-0,40	-0,51	-0,59	-0,57	-0,51	-0,38	-0,51	-0,57	0,51	0,60	0,67	0,63
Исполненность	-0,39	-0,46	-0,55	-0,60	-0,52	-0,40	-0,51	-0,59	0,55	0,59	0,69	0,67

Шкала ориентации во времени показывает, насколько человек живет настоящим, не откладывая свою жизнь «на потом» и не пытаясь найти убежище в прошлом. Мы получили результаты, когда данная шкала отрицательно связана с раздражением (-0,26), обидой (-0,36), отрицательным индексом враждебности (-0,28), ситуативной (-0,32) и личной (-0,35) тревожностью, эмоциональным истощением (-0,33), деперсонализацией (-0,34), уровнем невротизации Вассермана (-0,46), интегральным показателем адаптации (0,49), адаптивностью (0,36), дезадаптивностью (-0,43), непринятием себя (-0,46), непринятием других (-0,25), интегральным показателем эмоциональной комфортности (0,49), эмоциональным дискомфортом (-0,49), внешним контролем (-0,35) и эскапизмом (уходом от проблем) (-0,24). Стоит отметить положительную связь с интегральным показателем самопринятия (0,37), принятием себя (0,46), интегральным показателем принятия других (0,30), интегральным показателем интернальности (0,38).

Полученные взаимосвязи подтверждают тот факт, что неспособность жить здесь и сейчас – это маркер невротического состояния, подлинное же повседневное существование с принятием жизненных условий возможно, если личность принимает на себя ответственность за свою жизнь и принимает себя, других такими, как они есть.

Положительная связь фактора «Ценности» отмечается с такими показателями, как интегральным показателем адаптации (0,36), интегральным показателем самопринятия (0,34), интегральным показателем эмоциональной комфортности (0,39), интегральным показателем интернальности (0,31).

Предпочтение высших ценностей самоактуализирующейся личности, стремящейся к психологически гармоничным отношениям с людьми, целостности, красоте, самодостаточности, способствует развитому позитивному самоотношению, эмоциональной удовлетворенности, состоянию управления собой и своей жизнью, продуктивным взаимоотношениям в значимой социальной группе.

Шкала «Ценности» отрицательно связаны с физической агрессией (-0,29), раздражением (-0,37), обидой (-0,39), подозрительностью

(-0,31), чувством вины (-0,40), индексом враждебности (-0,39), ситуативной (-0,26) и личной (-0,46) тревожностью, эмоциональным истощением (-0,36), деперсонализацией (-0,44), уровнем невротизации Вассермана (-0,45), дезадаптивностью (-0,34), эмоциональным дискомфортом (-0,36), непринятием себя (-0,33), внешним контролем (-0,35). Чем выше отвержение ценностей самореализации, тем вероятнее риск проявления невротических состояний.

Шкала «Взгляд на природу человека» отрицательно связана с раздражением (-0,36), обидой (-0,42), чувством вины (-0,28), индексом враждебности (-0,33), личной тревожностью (-0,36), деперсонализацией (-0,30), уровнем невротизации Вассермана (-0,38), интегральным показателем адаптации (0,33), дезадаптивностью (-0,39), непринятием себя (-0,27), интегральным показателем принятия других (0,32), непринятием других (-0,34), интегральным показателем эмоциональной комфортности (0,33), эмоциональным дискомфортом (-0,37), интегральным показателем интернальности (0,26), внешним контролем (-0,34) и ведомостью (-0,28).

Положительная корреляционная связь шкалы «Взгляд на природу человека» отмечается с интегральным показателем адаптации (0,33), интегральным показателем принятия других (0,32), интегральным показателем эмоциональной комфортности (0,33), интегральным показателем интернальности (0,26).

Данный результат говорит о том, что установка видеть людей через тот или иной фильтр оценок связана с полюсом психологического состояния. Можем предположить, что преподаватели, априори настроенные на социальное окружение с негативными качествами, могут способствовать усилению невротизации. А преподаватели, фокусирующиеся на позитивном психологическом портрете учеников и коллег, психологически более эмоционально благополучны и менее подвержены тревоге, раздражению, потере контакта с группой.

Шкала «Потребность в познании» отрицательно связана с раздражением (-0,34), обидой (-0,33), подозрительностью (-0,36), индексом враждебности (-0,38), ситуативной (-0,26) и личной (-0,39) тревожностью, эмоциональным истощением (-0,49), деперсона-

лизацией (-0,51), уровнем невротизации Вассермана (-0,36), дезадаптивностью (-0,36), неприятием себя (-0,34), интегральным показателем принятия других (0,36), принятием других (0,27), неприятием других (-0,29), эмоциональным дискомфортом (-0,41) и внешним контролем (-0,32). Можем предположить, что чем ниже ценность познания, живой интерес к исследованию окружающего мира, тем вероятнее невротические проявления.

Шкала «Потребность в познании» положительно связана с интегральным показателем адаптации (0,45), адаптивностью (0,42), интегральным показателем самопринятия (0,31), принятием себя (0,42), интегральным показателем эмоциональной комфортности (0,48), интегральным показателем интернальности (0,37). Полученные данные говорят о том, что активная позиция по отношению к людям и самому себе дает возможность эвристически относиться к окружающему миру в динамике, не занимать пассивную роль, позволять людям себе раскрываться в новых аспектах.

Шкала «Креативность» отрицательно связана с обидой (-0,26), чувством вины (-0,25), ситуативной (-0,35) и личной (-0,43) тревожностью, эмоциональным истощением (-0,31), деперсонализацией (-0,31). Предположим, что низкая значимость ценности «Креативность», шаблонность и ригидность восприятия может усиливать обиду, вину, тревогу, отчуждение. Человек, не ценящий креативность, не ищет новых нестандартных решений, ограничивается стандартными алгоритмами, вновь может повторять травмирующую ситуацию.

Шкала «Креативность» имеет положительную корреляционную связь с адаптивностью (0,25), принятием себя (0,26), интегральным показателем эмоциональной комфортности (0,24), эмоциональным комфортом (0,34), интегральным показателем стремления к доминированию (0,24).

Творческая направленность личности, умение нестандартно посмотреть на образ жизненной ситуации, поступков человека способствует внутреннему согласию с происходящим, принятию себя и других как членов социальной группы и установлению комфортных отношений, эмоциональной удовлетворенности, состоянию спокойствия.

Шкала «Автономность» отрицательно связана с раздражением (-0,29), чувством вины (-0,30), дезадаптивностью (-0,25), ситуативной (-0,32) и личной (-0,43) тревожностью, уровнем невротизации Вассермана (-0,25), и ведомостью (-0,39). Чем выше автономность, тем ниже вероятность раздражение и чувство вины, тревоги, поскольку человек ориентируется на себя, избавлен от ожиданий.

Шкала «Автономность» позитивно связана с интегральным показателем адаптации (0,31), принятием себя (0,26), интегральным показателем эмоциональной комфортности (0,29), эмоциональным комфортом (0,33), интегральным показателем интернальности (0,25), интегральным показателем стремления к доминированию (0,39), доминированием (0,24).

Чем выше автономность личности как качество характера, стремление к саморегуляции и самодетерминации, раскрытию способности к самостоятельной деятельности и независимости, тем вероятнее успешность его адаптации, открытость слышать свои желания, расставлять приоритеты, управлять ресурсом внутренней энергии, с лидерским потенциалом.

Шкала «Самопонимание» связана со способностью осознавать и принимать свои эмоции, брать на себя ответственность за свои эмоциональные реакции, как взаимодействовать с окружающим миром, реалистичному представлению о своих возможностях и ограничениях, целостному принятию себя, постановке адекватных целей, что ведет к более эффективным стратегиям регуляции эмоций и адаптивному поведению.

Данная шкала «Самопонимание» положительно коррелирует с интегральным показателем адаптации (0,46), интегральным показателем самопринятия (0,35), принятием себя (0,42), интегральным показателем интернальности (0,36) и эмоциональной комфортности (0,51). А отрицательно связано с раздражением (-0,28), обидой (-0,39), подозрительностью (-0,37), чувством вины (-0,32), индексом враждебности (-0,41), ситуативной (-0,25) и личной (-0,45) тревожностью, эмоциональным истощением (-0,34), деперсонализацией (-0,45), уровнем невротизации Вассермана (-0,43), непринятием себя

(-0,33), дезадаптивностью (-0,41), эмоциональным дискомфортом (-0,48), и внешним контролем (-0,38).

Чем ниже уровень принятия себя, тем выше риски появления повышенной самокритичности, недовольства собой, обесценивания. Низкий уровень аутосимпатии приводит к тревоге, зависимости от других, дезадаптивности и сниженному эмоциональному фону.

Аутосимпатия отражает благосклонное отношение к себе, доверие к своим внутренним процессам, жизненным взглядам. Чем ниже удовлетворенность собой, тем выше вероятность подавленности, затруднения в выражении эмоций и чувств, сложности в самоидентификации и установлении контактов с окружающими, что и отражено в полученных результатах.

Шкала «Аутосимпатия» отрицательно связана с ситуативной (-0,27) и личной (-0,48) тревожностью, деперсонализацией (-0,33), уровнем невротизации Вассермана (-0,37), дезадаптивностью (-0,29), эмоциональным дискомфортом (-0,34) и ведомостью (-0,28).

Положительная корреляционная связь шкалы «Аутосимпатии» с интегральным показателем адаптации (0,33), интегральным показателем самопринятия (0,24), принятием себя (0,41), интегральным показателем эмоциональной комфортности (0,42), эмоциональным комфортом (0,42), интегральным показателем стремления к доминированию (0,38) отражает реализм в оценке своих качеств, способностей и возможностей, понимание и принятие выработанных ценностей и насущных потребностей, жизнь с самим собой в согласии, обеспечивает эмоциональную удовлетворенность, стремление влиять на процессы своей жизни и контакты в социальной группе.

Позитивная корреляционная связь по шкале «Контактность» была получена с такими показателями, как интегральный показатель самопринятия (0,26), принятие себя (0,28), интегральный показатель эмоциональной комфортности (0,32), а отрицательно связана с раздражением (-0,32), чувством вины (-0,25), ситуативной (-0,24) и личной (-0,39) тревожностью, интегральным показателем адаптации (0,31), дезадаптивностью (-0,26), эмоциональным дискомфортом (-0,27).

Стремление к установлению эмоциональных контактов, направленность на построение наполненных смыслом, близких отношений влияет на способность строить продуктивные отношения в социальных группах, на процессы отражения себя в значимом другом со стороны принятия. Напротив, чем ниже способность к психологическому взаимодействию с людьми, формированию доверительных отношений, тем выше проявления невротических тенденций в форме тревоги, нестабильности в поддержании социальных отношений и гибко приспосабливаться к изменяющимся условиям среды.

Шкала «Гибкость в общении» отрицательно связана с раздражением (-0,37), чувством вины (-0,33), ситуативной (-0,41) и личной (-0,43) тревожностью, эмоциональным истощением (-0,27), деперсонализацией (-0,31), уровнем невротизации Вассермана (-0,36) и эмоциональным дискомфортом (-0,28). Чем ниже проявление гибкости в общении, тем ярче проявление неготовности менять стиль коммуникации в зависимости от ситуации и личности собеседника, тем вероятнее проявление негативных эмоциональных состояний, непринятия себя, неудовлетворенности в коммуникации с группой.

Шкала «Гибкость в общении» проявляет положительную корреляционную связь с интегральным показателем адаптации (0,26), адаптивностью (0,25), принятием себя (0,28), интегральным показателем эмоциональной комфортности (0,35), эмоциональным комфортом (0,25). Чем шире репертуар коммуникативных стратегий, направленность на понимание других и особенностей контакта, способность с легкостью менять тему беседы, тем выше уровень удовлетворенность собой и общением внутри сообществ, состояние эмоциональной безопасности, доверия и принятия.

Шкалы «Самодистанцирование» отрицательно связана с раздражением (-0,24), обидой (-0,26), индексом враждебности (-0,27), личной тревожностью (-0,32), уровнем невротизации Вассермана (-0,27), дезадаптивностью (-0,46), непринятием себя (-0,31), непринятием других (-0,48), эмоциональным дискомфортом (-0,39), внешним контролем (-0,50), ведомостью (-0,36) и эскапизмом (-0,24). Чем ниже способность к самодистанцированию, заметнее фокусировка

на навязчивых желаниях, мыслях, чувствах, потеря ориентации в происходящем, тем вероятнее проявление невротических конфликтов, неприятия себя и других такими, какие есть, направленность на зависимость от внешних факторов и обвинения окружающих в своих неприятностях, подверженности чужому влиянию, избеганием решения и неудовлетворенным положением в социальных группах.

Шкала «Самодистанцирование» имеет положительную связь связана с интегральным показателем адаптации (0,39), интегральным показателем принятия других (0,46), интегральным показателем эмоциональной комфортности (0,28), интегральным показателем интернальности (0,46). Данная корреляционная связь напрямую подтверждает тот факт, что чем выше способность реалистично воспринимать ситуацию, без эмоциональной зависимости от своих желаний и намерений, тем выше удовлетворенность общением и принятием в группе, проявлением своих возможностей, проживание возникающих эмоций без осуждения, обесценивания, принуждения, состояние контроля своей психики и жизни.

Шкала «Самотрансценденция» отрицательно связана с раздражением (-0,27), подозрительностью (-0,33), чувством вины (-0,31), индексом враждебности (-0,32), ситуативной (-0,47) и личной (-0,50) тревожностями, эмоциональным истощением (-0,35), деперсонализацией (-0,44), уровнем невротизации Вассермана (-0,49), дезадаптивностью (-0,62), неприятием себя (-0,56), неприятием других (-0,52), и эмоциональным дискомфортом (-0,56), внешним контролем (-0,55), ведомостью (-0,39) и эскапизмом (уходом от проблем) (-0,36).

Чем ниже трансцендентность как включенность в ценностные основания мира, подчиненность жизни исключительно функциональным целям и действиям, тем выше вероятность склонности к невротизации, подавленности, неудовлетворенности общением в социальных группах, отчужденностью личности, недовольством собой, неприятием других людей, подчиненностью влиянию других, избеганием в решении задач и сложных ситуаций. Самотрансценденция будет затруднена при выраженных невротических состояниях.

Шкала «Самотрансценденция» (ST) корреляционно положительно связана с интегральным показателем стремления к доминированию (0,31), интегральным показателем адаптации (0,71), интегральным показателем самопринятия (0,51), интегральным показателем принятия других (0,60), интегральным показателем эмоциональной комфортности (0,63), интегральным показателем интернальности (0,58), внутренним контролем (0,24).

Самотрансценденция как способность выходить за пределы самонаблюдения, эмоциональную соотнесенность с глобальным смыслом жизни, осуществлении себя в служении делу или в любви к другому человеку, ощущение неразрывной связи со всем человечеством, осознание себя как часть природного и социального мира может влиять на стремление к продвижению своих идей, проявлению возможностей, удовлетворенности общением в социальных группах, установкой на самоценность и ценность мыслей, чувств и действий другого, эмоциональной безопасности и доверия, склонности объяснять свои достижения внутренними факторами, ответственности за свои решения. Состояние полноты бытия человека влияет на потенциал реализации возможностей через себя для других на фоне позитивного эмоционального состояния.

Экзистенциальная ценность шкалы «Свобода» отрицательно связана с раздражением (-0,31), обидой (-0,33), подозрительностью (-0,37), чувством вины (-0,36), индексом враждебности (-0,41), ситуативной тревожностью (-0,45) и личной тревожностью (-0,49), эмоциональным истощением (-0,30), деперсонализацией (-0,42), уровнем невротизации (-0,44), дезадаптивностью (-0,46), непринятием себя (-0,46), непринятием других (-0,35), эмоциональным дискомфортом (-0,50), внешним контролем (-0,44), и ведомостью (-0,28). Чем ниже способность находить возможности и приходить к решению, неуверенность, тем вероятнее проявление невротических механизмов, тревоги, истощения, отчуждения, блоках в процессах взаимодействия субъекта с окружающей средой, нарушением баланса между требованиями среды и психической деятельностью, подчинением внешним условиям и состоянием эмоционального напряжения.

Шкала «Свобода» позитивно связана с интегральным показателем адаптации (0,49), адаптивностью (0,38), интегральным показателем принятия других (0,40), принятием других (0,32), интегральным показателем самопринятия (0,45), принятием себя (0,42), интегральным показателем эмоциональной комфортности (0,47), интегральным показателем интернальности (0,41), интегральным показателем стремления к доминированию (0,30).

Способность находить возможности для принятия и свободной реализации решения связана с возможностью удовлетворения социальных потребностей, способом принимающего взгляда на себя, свою жизнь, на других людей, без иллюзий, без самокритики. Именно это состояние связано с возможностью принимать хорошо обдуманное решение, адекватно реагировать на имеющиеся обстоятельства. Принимая решения, осознавая ответственность, опору на себя в управлении своей жизнью личность ощущает эмоциональную удовлетворенность, что в свою очередь дает уверенность и разрешением выступать с инициативой, влиять на мысли и чувства других.

Шкала «Ответственность» отрицательно связана с раздражением (-0,35), обидой (-0,48), подозрительностью (-0,51), чувством вины (-0,45), индексом агрессии (-0,24), индексом враждебности (-0,57), ситуативной (-0,44) и личной (-0,51) тревожностью, эмоциональным истощением (-0,35), деперсонализацией (-0,46), уровнем невротизации Вассермана (-0,56), дезадаптивностью (-0,68), непринятием себя (-0,58), непринятием других (-0,54), эмоциональным дискомфортом (-0,68), внешним контролем (-0,65), ведомостью (-0,41) и эскапизмом (уходом от проблем) (-0,43).

Страх перед усилиями, обязательствами, проблемами, обязательность ориентиров и гарантий может провоцировать защитные формы поведения такие как раздражение, вину, обидчивость, подозрительность, тревогу, низкую способность взаимодействия с группой, непринятие себя и других, склонность подчиняться внешнему контролю, избеганием и эмоциональной неудовлетворенностью.

Шкала «Ответственность» позитивно связана с интегральным показателем адаптации (0,67), адаптивностью (0,40), интегральным

показателем самопринятия (0,53), принятием себя (0,35), интегральным показателем принятия других (0,51), интегральным показателем эмоциональной комфортности (0,58), интегральным показателем интернальности (0,59), интегральным показателем стремления к доминированию (0,29).

Ценность ответственности в нашем обществе довольно высока, потому что оценивается как гарант безопасности, доверия и стабильности. Способность выполнять обязательства, доводить до конца принятые решения обеспечивает стабильно позитивную самооценку, чувство уверенности, гармоничных отношений в социуме, стремление управлять собой и своей жизнью.

Шкала «Персональность» отрицательно связана с раздражением (-0,33), обидой (-0,35), подозрительностью (-0,42), чувством вины (-0,31), индексом враждебности (-0,44), ситуативной тревожностью (-0,49) и личной тревожностью (-0,58), эмоциональным истощением (-0,39), деперсонализацией (-0,46), уровнем невротизации Вассермана (-0,55), дезадаптивностью (-0,69), непринятием себя (-0,60), непринятием других (-0,60), эмоциональным дискомфортом (-0,65), внешним контролем (-0,65), ведомостью (-0,43) и эскапизмом (уходом от проблем) (-0,34).

Понимая под персональностью уникальный идентификатор личности, включающий когнитивные особенности, эмоциональные реакции, индивидуальные черты и другие характеристики, можем отметить, какие негативные невротические показатели формируются при ее низкой проявленности. Чем ниже личность оценивает собственную уникальность, тем выше вероятность блокирования базовых индивидуальных потребностей и выше значения влияния разрушающих личность тенденций, выраженных в раздражении, обиде, подозрительности, чувстве вины, тревоге, отчуждении, непринятии своих мыслей и чувств, непринятии психологических особенностей других людей, эмоциональной подавленности, подчинением влиянию других и обстоятельств жизни, избеганием в решении проблем.

Шкала «Персональность» положительно связана с интегральным показателем самопринятия (0,52), принятием себя (0,41), интеграль-

ным показателем принятия других (0,65), интегральным показателем адаптации (0,73), адаптивностью (0,54), интегральным показателем интернальности (0,64), интегральным показателем стремления к доминированию (0,31), интегральным показателем эмоциональной комфортности (0,64).

Когнитивная и эмоциональная доступность для себя и для мира влияют на принимающее отношение к себе и другим, включенность и благополучие в участии в групповых процессах, ответственности за свои решения и свою жизнь, настойчивость, доминирование в группе, состояние позитивного восприятия, эмоциональной безопасности и доверия.

Шкала «Экзистенциальность» отрицательно связана с раздражением (-0,40), обидой (-0,51), подозрительностью (-0,53), чувством вины (-0,48), индексом агрессии (-0,25), индексом враждебности (-0,59), ситуативной (-0,51) и личной (-0,57) тревожностью, эмоциональным истощением (-0,38), деперсонализацией (-0,51), уровнем невротизации Вассермана (-0,57), дезадаптивностью (-0,72), непринятием себя (-0,64), непринятием других (-0,54), эмоциональным дискомфортом (-0,74), внешним контролем (-0,67), ведомостью (-0,46) и эскапизмом (уходом от проблем) (-0,43).

Предположим, что непонимание смысла своего существования в этом мире может находить выражение в невротических чувствах, гнев, тревоге, истощении, отчужденности и непонимании инструментов опоры личности, различных формах социально-психологической дезадаптации, выраженной в конфликтах с людьми, непонимании как своих истинных потребностей, мыслей, чувств, индивидуальных особенностей, так и других, подчинением внешнему влиянию, избеганию в решении проблем и состоянием беспокойства.

Шкала «Экзистенциальность» имеет положительную корреляционную связь с интегральным показателем адаптации (0,74), адаптивностью (0,51), интегральным показателем интернальности (0,63), интегральным показателем самопринятия (0,60), принятием себя (0,47), принятием других (0,31), интегральным показателем принятия других (0,57), интегральным показателем эмоциональ-

ной комфортности (0,67), интегральным показателем стремления к доминированию (0,38). Понимание своего места в жизни, смысла своего существования, включенность в жизнь связана со способностью достигать социальных целей, созданию гармоничных отношений с людьми, принятием себя и других с учетом многообразия психологических черт, убеждение и чувств, стремлением влиять своей позицией в социуме, состоянием эмоционального спокойствия и безопасности.

Шкала «Исполненность» отрицательно связана с раздражением (-0,39), обидой (-0,46), подозрительностью (-0,50), чувством вины (-0,43), индексом враждебности (-0,55), ситуативной тревожностью (-0,52) и личной тревожностью (-0,60), эмоциональным истощением (-0,40), деперсонализацией (-0,51), уровнем невротизации (-0,59), дезадаптивностью (-0,74), неприятием себя (-0,65), интегральным показателем принятия других (0,64), принятием других (0,36), неприятием других (-0,60), эмоциональным дискомфортом (-0,73), внешним контролем (-0,70), ведомостью (-0,47) и эскапизмом (-0,41). Полученные взаимосвязи говорят о том, что исполненность будет затруднена в тот момент жизни человека, когда он находится под влиянием дезадаптивных тенденций эмоциональной и личностной сфер. Предположим, что в свою очередь, нерешительность, тревога, неспособность к диалогу, низкая ответственность за свои решения, избегание проблем, стесненность в самовыражении снижают ощущения полноты жизни.

Шкала «Исполненность» осознанность, наполненность жизни смыслом, диалогический обмен с миром с ориентацией реализацию смыслов с опорой на своих потребности, цели, чувства положительно связана с интегральным показателем самопринятия (0,59), принятием себя (0,47), интегральным показателем эмоциональной комфортности (0,69), интегральным показателем интернальности (0,67) интегральным показателем стремления к доминированию (0,37), интегральным показателем адаптации (0,77), адаптивностью (0,55), что вполне может быть выражено в хорошем контакте со сферой позитивного самоотношения, принятием других таки-

ми, какие они есть, стремлением проявляться и влиять, балансом в сфере эмоций и чувств.

Интересные данные, достойные интерпретации были получены при анализе отрицательных корреляционных связей шкал «Ценности» и физической агрессии (-0,29). Казалось бы, развитое самосознание должно обеспечить контроль эмоций, но данные говорят о том, что вероятнее всего, агрессия, как древнейший механизм адаптации и реагирования на триггеры среды, не определяется ценностями и не обеспечивает контроля психики, имея в фокусе реакции внешний объект.

Шкала «Редукция профессиональных достижений» не показала ни одной корреляционной связи с экзистенциальными ценностями. Предположим, что индивидуальная природа с выходом на социальный уровень, это характеристика внутреннего мира человека. Ценности регулируют благополучие во внутренней смысловой сфере. При этом личностные смыслы настолько интериоризированы, что могут не влиять на социальные функции, в частности, на оценку профессиональных успехов.

Выводы

1. Современный научный подход позволяет нам обобщить взгляды на понятие «психологическое благополучие» как совокупность таких характеристик как: понимание своего места в жизни, принятие своих социальных достижений, проживание осознаваемых жизненных смыслов, личностные ценности, экзистенциальная исполненность, акмеологическая зрелость, духовные и нравственные детерминанты личностного развития, удовлетворенность собой и своей жизнью.

2. Исследования российских и зарубежных ученых подтверждают тот факт, что психологическое благополучие является профессионально определяющим состоянием для таких социально значимых профессий как педагог.

3. Наше исследование выявило целый ряд связей, которые подтверждают гипотезу о том, что экзистенциальные ценности «Исполненность», «Экзистенциальность», «Персональность», «От-

ветственность», «Свобода», «Самоотрансценденция», «Самодистанцирование», «Гибкость в общении», «Контактность», «Аутосимпатия», «Самопонимание», «Автономность», «Креативность», «Потребность в познании», «Взгляд на природу человека», «Ориентации во времени» влияют на качество эмоциональных состояний, и являются основой психологического благополучия преподавателя. Игнорирование экзистенциальных ценностей способствует проявлению невротических состояний как дезадаптация, чувство вины, принятие себя, непринятие других, враждебность, истощение, депersonализацию, внешний контроль, ведомость, эскапизм. Принятие экзистенциальных ценностей преподавателем влечет формирование состояний адаптивности, интернальности, самопринятия, принятия других, эмоционального комфорта и др.

4. Психологическое благополучие связано с проявленностью адаптивных эмоциональных состояний на основе социальных ценностей, принятых как экзистенциальные.

5. На основе эмпирического исследования мы доказали смысл введенного нами термина «экзистенциальное благополучие» понимаемое как состояние интериоризации жизненных смыслов исполненности, свободы, самореализации, способствующее комфортному эмоциональному состоянию, снижающему риски невротизации.

Список литературы

1. Батурин Н. А., Башкатов С. А., Гафарова Н. В. Теоретическая модель личностного благополучия // Вестник ЮУрГУ. Серия: Психология. 2013. Т. 6, № 4. С. 4–14. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskaya-model-lichnostnogo-blagopoluchiya> (дата обращения: 07.12.2023).
2. Благополучие личности и экзистенциальная исполненность: теоретико-филос. аспект / Т. Г. Дулинец, О. А. Бенькова, Т. Г. Савельева, А. А. Машанов, О. Н. Догадаев // Философия и культура. 2022. № 10. С. 75–91. <https://doi.org/10.7256/2454-0757.2022.10.39033>
3. Вачков И. В., Храмова Т. К. Аутентичность и самореализация личности в период ранней взрослости. Текст: электронный // Психологическое благополучие личности в период ранней взрослости. М.: Психологическое благополучие личности в период ранней взрослости. 2023. С. 10–15.

- логия и право. 2021. Т. 11, № 4. С. 14–24. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2021110402>
4. Воронина А. В. Оценка психологического благополучия школьников в системе профилактической и коррекционной работы психологической службы: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.04. Томск, 2002. 220 с. URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01002336295> (дата обращения: 07.12.2023).
 5. Григорьева А. А. Экзистенциальный потенциал профессиональной самореализации педагога // Ярославский педагогический вестник. Том 2, Психолого-педагогические науки. 2013. № 1. С. 232–236. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekzistentsialnyy-potentsial-professionalnoy-samorealizatsii-pedagoga> (дата обращения: 07.12.2023).
 6. Джидарьян И. А. Психология счастья и оптимизма / Рос. акад. наук, Ин-т психологии. М.: Ин-т психологии и педагогики, 2013. 267 с.
 7. Иванченко Е. С. Экзистенциально-гуманистическое мировоззрение как основа самосовершенствования в труде преподавателя / Е. С. Иванченко, А. А. Тимофеева // Теория и практика приоритетных научных исследований: сборник научных трудов по материалам XI Международной научно-практической конференции, Смоленск, 17 февраля 2020 года. Смоленск: МНИЦ «НаукоСфера», 2020. С. 29-31.
 8. Карапетян Л.В., Глотова Г.А. Особенности эмоционально-личностного благополучия педагогов // Педагогическое образование в России. 2018. № 9. С. 44-51.
 9. Каяшева О. И. Самопонимание как фактор успешной профессиональной деятельности преподавателя вуза в контексте экзистенциального подхода // Высшее образование сегодня. 2020. № 4. С. 59-62.
 10. Кроник А. А., Ахмеров Р. А. Каузометрия: методы самопознания, психодиагностики и психотерапии в психологии жизненного пути. М.: Смысл, 2003. 285 с.
 11. Леонтьев Д. А. Психология смысла. Природа, строение и динамика смысловой реальности: учеб. пособие для студентов высших учеб. заведений, обучающихся по направлению и специальностям психологии. 3-е изд., доп. М.: Смысл, 2007. 510 с. URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01003116497> (дата обращения: 07.12.2023).

12. Матюшина М. Г. Основные подходы к раскрытию понятия «Субъективное благополучие» в отечественной и зарубежной психологии // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2016. № 182. С. 127–131. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-podhody-k-raskrytiyu-ponyatiya-subektivnoe-blagopoluchie-v-otechestvennoy-i-zarubezhnoy-psihologii> (дата обращения: 07.12.2023).
13. Плугина М. И. Акмеологическое сопровождение профессионального становления преподавателей высшей школы: монография. М.: ПКЦ Альтекс, 2008. 417 с.
14. Русалов В. М. Психологическая зрелость: единая или множественная характеристика? // Психологический журнал. 2006. Т. 27, № 5. С. 83–91.
15. Сапогова Е. Е. Психологическое благополучие современного педагога: экзистенциальный контекст // Современная психология образования: проблемы и перспективы: материалы Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции, Воронеж, 20–22 октября 2016 года / Воронежский государственный педагогический университет; Российское психологическое общество; Департамент образования, науки и молодежной политики Воронежской области. Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2016. С. 202-206.
16. Селигман Мартин Э. П. В поисках счастья: как получать удовольствие от жизни каждый день: пер. с англ. 2-е изд. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2011. 317 с.
17. Ставцев А. А. Позитивные качества личности как предиктор психологического благополучия педагогов в профессиональной деятельности (на модели VIA): диссертация ... кандидата психологических наук : 5.3.5. / Ставцев Алексей Андреевич; [Место защиты: ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»]; Диссовет СПбГУ А5.3.5.23.200]. Санкт-Петербург, 2022. 292 с.
18. Шевеленкова Т. Д., Фесенко П. П. Психологическое благополучие личности: (обзор основных концепций и методика исследования) // Психологическая диагностика. 2005. № 3. С. 95–129.

19. Bradburn N. M. The structure of psychological well-being / With the assistance of C. Edward Noll. Chicago: Aldine Pub. Co., 1969. 320 p. URL: https://www.norc.org/content/dam/norc-org/pdfs/BradburnN_Struc_Psych_Well_Being.pdf (дата обращения: 07.12.2023).
20. Diener E. Subjective well-being: the science of happiness and a proposal for a national index // *American Psychologist*. 2000. Vol. 55, no. 1. P. 34–43. <https://doi.org/10.1037/0003-066X.55.1.34>
21. Diener E., Chan M. Y. Happy people live longer: subjective well-being contributes to health and longevity // *Applied Psychology: Health and Well-Being*. 2011. Vol. 3, no. 1. P. 1–43. <https://doi.org/10.1111/j.1758-0854.2010.01045>
22. Kumar S.P. Workplace Spirituality as an Antecedent of University Teachers' Subjective Well-being: Mediating Role of Job Satisfaction and Job Performance // *Journal of Engineering Education Transformations*. 2020. Vol. 33. P. 137-146.
23. Paula M., Jena L.K. Workplace spirituality, teachers' professional well-being and mediating role of positive psychological capital: An empirical validation in the Indian context // *Int. J. Ethics Syst*. 2022. Vol. 38. P. 1–28.
24. Relationship between Different Dimensions of Workplace Spirituality and Psychological Well-Being: Measuring Mediation Analysis through Conditional Process Modeling / Ahmed R.R., Soomro F.A., Channar Z.A., Hashem E.A.R., Soomro H.A., Pahi M.H., Md Salleh N.Z. // *J. Environ. Res. Public Health*. 2022. Vol. 19, 11244. <https://doi.org/10.3390/ijerph191811244>
25. Ryff C. D. Happiness is everything, or is it? Explorations on the meaning of psychological well-being // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1989. Vol. 57, no. 6. P. 1069–1081. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.57.6.1069>
26. Ryff C. D., Keyes C. L. M. The structure of psychological well-being re-visited // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1995. Vol. 69, no. 4. P. 719–727. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.69.4.719>
27. Waterman A. S. Reconsidering happiness: a eudaimonist's perspective // *The Journal of Positive Psychology*. 2008. Vol. 3, is. 4. P. 234–252. <https://doi.org/10.1080/17439760802303002>

28. Waterman A. S. Two conceptions of happiness: contrasts of personal ex-pressiveness (eudaimonia) and hedonic enjoyment // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1993. Vol. 64, no. 4. P. 678–691. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.64.4.678>
29. Wealth and happiness across the world: material prosperity predicts life evaluation, whereas psychosocial prosperity predicts positive feeling / E. Diener, W. Ng, J. Harter, R. Arora // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2010. Vol. 99, no. 1. P. 52-61. <https://doi.org/10.1037/a0018066>
30. Yongzhan Li. Building well-being among university teachers: the roles of psychological capital and meaning in life // *European Journal of Work and Organizational Psychology*. 2018. Vol. 27. <https://doi.org/10.1080/1359432X.2018.1496909>

References

1. Baturin N. A., Bashkatov S. A., Gafarova N. V. Theoretical model of personal well-being // *Bulletin of SUSU*. A., Gafarova N. V. Theoretical model of personal well-being. *Vestnik YuUrGU. Seriya: Psikhologiya* [Bulletin of SUSU. Series: Psychology], 2013, vol. 6, no. 4, pp. 4-14. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskaya-model-lichnostnogo-blagopoluchiya> (accessed 07.12.2023).
2. Personal well-being and existential fulfillment: theoretical and philosophical aspect / T. G. Dulinet, O. A. Benkova, T. G. Savelyeva, A. A. Mashanov, O. N. Dogadaev. *Filosofiya i kul'tura* [Philosophy and Culture], 2022, no. 10, pp. 75-91. <https://doi.org/10.7256/2454-0757.2022.10.39033>
3. Vachkov I. V., Khramova T. K. Authenticity and self-realization of personality in the period of early adulthood. Text: electronic. *Psikhologiya i pravo* [Psychology and Law], 2021, vol. 11, no. 4, pp. 14-24. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2021110402>
4. Voronina A. V. *Evaluation of psychological well-being of schoolchildren in the system of preventive and corrective work of the psychological service*. Tomsk, 2002, 220 p. URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01002336295> (accessed 07.12.2023).
5. Grigorieva A. A. Existential potential of professional self-realization of a teacher. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik. Tom 2, Psikhologo-pedagog-*

- icheskie nauki* [Yaroslavl Pedagogical Bulletin. Vol. 2, Psychologo-pedagogical sciences], 2013, no. 1, pp. 232-236. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekzistentsialnyy-potentsial-professionalnoy-samorealizatsii-pedagoga> (accessed 07.12.2023).
6. Dzhidaryan I. A. *Psychology of happiness and optimism* / Russian Academy of Sciences, Institute of Psychology. Moscow: Institute of Psychology and Pedagogy, 2013, 267 p.
 7. Ivanchenko E. S. Existential-humanistic worldview as a basis for self-improvement in the work of a teacher / E. S. Ivanchenko, A. A. Timofeeva. *Theory and practice of priority scientific research: a collection of scientific papers on the materials of the XI International Scientific and Practical Conference, Smolensk, February 17, 2020*. Smolensk: MNIC “Naukosphere”, 2020, pp. 29-31.
 8. Karapetyan L.V., Glotova G.A. Features of emotional and personal well-being of teachers. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii* [Pedagogical Education in Russia], 2018, no. 9, pp. 44-51.
 9. Kayasheva O. I. Self-understanding as a factor of successful professional activity of a university teacher in the context of existential approach. *Vyshee obrazovanie segodnya* [Higher Education Today], 2020, no. 4, pp. 59-62.
 10. Kronik A. A., Akhmerov R. A. *Kauzometria: methods of self-knowledge, psychodiagnostics and psychotherapy in the psychology of life path*. Moscow: Sysl, 2003, 285 p.
 11. Leontiev D.A. *Psychology of sense. The nature, structure and dynamics of meaning reality: textbook for students of higher educational institutions studying in the direction and specialties of psychology*. M.: Smysl, 2007p 510 p. URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01003116497> (accessed 07.12.2023).
 12. Matyushina M. G. Main approaches to the disclosure of the concept of “Subjective well-being” in Russian and foreign psychology. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena*, 2016, no. 182, pp. 127-131. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-podhody-k-raskrytiyu-ponyatiya-subektivnoe-blagopoluchie-v-otechestvennoy-i-zarubezhnoy-psihologii> (accessed 07.12.2023).

13. Plugina M. I. *Akmeological support of professional development of higher school teachers*: monograph. Moscow: PKC AI-tex, 2008, 417 p.
14. Rusalov B. M. Psychological maturity: single or multiple characteristic? *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological Journal], 2006, vol. 27, no. 5, pp. 83-91.
15. Sapogova E. E. Psychological well-being of a modern teacher: existential context. *Modern psychology of education: problems and prospects: materials of the All-Russian (with international participation) scientific-practical conference, Voronezh, October 20-22, 2016* / Voronezh State Pedagogical University; Russian Psychological Society; Department of Education, Science and Youth Policy of the Voronezh region. Voronezh: Publishing and Printing Center “Scientific Book”, 2016, pp. 202-206.
16. Seligman Martin E. P. *In Search of Happiness: How to Enjoy Life Every Day*. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber, 2011, 317 p.
17. Stavtsev A. A. Positive qualities of personality as a predictor of psychological well-being of teachers in professional activity (on the VIA model): dissertation ... Candidate of Psychological Sciences. St. Petersburg, 2022, 292 p.
18. Shevelenkova T. D., Fesenko P. P. Psychological well-being of personality: (review of the main concepts and research methodology). *Psikhologicheskaya diagnostika* [Psychological Diagnostics], 2005, no. 3, pp. 95-129.
19. Bradburn N. M. *The structure of psychological well-being* / With the assistance of C. Edward Noll. Chicago: Aldine Pub. Co., 1969, 320 p. URL: https://www.norc.org/content/dam/norc-org/pdfs/BradburnN_Struc_Psych_Well_Being.pdf (accessed 07.12.2023).
20. Diener E. Subjective well-being: the science of happiness and a proposal for a national index. *American Psychologist*, 2000, vol. 55, no. 1, pp. 34-43. <https://doi.org/10.1037/0003-066X.55.1.34>
21. Diener E., Chan M. Y. Happy people live longer: subjective well-being contributes to health and longevity. *Applied Psychology: Health and Well-Being*, 2011, vol. 3, no. 1, pp. 1-43. <https://doi.org/10.1111/j.1758-0854.2010.01045>
22. Kumar S.P. Workplace Spirituality as an Antecedent of University Teachers’ Subjective Well-being: Mediating Role of Job Satisfaction and Job

- Performance. *Journal of Engineering Education Transformations*, 2020, vol. 33, pp. 137-146.
23. Paula M., Jena L.K. Workplace spirituality, teachers' professional well-being and mediating role of positive psychological capital: An empirical validation in the Indian context. *Int. J. Ethics Syst.*, 2022, vol. 38, pp. 1–28.
24. Relationship between Different Dimensions of Workplace Spirituality and Psychological Well-Being: Measuring Mediation Analysis through Conditional Process Modeling / Ahmed R.R., Soomro F.A., Channar Z.A., Hashem E A.R., Soomro H.A., Pahi M.H., Md Salleh N.Z. *J. Environ. Res. Public Health*, 2022, vol. 19, 11244. <https://doi.org/10.3390/ijerph191811244>
25. Ryff C. D. Happiness is everything, or is it? Explorations on the meaning of psychological well-being. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1989, vol. 57, no. 6, pp. 1069–1081. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.57.6.1069>
26. Ryff C. D., Keyes C. L. M. The structure of psychological well-being re-visited. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1995, vol. 69, no. 4, pp. 719–727. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.69.4.719>
27. Waterman A. S. Reconsidering happiness: a eudaimonist's perspective. *The Journal of Positive Psychology*, 2008, vol. 3, is. 4, pp. 234–252. <https://doi.org/10.1080/17439760802303002>
28. Waterman A. S. Two conceptions of happiness: contrasts of personal expressiveness (eudaimonia) and hedonic enjoyment. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1993, vol. 64, no. 4, pp. 678–691. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.64.4.678>
29. Wealth and happiness across the world: material prosperity predicts life evaluation, whereas psychosocial prosperity predicts positive feeling / E. Diener, W. Ng, J. Harter, R. Arora. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2010, vol. 99, no. 1, pp. 52-61. <https://doi.org/10.1037/a0018066>
30. Yongzhan Li. Building well-being among university teachers: the roles of psychological capital and meaning in life. *European Journal of Work and Organizational Psychology*, 2018, vol. 27. <https://doi.org/10.1080/1359432X.2018.1496909>

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Бусыгина Татьяна Александровна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии и педагогики
ФГБОУ ВО «Самарский государственный социально-педагогический университет»
ул. Максима Горького, 65/67, г. Самара, 443090, Российская Федерация
psipraxis@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Tatyana A. Busygina, candidate of psychological sciences, associate professor of the department of psychology and pedagogy
Samara State University of Social Sciences and Education
65/67, Maxim Gorky Str., Samara, 443090, Russian Federation
psipraxis@mail.ru
SPIN-code: 4696-7306
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6595-3513>

Поступила 22.01.2024

После рецензирования 06.03.2024

Принята 10.03.2024

Received 22.01.2024

Revised 06.03.2024

Accepted 10.03.2024

DOI: 10.12731/2658-4034-2024-15-1-435
УДК 316.6.

Научная статья | Социальная психология

ДОВЕРИЕ И УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ ПОМОЩЬЮ, ПОЛУЧАЕМОЙ ОТ ЗНАЧИМЫХ БЛИЗКИХ

*И.В. Кузнецова, Э.Ш. Илалова,
Ж. Баалбаки, Р.И. Гвоздкова*

Обоснование. Многочисленные исследования отмечают важную роль доверия в выстраивании разнообразных отношений. В нашем исследовании мы сосредоточились на изучении связи доверия (персонализированного и генерализованного) и восприятия человеком оказываемой ему помощи от своих значимых близких в трудных жизненных ситуациях.

Методы исследования. Методика «Критические жизненные ситуации» И.В. Кузнецовой, А.Л. Свенцицкого; Методика «Доверие» Л.Г. Почебут, М.И. Килошенко, А.Л. Свенцицкий, Т.В. Казанцева; Методика «Шкала психологического благополучия» К. Рифф в адаптации Т.Д. Шевеленковой; социально-демографическая анкета. Обработка полученных данных проводилась в IBM SPSS Statistics Subscription. В исследовании были применены следующие методы математической статистики: анализ первичных статистик, *t* критерий Стьюдента множественный дисперсионный анализ (критерий Шеффе и межгрупповых эффектов), корреляционный и регрессионный анализы.

Результаты. Наше исследование подтверждает важную положительную взаимосвязь доверия (как персонального так и генерализованного) и уровня удовлетворенности помощью. Наиболее запрашиваемой помощью (вне зависимости от пола) является потребность в моральной поддержке. В качестве наиболее значимых лиц чаще всего называют мать, отца. Переизбыток помощи часто

связывают с излишней включенностью близких в решение ситуаций межличностного взаимодействия и оказание помощи без запроса. Об этом чаще говорят мужчины с высоким уровнем психологического благополучия.

Заключение. Данное исследование затронуло также такие вопросы о роли и функциях друзей, партнеров (супругов/жен/невест и женихов) в жизни современного молодого человека. Данные вопросы будут дополнительно рассмотрены в дальнейшем.

Ключевые слова: критические жизненные ситуации; доверие; помощь; виды помощи; значимые близкие

Для цитирования. Кузнецова И.В., Илалова Э.Ш., Баалбаки Ж., Гвоздкова Р.И. Доверие и удовлетворенность помощью, получаемой от значимых близких // *Russian Journal of Education and Psychology*. 2024. Т. 15, № 1. С. 209-225. DOI: 10.12731/2658-4034-2024-15-1-435

Original article | Social Psychology

TRUST AND SATISFACTION WITH HELP RECEIVED FROM SIGNIFICANT LOVED ONES

*I.V. Kuznetsova, E.S. Ilalova,
J. Baalbaki, R.I. Gvozdikova*

Background. Numerous studies have noted the role of trust in building a variety of relationships. In our study, we focused on studying the connection between trust (personalized and generalized) and a person's perception of the help provided to him in difficult life situations from their loved ones.

Research methods. Method of "Critical life situations" by I.V. Kuznetsova, A.L. Svetsitsky; Method of "Trust" L.G. Pochebut, M.I. Kiloshenko, A.L. Svetsitsky, T.V. Kazantseva; Method of "Psychological Well-Being Scale" by K. Rieff, adapted by T.D. Shevelenkova; socio-demographic questionnaire. Processing of the obtained data was carried out in IBM SPSS Statistics Subscription. The following methods

of mathematical statistics were used in the study: analysis of primary statistics, Student's t test, multiple analysis of variance (Scheffé test and intergroup effects), correlation and regression analyses.

Results. *Our study confirms the important positive relationship between trust (both personal and generalized) and the level of satisfaction with assistance. The most requested help (regardless of gender) is the need for moral support. The most significant person is mostly either the mother or the father. An overabundance of help is often associated with the excessive involvement of loved ones in solving situations of interpersonal interactions and providing help without a request. Men with a high level of psychological well-being admit that more often.*

Conclusion. *This study also touched upon such issues as the roles and functions of modern friends, partners (spouses/wives/fancés and grooms) in the life of a modern young man, in which he can only receive basic help from relying on himself or his parents. This issue will be further discussed in the future.*

Keywords: *critical life situations; trust; help; types of help; significant and loved ones*

For citation. *Kuznetsova I.V., Ilalova E.S., Baalbaki J., Gvozdikova R.I. Trust and Satisfaction with Help Received from Significant Loved Ones. Russian Journal of Education and Psychology, 2024, vol. 15, no. 1, pp. 209-225. DOI: 10.12731/2658-4034-2024-15-1-435*

Введение

В психологии доверие чаще всего понимается как базовая установка, фиксируемая в раннем детстве, которая затем выступает системным свойством, определяющим дальнейшее взаимодействие человека с миром. Ряд отечественных авторов определяют доверие как: личностный феномен [3] или психосоциальное явление [17, 3, 10]; как реакцию на жизненную ситуацию [7]. Разнообразные подходы к доверию рассматриваются в работах Л.Г. Почебут и В.А. Чикер [14].

В исследованиях А.Б. Купрейченко [8] подчеркивается, что в основе доверия находится эмоционально-позитивное отношение, открытость и интерес субъекта по отношению к партнеру. В исследованиях

Сабу С. [20] доверие рассматривается как основа любых социальных отношений, при этом в исследовании была выявлена тесная взаимосвязь доверия с эмоциональной зрелостью и прощением. По этим показателям значимых половых различий выявлено не было.

По определению Т.П. Скрипкиной, доверие — это форма веры, представляющая в социально-психологическом плане самостоятельный вид установки-отношения к миру и к себе [17], компонент, который позволяет преодолевать трудные жизненные ситуации [13].

Если говорить о трудных жизненных ситуациях, то важна субъективная оценка конкретной ситуации, как трудной [10]. На особенности адаптации к трудным жизненным ситуациям оказывает большое влияние социальная поддержка, а также активная коппинг-стратегия («проактивный коппинг») [12], особенности саморегуляции человека [2], его социальной адаптации [18], жизнестойкость и когнитивная оценка жизненной ситуации с целью выбора наилучшего коппинга [11]. В работах Клименко В.А., Гришиной А.В. [6] были выявлены возрастные особенности содержания понятия «трудная жизненная ситуация». Так, у студентов трудная ситуация была чаще связана с учебой и здоровьем близких (исследование проводилось в ситуации пандемии).

Изучению различных видов помощи, получаемой от своего социального окружения посвящены исследования Кузнецовой И.В., Свенцицкого А.Л. [15, 16]. Можно предположить, что именно социальная поддержка в трудных жизненных ситуациях является тем «буферным эффектом», который способствует адаптации к трудным жизненным ситуациям и тем самым не только помогает справляться с такими ситуациями, но и повышает субъективное благополучие человека.

В ряде исследований рассматриваются различные категории помощи, такие как: помощь случайная, помощь в чрезвычайных обстоятельствах, существенная личная помощь и эмоциональная помощь [10]. На стремление оказать помощь, кроме внутренних факторов, таких как личностные особенности, эмоциональное состояние, влияют также и следующие внешние факторы: особенности

самой формы просьбы о помощи, особенности характера взаимоотношений, наличие примера для подражания и другие [5]. При этом восприятие помощи может отличаться в зависимости от ситуации: от наличия (или отсутствия) просьбы о помощи, отношения к «помогающему» им человеку, соотношения запроса о конкретной помощи и получаемой помощи и т.д. В наших исследованиях [15, 16] рассматриваются такие виды помощи как физическая помощь, информационная помощь, моральная помощь, помощь в переключении, отвлечении и финансовая помощь.

Целью нашего исследования явилось изучение особенностей восприятия человеком оказываемой ему помощи в трудных жизненных ситуациях от своих значимых близких в связи с особенностями персонального и генерализованного доверия человека. В качестве дополнительных вопросов перед нами стояли следующие: Кого современная молодежь (около 30 лет) относит к значимым близким? За каким видом помощи обращаются чаще всего? Какую помощь чаще получают? В какой отказывают? Есть ли половые различия? И другие вопросы.

В качестве **гипотез** выступили следующие: 1. Запрос в моральной поддержке является наиболее значимым вне зависимости от пола. 2. Удовлетворенность оказываемой помощью напрямую связана с уровнем доверия помогающему человеку.

Материал и методы исследования

Описание выборки: Всего в исследовании приняли участие 64 человека ($M=31,7$ при $\sigma\pm 2,4$) в возрасте от 27 до 36 лет. Выборку составили 29 мужчин (45%) и 35 (55%) женщин. 92 % респондентов имеют высшее образование; распределение по семейному положению: у 28,1% (18 чел.) в настоящий момент нет отношений, 26,6% (17 чел.) находятся в незарегистрированных отношениях, 45,3% (29 чел.) состоят в браке. У 75% респондентов на момент проведения исследования нет детей. 79,7% проживают в собственной квартире. Значимых различий по указанным социально-демографическим показателям в группах мужчин и женщин обнаружено не было.

Методы, используемые в исследовании

Используемые методы и описание исследования:

1. Методика «Критические жизненные ситуации» И.В. Кузнецовой, А.Л. Свенцицкого [11]. Методика направлена на выявление обращений человека за помощью к своему социальному окружению в трудных жизненных ситуациях, а также на изучение удовлетворённости оказанной ему помощью в трудных жизненных ситуациях.

Респондентам было предложено выбрать и указать трех человек из своего окружения, которые являются наиболее значимыми для него. Далее были предложены ряд трудных жизненных ситуаций (помощь в выборе сферы профессиональной деятельности, серьезная личная болезнь или травма, потеря близкого человека - разрыв отношений, сильная ссора, смерть). По каждой из предложенных ситуаций предлагалось отметить вид помощи, который оказывал значимый человек (из трех выбранных ранее значимых людей) в конкретной трудной жизненной ситуации. Оцениваемыми видами помощи были следующие: моральная (эмоциональная) поддержка; физическая помощь; наполнение досуга, переключение; финансовая помощь; привлечение «связей»; профессиональная помощь; предоставление информации, совета, идеи; решение вопроса. После этого респонденту было предложено по шкале от 0 до 4 оценить удовлетворённость оказанной ему помощью каждым из значимых людей, где 0 - помощь была не оказана, 1 - оказана недостаточно, 2 - оказана, но хотелось бы больше, 3 - помощь оказана в полном объеме, 4 - помощи было предоставлено излишне много.

2. Методика «Доверие» Л.Г. Почебут, М.И. Килошенко, А.Л. Свенцицкий, Т.В. Казанцева [11]. В основе методики положена шкала доверия личности, разработанная Д.Йеком и Б. Ротштейном. Шкала доверия Д. Йека и Б. Ротштейна является усовершенствованной версией шкалы доверия Т. Ямагиши.

Методика представляет собой опросник из 20 утверждений: 10 утверждений по персональному доверию и 10 утверждений по генерализованному (общему) доверию. В результате разницы между уровнем персонального доверия и недоверия высчитывался *индекс персонального доверия*.

3. Социально-демографическая анкета

4. Методика «Шкала психологического благополучия» К. Рифф в адаптации Т.Д. Шевеленковой также использовалась в исследовании, однако более подробные результаты, полученные с ее помощью, будут рассмотрены в другой статье.

Результаты эмпирического исследования

Виды помощи со стороны значимых близких

Говоря о наиболее значимом человеке респонденты в возрасте около 31,7 года, вне зависимости от пола, чаще всего называют мать (34 человека указывают ее на первое место, 14 - на второе). В целом, упоминают о матери как о значимом человеке - 78% респондентов (рисунок 1). Чуть меньше половины (45,31%) к значимым людям отнесли отца. О друзьях как значимых близких людях говорят 35,4%. Родственники - четвертая по упоминанию категория (28,13%), интересно отметить, что больше половины говорят в этом случае о бабушке. Супруга/супругу/невесту/жениха (в сумме) отнесло к значимым людям лишь половина респондентов.

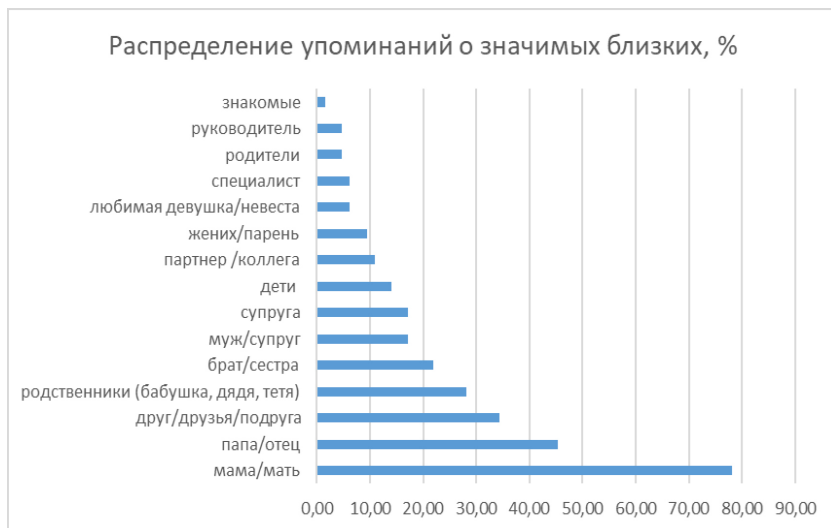

Рис. 1. Распределение упоминаний значимых близких респондентами, %.

В трудных жизненных ситуациях чаще всего респонденты обращаются за моральной поддержкой (153 обращения); за советом, идеями, за информацией - обращались 139 раз; за «наполнением досуга, переключением» - обращались 120 раз, за финансовой помощью - 116 раз; за физической помощью - 98 раз; для привлечения «связей» - 68 обращений; за профессиональной помощью - 76; и решением ситуации - 36 раз. Выявлены обратные взаимосвязи между запросом о физической помощи и материальным положением ($p=0,009$): т.е. чем выше финансовое положение, тем реже респонденты задействуют свое ближайшее окружение для решения подобных задач (связанных с физической помощью), и наоборот.

В целом большинство респондентов были удовлетворены оказываемой им помощью по всем рассматриваемым ситуациям (61,5%; 64,4%; 55,0% соответственно). При этом были не удовлетворены оказываемой помощью около 10% (10,3%, 6,7%; 10,9% - соответственно). Интересно, что свыше 20% респондентов отмечают избыточность этой помощи (19,9%, 15,4%; 21,7% - соответственно). Избыточность помощи часто связывают с родителями (мать, отец), друзьями и сиблингами. Возможно, это связано с оказанием помощи в определенных ситуациях без просьбы о таковой, или излишней включенности таких помогающих людей в ситуацию. Если рассматривать ситуации в целом можно обратить внимание, что наибольшая удовлетворенность помощью была в ситуации личной болезни (травмы). В то время как в ситуациях выбора профессии и в ситуации потери, разрыве с близким человеком удовлетворенность помощью снижалась. Интересно, что чрезмерность помощи значимо чаще отмечают мужчины с высоким уровнем субъективного благополучия, чем женщины ($p=0,029$).

Не во всех ситуациях респонденты однозначно получали запрашиваемую помощь. В большинстве ситуаций все варианты помощи оказывала значимо чаще мать. Отец - также чаще не отказывал в помощи. По всем остальным ситуациям, видам помощи и помощникам встречаются варианты от оказания помощи до отказа. Одинаковая вероятность как оказания помощи, так и отказа в ней

со стороны остальных «помощников» была выявлена по запросу в моральной, физической помощи, в помощи по заполнению досуга и поиску знакомых-специалистов. Преобладание отказов было выявлено по запросам на финансовую помощь.

На рисунке 2 представлено распределение обращений респондентов за определенным видом помощи к значимым близким (в %). Как мы можем видеть, по всем ситуациям обращаются чаще всего к матери, чуть реже - к отцу. Данное распределение характерно как для мужчин, так и для женщин (значимых отличий по полу выявлено не было).

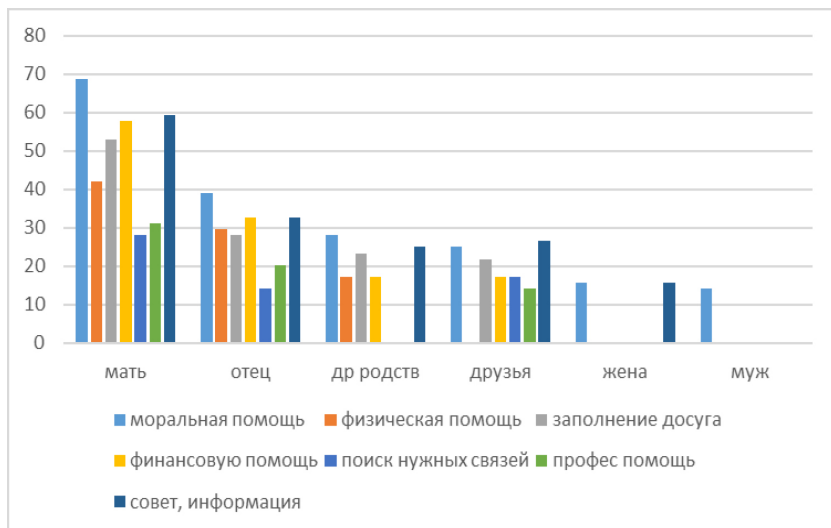

Рис. 2. Распределение обращений за помощью к значимым близким (%)

Обращает на себя внимание то, что за заполнением досуга, за развлечением, переключением одинаково часто обращаются как к родственникам (бабушке), так и к друзьям.

Отдельно хочется обратить внимание на практическое отсутствие запроса о помощи к мужьям и женам, несмотря на то, что 71,9% респондентов отнесли себя к «замужним/женатым» или «находящимся в гражданском браке».

Доверие

В целом респонденты достаточно доверяют своим значимым близким, при этом 65% говорят о высоком уровне доверия, 15% об очень высоком уровне, 15% - о некотором уровне доверия и 5% - о преобладании недоверия к значимым близким. В целом, по практически по всем категориям значимых близких, персональное доверие преобладает над недоверием.

Сравнение уровня индивидуального доверия (высокий-средний-низкий) к значимым близким выявило значимые отличия по следующим показателям: для респондентов с высоким уровнем индивидуального доверия характерна более высокая удовлетворенность оказываемой им помощью в целом ($p=0,024$), а также более высокие оценки получаемой моральной поддержки ($p=0,021$), наполнения досуга ($p=0,007$), совета ($p=0,004$) и удовлетворенности от решения вопроса ($p=0,009$). Можно предположить, что уровень доверия позволяет респонденту сконцентрироваться на самой помощи, не отвлекаясь на сомнения в том, что «близкие люди сделали всё, что могли». Данные выводы дополнительно подтверждаются и результатами корреляционного анализа: была выявлена обратная взаимосвязь между удовлетворенностью оказываемой помощью и персональным недоверием ($p=0,006$). Аналогичные результаты были получены и по генерализованному доверию. При этом регрессионный анализ не показал влияние уровня доверия на удовлетворенность помощью, т.е. эти показатели тесно взаимосвязаны, но говорить об однозначном влиянии одного показателя на другой нельзя.

Обсуждение результатов

На основании полученных данных можно предположить, что в настоящее время меняется роль друзей, ранее понимаемых как близких людей, готовых оказать помощь в любой момент. Видимо, меняется их функция. При этом сохраняется тесное взаимодействие в детско-родительских отношениях у детей, достигших 30 лет. Родители, а особенно мама, в большинстве случаев, остаются для этих людей основным безотказным источником любой помощи.

Отдельный момент, который привлекает внимание - роль противоположного пола, романтического партнера, мужа (супруги), к которому(ой) респонденты нашей выборки почему-то меньше обращаются за помощью, чем к родителям, с учетом того, что 70% респондентов отнесли себя к замужним (женатым) или находящимся в гражданском браке, в возрасте в среднем 30 лет. Возможно, это объясняется особенностями самой выборки, а возможно это особенность поколенческая, при которой респондент старается играть в паре ведущую роль, и в ситуации трудностей старается рассчитывать на себя, в крайнем случае на иных значимых «взрослых» (родителей). Т.е. роль супругов (мужей/жен) как и роль друзей, видимо, (судя по результатам наших исследований) может постепенно меняться. Еще одним объяснением подобных результатов может быть то, что предложенные ситуации возникли ранее вступления в брак. Данный вопрос необходимо будет прояснить в дальнейшем исследовании.

Отдельно хочется остановиться на роли доверия. Наши данные подтверждают, что общий позитивный настрой, доверие к другим людям играют позитивную роль на удовлетворенность получаемой помощью. При этом недоверие, как генерализованное, так и персональное, возможно, смещает внимание респондентов с самого факта получаемой помощи на размышления о мотивах оказываемой им помощи и ее полноте.

Заключение

По результатам нашего исследования можно говорить о тесной взаимосвязи между доверием к значимому близкому человеку и удовлетворенностью оказываемой помощью, вне зависимости от пола. О переизбытке помощи чаще говорят мужчины с высоким уровнем психологического благополучия. Наиболее значимые людьми, которые оказывают разнообразные виды помощи, это родители, преимущественно мамы. При этом мамы чаще всего предоставляют всю запрашиваемую помощь, в то время как другие значимые люди могут как оказать эту помощь, так и отказать в ней. Преобладание отказов в помощи наблюдается в запросах на финансовую помощь.

Конфликт интересов. Авторы не заявляют о конфликте интересов.

Список литературы

1. Антоненко И.В. Социальная психология доверия: автореф. дисс... докт. психол. наук. Ярославль, 2006.
2. Велиева С.В. Особенности психических состояний обучающихся в ситуациях разной степени неопределенности // Казанский педагогический журнал. 2019. №6. С. 170-176. <https://doi.org/10.34772/KPJ.2019.137.6.008>
3. Головей Л.А., Данилова Ю.Ю. Семейные факторы формирования доверия и удовлетворенность жизнью в подростковом возрасте // Вестник СПбГУ. СПб.: Изд-во СПбГУ, сер. 12, вып. 1, 2015. С. 28-37.
4. Гущина Т. В. Адаптация к другой культуре как трудная жизненная ситуация и совладание с ней: роль социальных представлений // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2009. Том 15. С. 177-182.
5. Ильин Е. П. Психология помощи. Альтруизм, эгоизм, эмпатия. 2013, 304 с.
6. Клименко В.А. Психологические предикторы адаптации образовательных мигрантов к трудной жизненной ситуации / В. А. Клименко, А. В. Гришина // Инновационная наука: психология. педагогика. Дефектология. 2021. Том 4, № 1. <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2021-4-1-62-76>
7. Куницына В.Н. Межличностное общение: учебник / В.Н. Куницына, Н.В. Казаринова, В.М. Погольша. Санкт-Петербург: Питер, 2003. 544 с.
8. Купрейченко А.Б. Психология доверия и недоверия. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008. 564 с.
9. Методы и методология социально-психологических исследований / Почебут Л.Г., Гуриева С.Д., Чикер В.А., Доминяк В.И., Казанцева Т.В., Кузнецова И.В., Куликов Л.В., Марарица Л.В., Недошивина М.А., Свенцицкий А.Л., Удавихина У.А., Юмкина Е.А., Яничева Т.Г. СПб.: Питер, 2023. 640 с.
10. Морозова Н. Н. Особенности психологической адаптации подростков к трудным жизненным ситуациям / Н.Н. Морозова, С.Н. Никишов,

- И.С. Осипова, С.И. Баляев // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2022. Т. 22, № 4. С. 459-476. <https://doi.org/10.15507/2078-9823.060.022.202204.459-476>
11. Осин Е. Н., Леонтьев Д. А. Краткие русскоязычные шкалы диагностики субъективного благополучия: психометрические характеристики и сравнительный анализ // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. №1. С. 117-142. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.06>
 12. Пилюшвили Т.С. Проактивный копинг как ресурсный потенциал личности в процессе адаптации к новым условиям жизни/ Т.С. Пилюшвили, Исмаил Аль Масри // Вестник РУДН, серия Педагогика и психология. 2016. № 2. С. 75-83.
 13. Полина А.В. Доверие и психологическая безопасность как взаимосвязанные условия преодоления трудной жизненной ситуации / А.В. Полина, Е. В. Овчарова // Национальная ассоциация ученых (НАУ). 2020. № 61. С. 40-43. <https://doi.org/10.31618/nas.2413-5291.2020.4.61.338>
 14. Почебут Л.Г. Психология доверия в организации / Л.Г. Почебут, В.А. Чикер // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 6. С. 65-76.
 15. Свенцицкий А.Л. Социально-психологический круг общения личности в ситуациях помогающего поведения / А.Л. Свенцицкий А.Л., И.В. Кузнецова. // Социальная психология: история и современность. Хрестоматия. Москва, 2021. С. 68-79.
 16. Свенцицкий А.Л. Социально-психологический круг общения личности в ситуациях помогающего поведения / А.Л. Свенцицкий А.Л., И.В. Кузнецова. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 16. Психология. Педагогика. 2015. № 4. С. 82-92.
 17. Скрипкина Т. П. Психология доверия: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2000. 264 с.
 18. Ягафарова А.А. Переживание фрустрационных ситуаций в связи с уровнем социальной адаптации // Вестник науки. 2023. Т. 5. № 1 (58). С. 162-166.
 19. Breckler S.J. Olson J.M. Wiggins E.C. Social psychology alive. Boston: Thomson Wadsworth, 2006.

20. Sabu S., Majeed J. Emotional maturity, trust and forgiveness in relation to psychological well-being among adults // *International Journal of Health Sciences*, 2022, vol. 6(S2), pp. 6661-6676. <https://doi.org/10.53730/ijhs.v6nS2.6624>

References

1. Antonenko I.V. *Social psychology of trust*. Yaroslavl, 2006.
2. Velieva S.V. Features of mental states of students in situations of different degrees of uncertainty. *Kazanskiy pedagogicheskiy zhurnal [Kazan Pedagogical Journal]*, 2019, no. 6, pp. 170-176. <https://doi.org/10.34772/KPJ.2019.137.6.008>
3. Golovei L.A., Danilova Y.Y. Family factors of trust formation and life satisfaction in adolescence. *Vestnik SPbGU*, 2015, ser. 12, vol. 1, pp. 28-37.
4. Gushchina T. V. Adaptation to another culture as a difficult life situation and coping with it: the role of social perceptions. *Vestnik KGU im. N.A. Nekrasova*, 2009, vol. 15, pp. 177-182.
5. Ilyin E. P. *Psychology of help. Altruism, egoism, empathy*. 2013, 304 p.
6. Klimenko V.A. Psychological predictors of adaptation of educational migrants to a difficult life situation / V.A. Klimenko, A.V. Grishina. *Innovatsionnaya nauka: psikhologiya. pedagogika. Defektologiya* [Innovative science: psychology, pedagogy. Defectology], 2021, vol. 4, no. 1. <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2021-4-1-62-76>
7. Kunitsyna V.N. *Interpersonal communication: textbook* / V.N. Kunitsyna, N.V. Kazarinova, V.M. Pogolsha. St. Petersburg: Peter, 2003, 544 p.
8. Kupreichenko A.B. *Psychology of trust and distrust*. Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences Publ., 2008, 564 p.
9. *Methods and methodology of socio-psychological research* / Pochebut L.G., Gurieva S.D., Chiker V.A., Dominiak V.I., Kazantseva T.V., Kuznetsova I.V., Kulikov L.V., Mararitsa L.V., Nedoshivina M.A., Sventsitsky A.L., Udavikhina U.A., Yumkina E.A., Yanicheva T.G. SPb.: Peter, 2023, 640 p.
10. Morozova N. N. Features of psychological adaptation of adolescents to difficult life situations / N.N. Morozova, S.N. Nikishov, I.S. Osipova, S.I. Balyaev. *Gumanitariy: aktual'nye problemy gumanitarnoy nau-*

- ki i obrazovaniya* [Humanitarian: Actual problems of humanitarian science and education], 2022, vol. 22, no. 4, pp. 459-476. <https://doi.org/10.15507/2078-9823.060.022.202204.459-476>
11. Osin E. N. N., Leontiev D. A. Short Russian-language scales for diagnosing subjective well-being: psychometric characteristics and comparative analysis. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* [Monitoring of public opinion: economic and social changes], 2020, no. 1, pp. 117-142. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.06>
 12. Pilishvili T.S. Proactive coping as a resource potential of personality in the process of adaptation to new living conditions / T.S. Pilishvili, Ismail Al Masri. *Vestnik RUDN, seriya Pedagogika i psikhologiya*, 2016, no. 2, pp. 75-83.
 13. Polina, A.V. Trust and psychological safety as interrelated conditions for overcoming a difficult life situation / A.V. Polina, E.V. Ovcharova. *Natsional'naya assotsiatsiya uchenykh (NAU)* [National Association of Scientists], 2020, no. 61, pp. 40-43. <https://doi.org/10.31618/nas.2413-5291.2020.4.61.338>
 14. Pochebut L.G. Psychology of trust in the organization / L.G. Pochebut, V.A. Chiker. *Psikhologicheskiy zhurnal* [Psychological Journal], 2017, vol. 38, no. 6, pp. 65-76.
 15. Svetsitsky A.L. Social-psychological circle of personality communication in situations of helping behavior / A.L. Svetsitsky A.L., I.V. Kuznetsova. *Sotsial'naya psikhologiya: istoriya i sovremennost'*. *Khrestomatiya* [Social psychology: history and modernity. Chrestomathy]. Moscow, 2021, pp. 68-79.
 16. Svetsitsky A.L. Social and psychological circle of communication of the personality in situations of helping behavior / A.L. Svetsitsky A.L., I.V. Kuznetsova. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 16. Psikhologiya. Pedagogika* [Bulletin of St. Petersburg University. Series 16. Psychology. Pedagogy], 2015, no. 4, pp. 82-92.
 17. Skripkina T. P. *Psychology of trust: Textbook for students of higher pedagogical educational institutions*. Moscow: Academy Publ., 2000, 264 p.
 18. Yagafarova A.A. Survival of frustration situations in connection with the level of social adaptation. *Vestnik nauki*, 2023, vol. 5, no. 1 (58), pp. 162-166.

19. Breckler S.J. Olson J.M. Wiggins E.C. *Social psychology alive*. Boston: Thomson Wadsworth, 2006.
20. Sabu S., Majeed J. Emotional maturity, trust and forgiveness in relation to psychological well-being among adults. *International Journal of Health Sciences*, 2022, vol. 6(S2), pp. 6661-6676. <https://doi.org/10.53730/ijhs.v6nS2.6624>

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Кузнецова Ирина Викторовна, канд. психол. наук, доцент кафедры «Социальная психология»
Санкт-Петербургский государственный университет
Университетская наб., 7/9, г. Санкт-Петербург, 199034, Российская Федерация
irin_kuznecova@mail.ru

Илалова Элина Шамильевна, выпускник отделения переподготовки
Санкт-Петербургский государственный университет
Университетская наб., 7/9, г. Санкт-Петербург, 199034, Российская Федерация
ilalova.elina@gmail.com

Баалбаки Жуллианна, студент факультета психологии, программа бакалавриат
Санкт-Петербургский государственный университет
Университетская наб., 7/9, г. Санкт-Петербург, 199034, Российская Федерация
st112810@student.spbu.ru

Гвоздкова Регина Игоревна, аспирант кафедры социальной психологии
Санкт-Петербургский государственный университет
Университетская наб., 7/9, г. Санкт-Петербург, 199034, Российская Федерация
reginagvozdкова@gmail.com

DATA ABOUT THE AUTHORS

Irina V. Kuznetsova, PhD, Associate Professor

St. Petersburg State University

7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

irin_kuznecova@mail.ru

SPIN-code: 6085-9516

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2922-8044>

ResearcherID: M-7484-2015

Scopus Author ID: 57201677778

Elina S. Ilalova, Graduate of the Retraining Department

St. Petersburg State University

7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

ilalova.elina@gmail.com

Juliana Baalbaki, Student of the Faculty of Psychology, bachelor's program

St. Petersburg State University

7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

st112810@student.spbu.ru

Reniga I. Gvozdokva, Postgraduate Student of the Department of Social Psychology

St. Petersburg State University

7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

reginagvozdokva@gmail.com

Поступила 14.01.2024

После рецензирования 25.01.2024

Принята 29.01.2024

Received 14.01.2024

Revised 25.01.2024

Accepted 29.01.2024

DOI: 10.12731/2658-4034-2024-15-1-526

УДК 616.12-008.331.1:616.89-008.454-053.9

Научная статья | Общая психология, психология личности, история психологии

УРОВНИ СИТУАТИВНОЙ И ЛИЧНОСТНОЙ ТРЕВОЖНОСТИ У ЛИЦ СТАРШИХ ВОЗРАСТНЫХ ГРУПП

*Л.А. Филимонова, Ю.А. Згура, И.И. Барон, В.В. Кусаев,
Е.Л. Давыдов, И.А. Алексеев, Р.А. Яскевич*

Распространенность тревожных расстройств у лиц старших возрастных групп становится значительным бременем для общественного здравоохранения. По сравнению с другими возрастными группами, лица пожилого возраста, имеющие тревожные расстройства, часто остаются без своевременной диагностики и лечения этих расстройств. В свою очередь, ненадлежащая оценка тревожности и её несвоевременная медикаментозная коррекция создают сложности в устранении ряда других медицинских проблем и, соответственно, могут быть причиной прогрессирования различных соматических заболеваний.

Цель. Изучить возрастные особенности уровней ситуативной и личностной тревожности у лиц старших возрастных групп.

Материалы и методы. В настоящем исследовании приняли участие пациенты с артериальной гипертонией в возрасте от 45 до 90 лет. Всего обследовано 535 больных, из которых 266 чел. составили группу пожилого возраста и 103 чел. – группу старческого возраста. С помощью опросника State-Trait Anxiety Inventory (STAI), предназначенного для самооценки различных уровней тревожности, была проведена оценка выраженности личностной и ситуативной тревожности.

Результаты. Частота ситуативной и личностной тревожности варьировала в диапазоне от 3,25% до 40,4% и была несколько ниже у лиц старших возрастных групп. Среди мужчин старших

возрастных групп частота повышенного и выраженного уровней личностной тревожности была статистически значимо выше в сравнении с женщинами аналогичной возрастной группы. Как среди женщин, так и среди мужчин старческого возраста выраженные уровни ситуативной тревожности встречались чаще в сравнении с лицами младших возрастных групп.

Заключение. У лиц старших возрастных групп выраженность уровней личностной и ситуативной тревожности имела зависимость от возраста и пола обследованных.

Ключевые слова: ситуативная тревожность; личностная тревожность; пожилой возраст; старческий возраст

Для цитирования. Филимонова Л.А., Згура Ю.А., Барон И.И., Кусаев В.В., Давыдов Е.Л., Алексеев И.А., Яскевич Р.А. Уровни ситуативной и личностной тревожности у лиц старших возрастных групп // *Russian Journal of Education and Psychology*. 2024. Т. 15, № 1. С. 226-250. DOI: 10.12731/2658-4034-2024-15-1-526

Original article | General Psychology, Personality Psychology, History of Psychology

LEVELS OF SITUATIONAL AND PERSONAL ANXIETY IN OLDER AGE GROUPS

**L.A. Filimonova, Yu.A. Zgura, I.I. Baron, V.V. Kusaev,
E.L. Davydov, I.A. Alekseev, R.A. Yaskevich**

The prevalence of anxiety disorders in older age groups is becoming a significant burden on public health. Compared with other age groups, elderly people suffering from mental illness, especially with anxiety disorders, often remain without proper diagnosis and treatment. Underestimation of anxiety disorder and its insufficient therapy can create difficulties in correcting general medical problems and be a factor in the progression of somatic disease.

Purpose. To study age-related characteristics of levels of situational and personal anxiety in people of older age groups.

Materials and methods. *The present study involved patients with arterial hypertension aged 45 to 90 years. A total of 535 patients were examined of which 266 people. we made up an elderly group and 103 people – a group of senile age. Using the State-Trait Anxiety Inventory (STAI) questionnaire designed for self-assessment of various levels of anxiety, the severity of personal and situational anxiety was assessed.*

Results. *The frequency of situational and personal anxiety varied in the range from 3.25% to 40.4% and was slightly lower in people of older age groups. Among men of older age groups, the frequency of increased and pronounced levels of personal anxiety was statistically significantly higher in comparison with women of the same age group. Both among women and among older men pronounced levels of situational anxiety were more common in comparison with persons of younger age groups.*

Conclusion. *In people of older age groups, the severity of levels of personal and situational anxiety depended on the age and gender of the subjects.*

Keywords: *situational anxiety; personality anxiety; old age; senile age*

For citation. *Filimonova L.A., Zgura Yu.A., Baron I.I., Kusaev V.V., Davydov E.L., Alekseev I.A., Yaskevich R.A. Levels of Situational and Personal Anxiety in Older Age Groups. Russian Journal of Education and Psychology, 2024, vol. 15, no. 1, pp. 226-250. DOI: 10.12731/2658-4034-2024-15-1-526*

Введение

Население планеты стремительно стареет. Прогнозируется, что к 2050 году доля лиц старше 60 лет на земном шаре составит более двух миллиардов человек. При этом число людей старше 80 лет утроится и будет составлять порядка 426 миллионов [24]. Затрагивающие более четверти лиц пожилого возраста отчужденность и социальная изоляция рассматриваются рядом авторов как ключевые факторы риска формирования психических состояний в старческом возрасте [1, 3, 12, 27].

Психические расстройства являются одной из ведущих причин глобального бремени, связанного со здоровьем. Согласно данным исследования глобального бремени болезней, травм и факторов риска – Global Burden of Disease Study (GBD) тревожные и депрессивные расстройства являются двумя наиболее инвалидизирующими психическими состояниями, которые вошли в число 25 ведущих причин бремени в мире в 2019 году [25]. Рост распространенности тревожности во всем мире представляет значительную угрозу благополучию и качеству жизни населения [3, 15]. Тревожные расстройства, по оценкам Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) входят в десятку наиболее значимых проблем мирового здравоохранения. Общее количество лиц, имеющих тревожные расстройства, в мире составляет более 260 миллионов человек [22]. Существуют различные клинические проявления тревожных расстройств. В настоящее время к ним относятся социальное и генерализованное тревожные расстройства, паническое расстройство, агорафобия, специфическая фобия и т.д. [11].

По данным различных авторов распространенность тревожных расстройств колеблется в диапазоне от 0,1% до 17,2% [22, 28, 29]. S. Grenier и соавт. (2019) было установлено, что в развитых странах частота тревожных расстройств составляет 33,7% при этом среди женщин данные расстройства встречаются чаще [26]. Однако на распространенность тревожных расстройств, помимо гендерной принадлежности, могут влиять возраст, физическое здоровье, социально-экономический статус и ряд других факторов [2, 6, 7, 8].

По сравнению с другими возрастными группами, лица пожилого возраста, страдающие психическими заболеваниями, особенно тревожными расстройствами, нередко остаются без надлежащей диагностики и лечения [1, 14]. Исследования показали, что более половины людей с тревожным расстройством не получают адекватного лечения [20]. Ненадлежащая оценка тревожности и её несвоевременная медикаментозная коррек-

ция создают сложности в устранении ряда других медицинских проблем [21, 23] и, соответственно, могут быть причиной прогрессирования различных соматических заболеваний, особенно болезней органов кровообращения [4, 14, 15, 16, 17]. В частности, показано, что тревожные расстройства могут выступать в качестве психосоциального фактора риска ишемической болезни сердца (ИБС) и артериальной гипертензии (АГ) [16, 17, 18, 19]. Следовательно, высокая распространенность тревожных расстройств у лиц старших возрастных групп становится значительным бременем для общественного здравоохранения, поскольку более высокая выраженность симптомов тревоги в пожилом возрасте связана с большей инвалидизацией и более низким качеством жизни [12].

Цель исследования

Изучить возрастные особенности уровней ситуативной и личностной тревожности у лиц старших возрастных групп.

Материал и методы

В настоящем исследовании приняли участие пациенты с АГ в возрасте от 45 до 90 лет. Всего обследовано 535 больных, из которых 266 чел. составили группу пожилого возраста (60-74 года по классификации ВОЗ, 2012 г.) и 103 чел. – группу старческого возраста (75 лет и старше). Пациенты возрастной группы 45-59 лет (166 чел.) вошли в группу сравнения. С целью изучения гендерных особенностей изучаемых показателей обследуемые к каждой группе были разделены по полу.

Данное исследование проведено в соответствии этическим принципам, применяемым в медицинских исследованиях при участии человека в качестве их субъекта. Всеми респондентами, принявшими участие в данном исследовании, было подписано информированное согласие.

С помощью опросника Ч.Д. Спилбергера и Ю.Л. Ханина – State-Trait Anxiety Inventory (STAI) [13], предназначенного для самооценки

различных уровней тревожности, была проведена оценка выраженности личностной (ЛТ) и ситуативной тревожности (СТ). Общий балл, рассчитанный с использованием шкалы STAI при значениях от 0 до 30 баллов, классифицировался как низкий уровень тревожности, значения в диапазоне от 31 до 45 баллов расценивались как умеренный уровень тревожности и значения от 46 баллов и выше – как высокий уровень тревожности соответственно.

В качестве источников статистической информации использованы сформированные на основе результатов обследования пациентов с АГ в возрасте от 45 до 90 лет электронные базы данных. Статистическая обработка и анализ полученных данных выполнен с помощью компьютерной программы – «Statistical Package for the Social Sciences» (SPSS). Сравнение частот бинарных признаков, представленных в виде % доли, проводили с применением критерия Chi-square (χ^2). Количественные признаки, представленные медианой (Me) и межквартильным интервалом [Q_1 ; Q_3] анализировались с применением U-теста Mann-Whitney. Критический уровень статистической значимости при проверке нулевой гипотезы принимался при значениях $p \leq 0,05$.

Результаты и обсуждение

Проведенный анализ данных с использованием шкалы STAI показал, что полученные медианы усреднённого балла СТ у мужчин старческого возраста были значимо выше (38,2 [31;43] балла) в сравнении с лицами пожилого возраста (35,6 [30;44] балла) ($p=0,033$) (рис.1). Среди обследованных женщин по данной шкале медианы усреднённого балла СТ имели статистически значимые различия среди пациенток группы сравнения и лицами старческого возраста: 38,7 [31; 42] балла vs 34,7 [26; 44] балла ($p=0,006$) а также между пациентками пожилого и старческого возраста: 36,9 [28; 42] балла vs 34,7 [26; 44] балла, ($p=0,031$) соответственно.

При анализе медиан усреднённого балла ЛТ среди мужчин и женщин разных возрастных групп статистически значимых различий не выявлено (рис. 2).

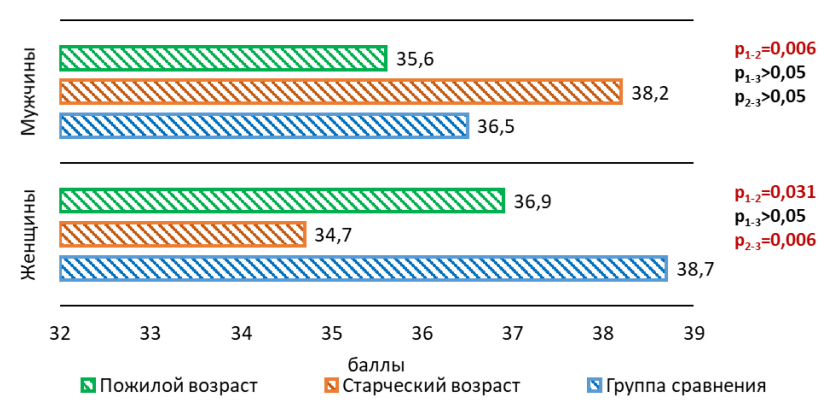

Рис. 1. Показатели ситуативной тревожности в баллах у мужчин и женщин разных возрастных групп

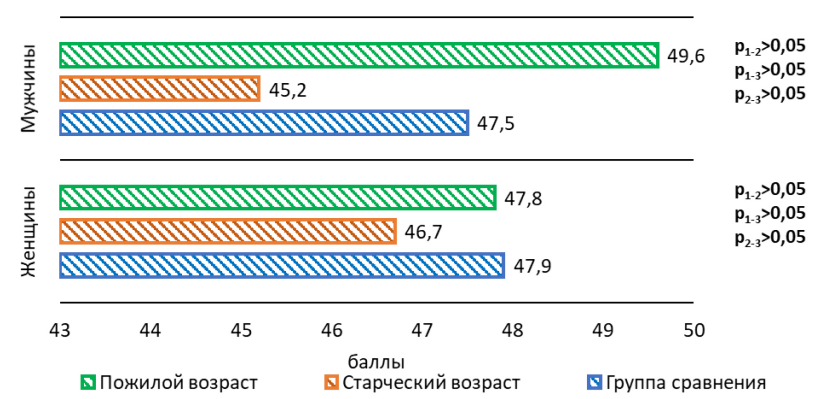

Рис. 2. Показатели личностной тревожности в баллах у мужчин и женщин разных возрастных групп

На следующем этапе настоящего исследования были проанализированы уровни СТ у мужчин и женщин различного возраста. В целом количество лиц, имеющих повышенные и выраженные уровни СТ, среди обследуемых старших возрастных групп составило 3,25%, среди пациентов группы сравнения – 3,61% ($p=0,829$) соответственно. При этом среди мужчин старших возрастных групп количество лиц, имеющих повышенные и выраженные уровни СТ,

составило 3,25%, а среди женщин аналогичного возраста – 3,72% ($p=0,806$).

Анализ выраженности уровней СТ среди обследованных мужчин показал, что во всех обследуемых группах преобладали низкий (от 38,4% до 56,76%) и нормальный (от 40,8% до 55,9%) уровни ситуативной тревожности. Повышенные уровни СТ отмечались у 2,5% обследуемых пожилого и 2,9% старческого возраста, а выраженные уровни среди 2,9% старческого и 1,1% лиц группы сравнения (рис. 3).

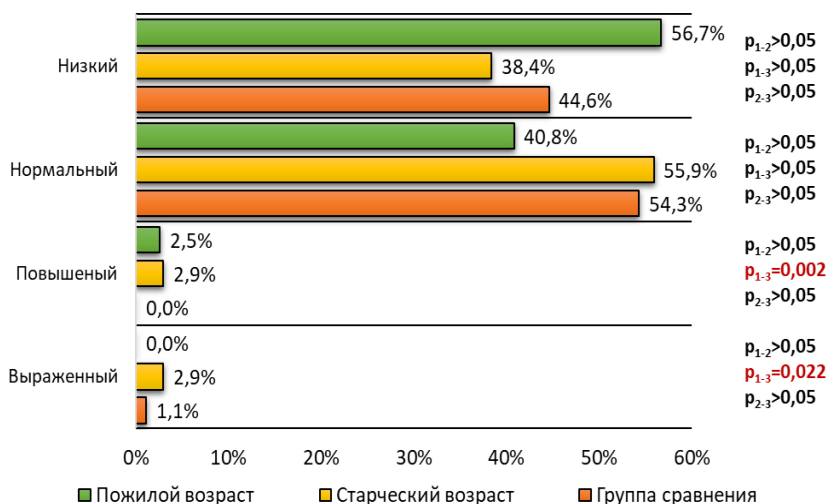

Рис. 3. Уровни ситуативной тревожности у мужчин разных возрастных групп

Среди мужчин пожилого возраста и пациентами группы сравнения были установлены статистически значимые различия по повышенному и выраженному уровням СТ: 2,5% vs 0% ($p=0,002$) и 0% vs 1,1% ($p=0,022$) соответственно. По выраженному уровню СТ также были установлены статистически значимые различия между мужчинами старческого и пожилого возраста: 2,9% vs 0% ($p=0,001$). Резюмирую полученные результаты следует отметить, что повышенный и выраженный уровни СТ чаще встречались у мужчин старческого возраста.

В ходе анализа уровней СТ среди обследованных женщин было установлено, что во всех обследуемых группах, как и среди муж-

чин преобладали нормальные (от 38,4% до 51,6%) и (от 41,9% до 58,8%) низкие уровни СТ (рис.4). Чаше повышенные уровни СТ отмечались среди обследуемых женщин пожилого возраста (4,1%) и группы сравнения (5,4%) а выраженные уровни СТ среди лиц старческого возраста (1,4%) и группы сравнения (1,1%) соответственно.

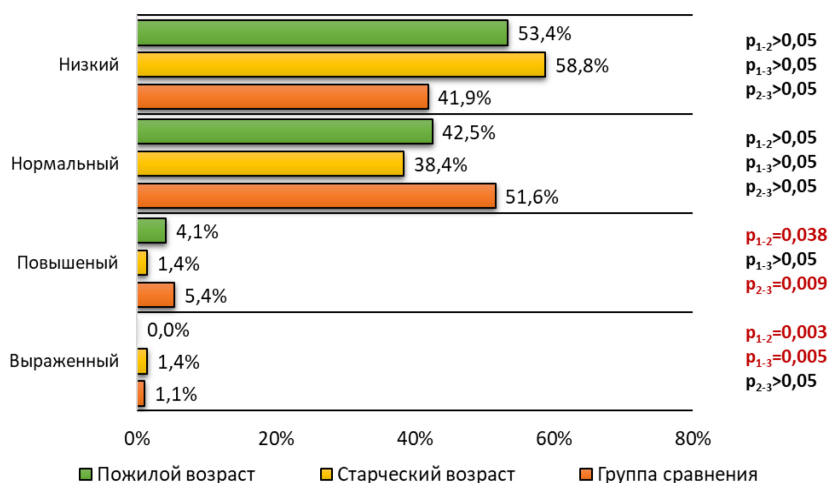

Рис. 4. Уровни ситуативной тревожности у женщин разных возрастных групп

Среди женщин старческого и пожилого возраста отмечены статистически значимые различия по выраженному уровню СТ: 1,4% vs 0% ($p=0,005$). Также были установлены статистически значимые различия между пациентками старческого возраста и группой сравнения по повышенному уровню СТ: 1,4% vs 5,4% ($p=0,009$). По повышенному и выраженному уровням СТ между лицами старческого и пожилого возраста также имелись статистически значимые различия: 1,4% vs 4,1% ($p=0,038$) и 1,4% vs 0% ($p=0,003$). Таким образом, резюмируя полученные результаты, можно сказать о том, что выраженный уровень СТ чаще встречался среди пациенток в возрасте 75 лет и старше.

Следующим этапом исследования было установление взаимосвязи у обследованных мужчин и женщин уровней ЛТ по шкале STAI

в зависимости от возраста. В целом количество лиц, имеющих повышенные и выраженные уровни ЛТ, среди обследуемых старших возрастных групп составило 35,2%, среди пациентов группы сравнения – 40,4% ($p=0,255$) соответственно. При этом среди мужчин старших возрастных групп количество лиц, имеющих повышенные и выраженные уровни ЛТ, составило 42,9%, а среди женщин аналогичного возраста – 29,8% ($p=0,014$).

В ходе анализа уровней ЛТ среди обследованных мужчин было установлено, что во всех обследуемых группах преобладали нормальные (от 46,7% до 51,0%) и повышенные (от 20,6% до 39,1%) уровни личностной тревожности. Среди мужчин группы сравнения чаще выявлялись повышенные уровни ЛТ по отношению к лицам старческого возраста: 37,0% vs 20,6% ($p=0,001$), а выраженные уровни ЛТ чаще среди мужчин старческого возраста – 11,8% относительно лиц пожилого возраста – 6,7% ($p=0,001$) и группы сравнения – 2,2% ($p=0,002$) соответственно (рис. 5). Таким образом, резюмируя полученные результаты, можно сказать о том, что выраженный уровень ЛТ чаще встречался среди пациентов в возрасте 75 лет и старше.

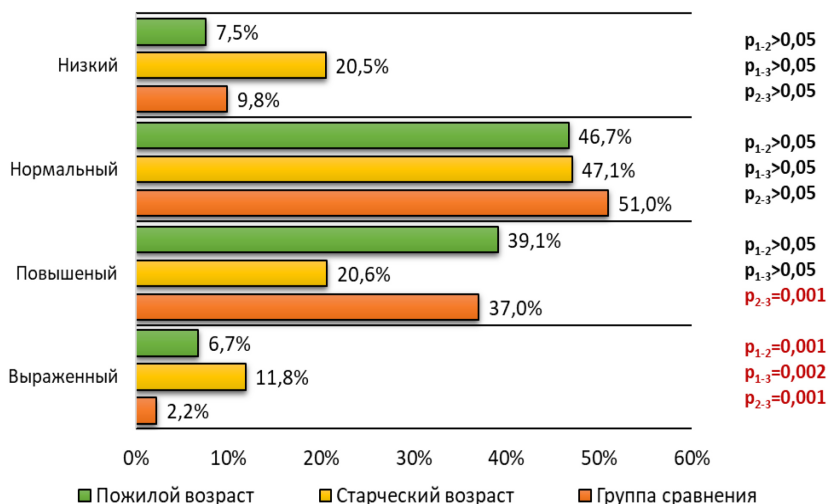

Рис. 5. Уровни личностной тревожности у мужчин разных возрастных групп

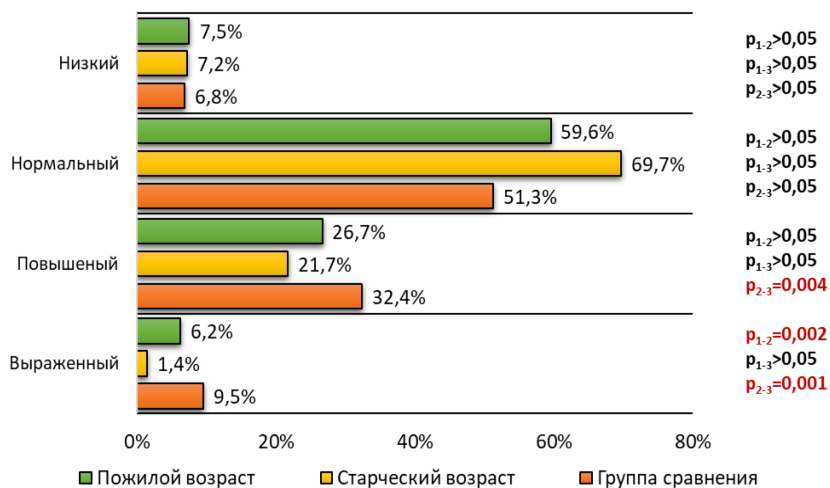

Рис. 6. Уровни личностной тревожности у женщин разных возрастных групп

Анализ изучаемых уровней ЛТ среди женщин показал, что во всех обследуемых группах, также, как и среди мужчин, преобладали нормальные (от 51,3% до 69,7%) и повышенные (от 21,7% до 32,4%) уровни ЛТ (рис.6).

Повышенные уровни ЛТ статистически значимо чаще отмечались у обследуемых женщин группы сравнения относительно группы старческого возраста: 32,4% vs 21,7% ($p=0,004$), а выраженные уровни ЛТ чаще среди женщин пожилого возраста – 6,2% ($p=0,002$) и группы сравнения – 9,5% ($p=0,001$) относительно лиц пожилого возраста – 1,4% соответственно (рис.6).

Резюмируя полученные результаты, следует отметить, что показатели СТ и ЛТ варьировали в диапазоне от 3,25% до 35,2% у лиц старших возрастных групп и среди группы сравнения от 3,61% до 40,4% соответственно. Наши данные согласуются с полученными ранее результатами крупного клинико-эпидемиологического исследования КОМЕТА, проведенного с целью изучения распространенности психосоциальных факторов риска у больных с АГ и/или ИБС [10]. Было установлено, что показатели распространенности тревожной симптоматики в различных федеральных округах Российской Федерации

ской Федерации (РФ) варьировали в диапазоне от 41,6% до 49,9%. При этом показатели распространенности тревожной симптоматики субклинического и клинического уровня выраженности в разных федеральных округах РФ в целом были сопоставимыми [10]. По данным психометрического обследования, проведенного Р.Д. Песковцом и соавт. (2019) признаки субклинически и клинически выраженной тревоги в г. Красноярске встречались у 42,5% и 14,8% из числа обследованных пациентов. При этом у лиц с АГ частота изучаемых уровней тревоги была статистически значимо выше по сравнению с лицами, не имеющими АГ [9].

Также в ходе исследования было установлено, что по уровням СТ среди мужчин и женщин старших возрастных групп, участвующих в исследовании, различий выявлено не было: 3,25% vs 3,25% ($p=0,806$). В то время как по уровням ЛТ среди мужчин старших возрастных групп показатели были статистически значимо выше: 42,9% vs 29,8% ($p=0,014$).

Однако результаты проведенных ранее исследований по изучению гендерных особенностей распространенности тревожной симптоматики показали противоположные результаты [9, 10, 23]. Так, согласно результатам вышеупомянутого крупного клинико-эпидемиологического исследования КОМЕТА, женщины с АГ и/или ИБС имели большую распространенность тревожной симптоматики в сравнении с мужчинами [10]. При этом разница между женщинами и мужчинами по распространенности тревожной симптоматики в целом составила – 17,5%, а клинически выраженной тревоги – 11,4%, что, по мнению авторов, может быть обусловлено не только относительно низкой распространенности неврозов среди мужчин, а также и малой обращаемости последних за психиатрической помощью. Похожие закономерности были отмечены в исследовании Р.Д. Песковца и соавт. (2019) в котором было установлено, что частота уровней тревоги «выше нормы» в г. Красноярске среди женщин была в двое выше (50,6 %) по сравнению с мужчинами (28,4 %) [9].

Таким образом, при проведении профилактических мероприятий среди пациентов пожилого и старческого возраста, имеющих

высокие уровни СТ и ЛТ, следуют учитывать полученные в ходе проведенного нами исследования закономерности для последующей коррекции этих расстройств.

Выводы

Частота СТ и ЛТ варьировала в диапазоне от 3,25% до 40,4% и была несколько ниже у лиц старших возрастных групп.

Установлено, что частота повышенного и выраженного уровней ЛТ среди мужчин старших возрастных групп была статистически значимо выше в сравнении с женщинами аналогичной возрастной группы.

Выраженные уровни СТ статистически значимо чаще встречались как у мужчин, так и у женщин старческого возраста.

Информация о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Информация о спонсорстве. Исследование не имело спонсорской поддержки.

Список литературы

1. Давыдов Е.Л. Вопросы тревожно-депрессивных состояний у больных артериальной гипертонией старших возрастных групп // Клиническая геронтология. 2016. № 22(9-10). С. 22-23.
2. Козлов Е.В., Деревянных Е.В., Балашова Н.А. и др. Уровни ситуативной и личностной тревожности у больных с хронической обструктивной болезнью легких в условиях коморбидности // Russian Journal of Education and Psychology. 2022. № 13(3). С. 167-190. <https://doi.org/10.12731/2658-4034-2022-13-3-167-190>
3. Левин О.С., Чимагомедова А.Ш., Арефьева А.П. Тревожные расстройства в пожилом возрасте // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 2019. № 119(6). С. 113-118. <https://doi.org/10.17116/jnevro2019119061113>
4. Москаленко О.Л., Каспарова И.Э., Яскевич Р.А. Особенности показателей ситуативной и личностной тревожности у больных с метабо-

- лическим синдромом // Russian Journal of Education and Psychology. 2023. № 14(4). С. 228-247. <https://doi.org/10.12731/2658-4034-2023-14-4-228-247>
5. Москаленко О.Л., Яскевич Р.А. Тревожно-депрессивные расстройства у пациентов с артериальной гипертонией (обзор литературы) // Russian Journal of Education and Psychology. 2021. № 12(1-2). С. 185-190. <https://doi.org/10.12731/2658-4034-2021-12-1-2-185-190>
 6. Москаленко О.Л., Яскевич Р.А. Тревожно-депрессивные расстройства у жителей Крайнего Севера и Сибири // Russian Journal of Education and Psychology. 2021. № 12(3-2). С. 113-119. <https://doi.org/10.12731/2658-4034-2021-12-3-2-113-119>
 7. Москаленко О.Л., Яскевич Р.А. Тревожные расстройства среди обучающихся высших медицинских учебных заведений (обзор литературы) // Russian Journal of Education and Psychology. 2022. № 13(1-2). С. 120-127. <https://doi.org/10.12731/2658-4034-2022-13-1-2-120-127>
 8. Москаленко О.Л., Яскевич Р.А. Хронобиологические особенности личности пациентов с тревожными расстройствами // Russian Journal of Education and Psychology. 2023. № 14(2-3). С. 148-155. <https://doi.org/10.12731/2658-4034-2023-14-2-3-148-155>
 9. Песковец Р.Д., Штарик С.Ю., Евсюков А.А. Распространенность тревожных расстройств в общемедицинской сети и их связь с сердечно-сосудистыми заболеваниями // Сибирское медицинское обозрение. 2019. № 6 (120). С. 73-79. <https://doi.org/10.20333/2500136-2019-6-73-79>
 10. Погосова Н.В., Бойцов С.А., Оганов Р.Г. и др. Клинико-эпидемиологическая программа изучения психосоциальных факторов риска в кардиологической практике у больных артериальной гипертонией и ишемической болезнью сердца (КОМЕТА): первые результаты российского многоцентрового исследования // Кардиология. 2018. № 58(9). С. 47-58. <https://doi.org/10.18087/cardio.2018.9.10171>
 11. Сиволап Ю.П. Систематика и лечение тревожных расстройств // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 2020. № 120(7). С. 121-127. <https://doi.org/10.17116/jnevro2020120071121>
 12. Филимонова Л.А., Давыдов Е.Л., Яскевич Р.А. Психосоматические проблемы пациентов старших возрастных групп с артериальной

- гипертонией // *Современные проблемы науки и образования*. 2016. № 3. С. 106.
13. Ханин Ю. Л. Краткое руководство к применению шкалы реактивной и личностной тревожности Ч. Д. Спилбергера. Л.: ЛНИИТЕК, 1976. 40 с.
 14. Щурова Ю.Е., Забабурина О.С., Степина Н.В. Ситуативная и личностная тревожность у пожилых людей с хроническими соматическими заболеваниями // *Проблемы современного педагогического образования*. 2019. № 62(4). С. 305-308.
 15. Яскевич Р.А., Кочергина К.Н., Каспаров Э.В. Влияние выраженности тревожно-депрессивных расстройств на качество жизни больных артериальной гипертонией // *Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture*. 2019. no. 11(5-2). С. 146-151. <https://doi.org/10.12731/2658-6649-2019-11-5-2-146-151>
 16. Яскевич Р.А., Москаленко О.Л. Аффективные расстройства у женщин, имеющих артериальную гипертонию в сочетании с метаболическим синдромом // *Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture*. 2022. № 14(3). С. 267-286. <https://doi.org/10.12731/2658-6649-2022-14-3-267-286>
 17. Яскевич Р.А., Москаленко О.Л. Аффективные расстройства у женщин, имеющих хроническую ишемическую болезнь сердца в сочетании с метаболическим синдромом // *Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture*. 2023. № 15(2). С. 284-302. <https://doi.org/10.12731/2658-6649-2023-15-2-284-302>
 18. Яскевич Р.А., Москаленко О.Л. Аффективные расстройства у мужчин, имеющих артериальную гипертонию в сочетании с метаболическим синдромом // *Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture*. 2022. № 14(4). С. 126-145. <https://doi.org/10.12731/2658-6649-2022-14-4-126-145>
 19. Яскевич Р.А., Москаленко О.Л. Аффективные расстройства у мужчин, имеющих хроническую ишемическую болезнь сердца в сочетании с метаболическим синдромом // *Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture*. 2023. № 15(1). С. 327-345. <https://doi.org/10.12731/2658-6649-2023-15-1-327-345>

20. Alonso J., Liu Z., Evans-Lacko S. et al. Treatment gap for anxiety disorders is global: Results of the World Mental Health Surveys in 21 countries // *Depress Anxiety*, 2018, no. 35(3), pp. 195-208. <https://doi.org/10.1002/da.22711>
21. Chisholm D., Sweeny K., Sheehan P. et al. Scaling-up treatment of depression and anxiety: a global return on investment analysis // *Lancet Psychiatry*, 2016, no. 3(5), pp. 415-424. [https://doi.org/10.1016/S2215-0366\(16\)30024-4](https://doi.org/10.1016/S2215-0366(16)30024-4)
22. Cisneros G.E., Ausín B. Prevalencia de los trastornos de ansiedad en las personas mayores de 65 años: una revisión sistemática [Prevalence of anxiety disorders in people over 65 years-old: A systematic review] // *Rev Esp Geriatr Gerontol.*, 2019, no. 54(1), pp. 34-48. Spanish. <https://doi.org/10.1016/j.regg.2018.05.009>
23. Depression and Other Common Mental Disorders // *Global Health Estimates*. Geneva: World Health Organization. 2017. 24 p.
24. Gaigbe-Togbe V., Bassarsky L., Gu D. et al. *World Population Prospects 2022: Summary of Results*. New York: United Nations Publication. 2022. 48 p.
25. GBD 2019 Diseases and Injuries Collaborators. Global burden of 369 diseases and injuries in 204 countries and territories, 1990-2019: a systematic analysis for the Global Burden of Disease Study 2019 // *Lancet*, 2020, no. 396(10258), pp. 1204-1222. [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(20\)30925-9](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(20)30925-9)
26. Grenier S., Payette M.C., Gunther B. et al. Association of age and gender with anxiety disorders in older adults: a systematic review and meta-analysis // *Int. J. Geriatr. Psychiatry*, 2019, no. 34(3), pp. 397-407. <https://doi.org/10.1002/gps.5035>
27. Hong Teo R., Hui Cheng W., Jie Cheng L. et al. Global prevalence of social isolation among community-dwelling older adults: a systematic review and meta-analysis // *Arch. Gerontol. Geriatr.*, 2023, no. 107, p. 104904. <https://doi.org/10.1016/j.archger.2022.104904>
28. Javaid S.F., Hashim I.J., Hashim M.J. et al. Epidemiology of anxiety disorders: global burden and sociodemographic associations // *Middle. East. Curr. Psychiatry*, 2023, no. 30(1), p. 44. <https://doi.org/10.1186/s43045-023-00315-3>

29. Vasiliadis H.M., Desjardins F., Roberge P., Grenier S. Sex Differences in Anxiety Disorders in Older Adults // *Curr Psychiatry Rep.*, 2020, no. 22(12), p. 75. <https://doi.org/10.1007/s11920-020-01203-x>

References

1. Davydov E.L. Voprosy trevozhno-depressivnykh sostoyaniy u bol'nykh arterial'noy gipertoniey starshikh vozrastnykh grupp [Issues of anxiety-depressive states in patients with arterial hypertension of older age groups]. *Klinicheskaya gerontologiya* [Clinical Gerontology], 2016, vol. 22, no. 9-10, pp. 22-23.
2. Kozlov E.V., Derevyannykh E.V., Balashova N.A. et al. Urovni situativnoy i lichnostnoy trevozhnosti u bol'nykh s khronicheskoy obstruktivnoy bolezn'yu legkikh v usloviyakh komorbidnosti [Levels of situational and personal anxiety in patients with chronic obstructive pulmonary disease in conditions of comorbidity]. *Russian Journal of Education and Psychology*, 2022, vol. 13, no. 3, pp. 167-190. <https://doi.org/10.12731/2658-4034-2022-13-3-167-190>
3. Levin O.S., Chimagomedova A.Sh., Aref'eva A.P. Trevozhnye rasstroystva v pozhilom vozraste [Anxiety disorders in old age]. *Zhurnal nevrologii i psikiatrii im. S.S. Korsakova* [Journal of Neurology and Psychiatry. S.S. Korsakov], 2019, no. 119(6), pp. 113-118. <https://doi.org/10.17116/jnevro2019119061113>
4. Moskalenko O.L., Kasparova I.E., Yaskevich R.A. Osobennosti pokazateley situativnoy i lichnostnoy trevozhnosti u bol'nykh s metabolicheskim sindromom [Features of indicators of situational and personal anxiety in patients with metabolic syndrome]. *Russian Journal of Education and Psychology*, 2023, no. 14(4), pp. 228-247. <https://doi.org/10.12731/2658-4034-2023-14-4-228-247>
5. Moskalenko O.L., Yaskevich R.A. Trevozhno-depressivnye rasstroystva u patsientov s arterial'noy gipertoniey (obzor literatury) [Anxiety and depressive disorders in patients with arterial hypertension (literature review)]. *Russian Journal of Education and Psychology*, 2021, vol. 12, no. 1-2, pp. 185-190. <https://doi.org/10.12731/2658-4034-2021-12-1-2-185-190>

6. Moskalenko O.L., Yaskevich R.A. Trevozhno-depressivnye rasstroystva u zhitel'ey Kraynego Severa i Sibiri [Anxiety and depressive disorders in residents of the Far North and Siberia]. *Russian Journal of Education and Psychology*, 2021, vol. 12, no. 3-2, pp. 113-119. <https://doi.org/10.12731/2658-4034-2021-12-3-2-113-119>.
7. Moskalenko O.L., Yaskevich R.A. Trevozhnye rasstroystva sredi obuchayushchikhsya vysshikh meditsinskikh uchebnykh zavedeniy (obzor literatury) [Anxiety disorders among medical students (literature review)]. *Russian Journal of Education and Psychology*, 2022, vol. 13, no. 1-2, pp. 120-127. <https://doi.org/10.12731/2658-4034-2022-13-1-2-120-127>
8. Moskalenko O.L., Yaskevich R.A. Khronobiologicheskie osobennosti lichnosti patsientov s trevozhnymi rasstroystvami [Chronobiological personality traits of patients with anxiety disorders]. *Russian Journal of Education and Psychology*, 2023, no. 14(2-3), pp. 148-155. <https://doi.org/10.12731/2658-4034-2023-14-2-3-148-155>.
9. Peskovets R.D., Shtarik S.Yu., Evsyukov A.A. Rasprostranennost' trevozhnykh rasstroystv v obshchemeditsinskoj seti i ikh svyaz' s serdechno-sosudistymi zabolevaniyami [Prevalence of anxiety disorders in the general medical network and their relationship with cardiovascular diseases]. *Sibirskoe meditsinskoe obozrenie* [Siberian Medical Review], 2019, no. 6(120), pp. 73-79. <https://doi.org/10.20333/2500136-2019-6-73-79>
10. Pogosova N.V., Boytsov S.A., Oganov R.G. i dr. Kliniko-epidemiologicheskaya programma izucheniya psichosotsial'nykh faktorov riska v kardiologicheskoy praktike u bol'nykh arterial'noy gipertoniey i ishemicheskoy bolezn'yu serdtsa (KOMETA): pervye rezul'taty rossiyskogo mnogotsentrovogo issledovaniya [Clinical and epidemiological program for studying psychosocial risk factors in cardiological practice in patients with arterial hypertension and coronary heart disease (COMETA): first results of a Russian multicenter study]. *Kardiologiya* [Cardiology], 2018, no. 58(9), pp. 47-58. <https://doi.org/10.18087/cardio.2018.9.10171>
11. Sivolap Yu.P. Sistematika i lechenie trevozhnykh rasstroystv [Systematics and treatment of anxiety disorders]. *Zhurnal nevrologii i psikiatrii im. S.S. Korsakova* [Journal of Neurology and Psychiatry. S.S. Kor-

- sakov], 2020, no. 120(7), pp. 121-127. <https://doi.org/10.17116/jnev-ro2020120071121>
12. Filimonova L.A., Davydov E.L., Yaskevich R.A. Psichosomaticheskie problemy patsientov starshikh vozrastnykh grupp s arterial'noy gipertoniey [Psychosomatic problems of patients of older age groups with arterial hypertension]. *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern problems of science and education], 2016, no. 3, p. 106.
 13. Khanin Yu. L. Kratkoe rukovodstvo k primeneniyu shkaly reaktivnoy i lichnostnoy trevozhnosti Ch. D. Spilbergera [A brief guide to the use of the scale of reactive and personal anxiety Ch. D. Spielberger], L.: LNI-ITEK, 1976, 40 p.
 14. Shchurova Yu.E., Zababurina O.S., Stepina N.V. Situativnaya i lichnostnaya trevozhnost' u pozhilykh lyudey s khronicheskimi somaticheskimi zabolevaniyami [Situational and personal anxiety in older people with chronic somatic diseases]. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya* [Problems of modern pedagogical education], 2019, no. 62(4), pp. 305-308.
 15. Yaskevich R.A., Kochergina K.N., Kasparov E.V. Vliyaniye vyrazhennosti trevozhno-depressivnykh rasstroystv na kachestvo zhizni bol'nykh arterial'noy gipertoniey [The influence of the severity of anxiety-depressive disorders on the quality of life of patients with arterial hypertension]. *Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture*, 2019, vol. 11, no. 5-2, pp. 146-151. <https://doi.org/10.12731/2658-6649-2019-11-5-2-146-151>
 16. Yaskevich R.A., Moskalenko O.L. Affektivnyye rasstroystva u zhenshchin, imeyushchikh arterial'nyu gipertoniyu v sochetanii s metabolicheskim sindromom [Affective disorders in women with arterial hypertension in combination with metabolic syndrome]. *Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture*, 2022, vol. 14, no. 3, pp. 267-286. <https://doi.org/10.12731/2658-6649-2022-14-3-267-286>
 17. Yaskevich R.A., Moskalenko O.L. Affektivnyye rasstroystva u zhenshchin, imeyushchikh khronicheskuyu ishemicheskuyu bolezny' serdtsa v sochetanii s metabolicheskim sindromom [Affective disorders in women with chronic ischemic heart disease in combination with metabolic syndrome]. *Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture*, 2023, vol. 15, no. 2, pp. 284-302. <https://doi.org/10.12731/2658-6649-2023-15-3-254-278>

18. Yaskevich R.A., Moskalenko O.L. Affektivnye rasstroystva u muzhchin, imeyushchikh arterial'nyu gipertoniyu v sochetanii s metabolicheskim sindromom [Affective disorders in men with arterial hypertension in combination with metabolic syndrome]. *Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture*, 2022, vol. 14, no. 4, pp. 126-145. <https://doi.org/10.12731/2658-6649-2022-14-4-126-145>
19. Yaskevich R.A., Moskalenko O.L. Affektivnye rasstroystva u muzhchin, imeyushchikh khronicheskuyu ishemicheskuyu bolezni' serdtsa v sochetanii s metabolicheskim sindromom [Affective disorders in men with chronic ischemic heart disease in combination with metabolic syndrome]. *Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture*, 2023, vol. 15, no. 1, pp. 327-345. <https://doi.org/10.12731/2658-6649-2023-15-1-327-345>
20. Alonso J., Liu Z., Evans-Lacko S. et al. Treatment gap for anxiety disorders is global: Results of the World Mental Health Surveys in 21 countries. *Depress Anxiety*, 2018, no. 35(3), pp. 195-208. <https://doi.org/10.1002/da.22711>
21. Chisholm D., Sweeny K., Sheehan P. et al. Scaling-up treatment of depression and anxiety: a global return on investment analysis. *Lancet Psychiatry*, 2016, no. 3(5), pp. 415-424. [https://doi.org/10.1016/S2215-0366\(16\)30024-4](https://doi.org/10.1016/S2215-0366(16)30024-4)
22. Cisneros G.E., Ausín B. Prevalencia de los trastornos de ansiedad en las personas mayores de 65 años: una revisión sistemática [Prevalence of anxiety disorders in people over 65 years-old: A systematic review]. *Rev Esp Geriatr Gerontol.*, 2019, no. 54(1), pp. 34-48. Spanish. <https://doi.org/10.1016/j.regg.2018.05.009>
23. *Depression and Other Common Mental Disorders. Global Health Estimates*. Geneva: World Health Organization. 2017, 24 p.
24. Gaigbe-Togbe V., Bassarsky L., Gu D. et al. *World Population Prospects 2022: Summary of Results*. New York: United Nations Publication. 2022. 48 p.
25. GBD 2019 Diseases and Injuries Collaborators. Global burden of 369 diseases and injuries in 204 countries and territories, 1990-2019: a systematic analysis for the Global Burden of Disease Study 2019. *Lancet*, 2020, no. 396(10258), pp. 1204-1222. [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(20\)30925-9](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(20)30925-9)

26. Grenier S., Payette M.C., Gunther B. et al. Association of age and gender with anxiety disorders in older adults: a systematic review and meta-analysis. *Int. J. Geriatr. Psychiatry*, 2019, no. 34(3), pp. 397-407. <https://doi.org/10.1002/gps.5035>
27. Hong Teo R., Hui Cheng W., Jie Cheng L. et al. Global prevalence of social isolation among community-dwelling older adults: a systematic review and meta-analysis. *Arch. Gerontol. Geriatr.*, 2023, no. 107, p. 104904. <https://doi.org/10.1016/j.archger.2022.104904>
28. Javaid S.F., Hashim I.J., Hashim M.J. et al. Epidemiology of anxiety disorders: global burden and sociodemographic associations. *Middle. East. Curr. Psychiatry*, 2023, no. 30(1), p. 44. <https://doi.org/10.1186/s43045-023-00315-3>
29. Vasiliadis H.M., Desjardins F., Roberge P., Grenier S. Sex Differences in Anxiety Disorders in Older Adults. *Curr Psychiatry Rep.*, 2020, no. 22(12), p. 75. <https://doi.org/10.1007/s11920-020-01203-x>

ВКЛАД АВТОРОВ

Филимонова Л.А.: обоснование концепции исследования (формулирование идеи, исследовательских целей и задач), формулировка выводов.

Згура Ю.А.: систематизация и статистический анализ данных.

Барон И.И.: анализ и обобщение данных литературы, редактирование текста рукописи.

Кусаев В.В.: проведение сравнительного анализа, обобщение результатов исследования.

Давыдов Е.Л.: разработка дизайна экспериментального исследования, написание текста рукописи.

Алексеев И.А.: набор материала.

Яскевич Р.А.: оформление рукописи, работа с графическим материалом.

AUTHOR CONTRIBUTIONS

Lyudmila A. Filimonova: substantiation of the research concept (formulation of ideas, research goals and objectives), formulation of conclusions.

Yulia A. Zgura: systematization and statistical analysis of data.

Irina I. Baron: analysis and generalization of literature data, editing of the manuscript text.

Viktor V. Kusaev: conducting a comparative analysis, summarizing the results of the study.

Evgeny L. Davydov: development of experimental research design, writing the text of the manuscript.

Igor A. Alekseev: a set of materials.

Roman A. Yaskevich: design of the manuscript, work with graphic material.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Филимонова Людмила Анатольевна, доцент кафедры пропедевтики внутренних болезней и терапии с курсом ПО, кандидат медицинских наук, доцент

Красноярский государственный медицинский университет им. проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого

ул. Партизана Железняка, 1, г. Красноярск, 660022, Российская Федерация

selinala@mail.ru

Згура Юлия Александровна, доцент кафедры пропедевтики внутренних болезней и терапии с курсом ПО, кандидат медицинских наук, доцент

Красноярский государственный медицинский университет им. проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого

ул. Партизана Железняка, 1, г. Красноярск, 660022, Российская Федерация

julia.zg@yandex.ru

Барон Ирина Иосифовна, доцент кафедры поликлинической терапии и семейной медицины с курсом ПО, кандидат медицинских наук

Красноярский государственный медицинский университет им. проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого

ул. Партизана Железняка, 1, г. Красноярск, 660022, Российская Федерация
irinabaron@mail.ru

Кусаев Виктор Владимирович, доцент кафедры терапии ИПО, кандидат медицинских наук, доцент
Красноярский государственный медицинский университет им. проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого
ул. Партизана Железняка, 1, г. Красноярск, 660022, Российская Федерация
vkusaev@gmail.com

Давыдов Евгений Леонардович, доцент кафедры пропедевтики внутренних болезней и терапии с курсом ПО, доктор медицинских наук, доцент
Красноярский государственный медицинский университет им. проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого
ул. Партизана Железняка, 1, г. Красноярск, 660022, Российская Федерация
devgenii@bk.ru

Алексеев Игорь Александрович, врач-кардиолог, кандидат медицинских наук
Красноярское государственное бюджетное учреждение здравоохранения «Краевая клиническая больница»
ул. Партизана Железняка, 3а, г. Красноярск, 660022, Российская Федерация
alexeevia@mail.ru

Яскевич Роман Анатольевич, доцент кафедры пропедевтики внутренних болезней и терапии с курсом ПО, ведущий научный сотрудник группы патологии сердечно-сосудистой системы, доктор медицинских наук, доцент
Красноярский государственный медицинский университет им. проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого; Федеральное государственное

*бюджетное научное учреждение «Научно-исследовательский институт медицинских проблем Севера»
ул. Партизана Железняка, 1, г. Красноярск, 660022, Российская Федерация; ул. Партизана Железняка, 3г, г. Красноярск, 660022, Российская Федерация
cardio@impn.ru*

DATA ABOUT THE AUTHORS

Lyudmila A. Filimonova, associate professor of the department of propaedeutics of internal diseases and therapy, candidate of medical sciences, associate professor

Professor V.F. Voino-Yasenetsky Krasnoyarsk State Medical University

*1, P. Zheleznyaka Str., Krasnoyarsk, 660022, Russian Federation
selinala@mail.ru*

Yulia A. Zgura, associate professor of the department of propaedeutics of internal diseases and therapy, candidate of medical sciences, associate professor

Professor V.F. Voino-Yasenetsky Krasnoyarsk State Medical University

*1, P. Zheleznyaka Str., Krasnoyarsk, 660022, Russian Federation
julia.zg@yandex.ru*

Irina I. Baron, associate professor of the department of polyclinic therapy and family medicine, candidate of medical sciences

Professor V.F. Voino-Yasenetsky Krasnoyarsk State Medical University

*1, P. Zheleznyaka Str., Krasnoyarsk, 660022, Russian Federation
irinabaron@mail.ru*

Viktor V. Kusaev, associate professor of the department of therapy, candidate of medical sciences, associate professor

Professor V.F. Voino-Yasenetsky Krasnoyarsk State Medical University

*1, P. Zheleznyaka Str., Krasnoyarsk, 660022, Russian Federation
vkusaev@gmail.com*

Evgeny L. Davydov, associate professor of the department of propaedeutics of internal diseases and therapy, doctor of medical sciences, associate professor

Professor V.F. Voino-Yasenetsky Krasnoyarsk State Medical University

*1, P. Zheleznyaka Str., Krasnoyarsk, 660022, Russian Federation
devgenii@bk.ru*

Igor A. Alekseev, cardiologist, candidate of medical sciences

Krasnoyarsk State Budgetary Healthcare Institution "Regional Clinical Hospital"

*3a, P. Zheleznyaka Str., Krasnoyarsk, 660022, Russia
alexeevia@mail.ru*

Roman A. Yaskevich, associate professor at department of propedeutics of internal diseases and therapy, leading researcher of the group pathology of the cardiovascular system, doctor of medical science, docent

Professor V.F. Voino-Yasenetsky Krasnoyarsk State Medical University; Federal State Budgetary Scientific Institution «Scientific Research Institute of medical problems of the North»

*1, P. Zheleznyaka Str., Krasnoyarsk, 660022, Russian Federation;
3g, P. Zheleznyaka Str., Krasnoyarsk, 660022, Russian Federation
cardio@impn.ru*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4033-3697>

Поступила 30.01.2024

После рецензирования 10.02.2024

Принята 15.02.2024

Received 30.01.2024

Revised 10.02.2024

Accepted 15.02.2024

DOI: 10.12731/2658-4034-2024-15-1-528

УДК 67.034:612.014.4

Научная статья |

Общая психология, психология личности, история психологии

АССОЦИАЦИЯ ПРОБЛЕМНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ С ПОКАЗАТЕЛЯМИ ДЕПРЕССИИ ПО ШКАЛЕ HADS У СТУДЕНТОВ МЕДИЦИНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Р.А. Яскевич, О.Л. Москаленко

Имеющиеся литературные данные о влиянии социальных сетей на психическое здоровье противоречивы. В одних исследованиях сообщается о пользе использования социальных сетей для психического здоровья, включая усиление социальной поддержки, укрепление связей и поиск помощи. В других, наоборот, были выявлены ассоциации проблемного использования социальных сетей с рядом психосоциальных проблем, такими как психологический стресс, тревога и депрессия.

Цель. Изучить ассоциацию проблемного использования социальных сетей с показателями депрессии по шкале HADS у студентов медицинского университета.

Материалы и методы. Обследовано 229 студентов обоего пола, обучающихся на 3 курсе лечебного факультета медицинского университета. Проблемное использование социальных сетей выявляли, используя русскоязычную версию опросника «The Social Media Disorder Scale». Выявление депрессивных расстройств и оценку степени тяжести осуществляли с использованием русскоязычной версии госпитальной шкалы тревоги и депрессии HADS.

Результаты. Установлено, что признаки депрессии отмечались у 34,9% обследованных студентов и среди девушек встречались статистически значимо чаще в сравнении с юношами. Частота

проблемного использования социальных сетей среди студентов, имеющих признаки депрессии, составила 36,4%. Как среди обследованных девушек, так и среди юношей количество лиц, имеющих признаки депрессии в сочетании с проблемным использованием социальных сетей, было более чем в два раза выше по сравнению с пациентами без проблемного использования социальных сетей.

Заключение. *Выявлены ассоциации проблемного использования социальных сетей с показателями депрессии по шкале HADS среди студентов, обучающихся в медицинском университете.*

Ключевые слова: *депрессивные расстройства; проблемное использование социальных сетей; студенты-медики*

Для цитирования. *Яскевич Р.А., Москаленко О.Л. Ассоциация проблемного использования социальных сетей с показателями депрессии по шкале HADS у студентов медицинского университета // Russian Journal of Education and Psychology. 2024. Т. 15, № 1. С. 251-273. DOI: 10.12731/2658-4034-2024-15-1-528*

Original article |

General Psychology, Personality Psychology, History of Psychology

ASSOCIATION OF PROBLEMATIC USE OF SOCIAL NETWORKS WITH INDICATORS OF DEPRESSION ON THE HADS SCALE AMONG MEDICAL UNIVERSITY STUDENTS

R.A. Yaskevich, O.L. Moskalenko

The available literature data on the impact of social media on mental health are contradictory. Some studies report the benefits of using social media for mental health, including increased social support, strengthening connections and seeking help. In others, on the contrary, associations of problematic use of social networks with a number of psychosocial problems such as psychological stress, anxiety and depression have been identified.

Purpose. *To study the association of problematic use of social networks with indicators of depression on the HADS scale among medical university students.*

Materials and methods. *229 students of both sexes enrolled in the 3rd year of the medical faculty of the Medical University were examined. Problematic use of social networks was identified using the Russian-language version of the questionnaire «The Social Media Disorder Scale». The identification of depressive disorders and the assessment of severity were carried out using the Russian-language version of the hospital scale of anxiety and depression HADS.*

Results. *It was found, that signs of depression were observed in 34,9% of the surveyed students and were statistically significantly more common among girls compared with boys. The frequency of problematic social media use among students with signs of depression was 36,4%. Among both the surveyed girls and boys the number of people with signs of depression in combination with problematic use of social networks was more than twice as high as in patients without problematic use of social networks.*

Conclusion. *Associations of problematic use of social networks with indicators of depression on the HADS scale among students studying at a medical university have been revealed.*

Keywords: *depressive disorders; problematic use of social networks; medical students*

For citation. *Yaskevich R.A., Moskalenko O.L. Association of Problematic Use of Social Networks with Indicators of Depression on the HADS Scale Among Medical University Students. Russian Journal of Education and Psychology, 2024, vol. 15, no. 1, pp. 251-273. DOI: 10.12731/2658-4034-2024-15-1-528*

Введение

С широким развитием цифровых технологий люди стали чаще использовать платформы социальных сетей для доступа к новостям, информации и развлечениям, публикации фотографий, выражения своего мнения, поиска друзей и т.д. [2, с. 158-183; 17, с. 106845; 34,

с. 13496]. По данным интернет портала «*Global Overview Report*», в настоящее время в мире насчитывается 4,76 миллиарда пользователей социальных сетей, что составляет 59,4% от общей численности населения планеты [18]. Тем не менее, чрезмерное использование социальных сетей часто приводит к зависимости, что вызывает ряд проблем [19, с. 12-32; 30, с. e33450; 32, с. 160-173]. Исследования показывают, что проблемное использование социальных сетей связано со многими социологическими, психологическими и физиологическими проблемами [35].

Однако имеющиеся литературные данные о влиянии социальных сетей на психическое здоровье противоречивы [16, с. e27000; 20, с. 210; 23, с. 1280-1285; 24, с. 327; 25, с. 102128]. В одних исследованиях сообщается о пользе использования социальных сетей для психического здоровья, включая усиление социальной поддержки, укрепление связей и поиск помощи [23, с. 1280-1285]. В других, наоборот, были выявлены ассоциации проблемного использования социальных сетей с рядом психосоциальных проблем, такими как психологический стресс, тревога и депрессия [16, с. e2700020; 24, с. 327; 25, с. 102128]. В проведенном недавно крупном метаанализе Н. Shannon с соавт. (2022) было показано, что проблемное использование социальных сетей как специфическая форма интернет-аддиктивного поведения имело умеренную, но статистически значимую зависимость с депрессией, тревогой и стрессом [30, с. e33450]. С. Huang (2022) при анализе 133 независимых выборок выявил значительную, но слабую негативную связь проблемного использования социальных сетей с удовлетворенностью жизнью и самооценкой (как параметрами благополучия) и умеренную положительную связь с депрессией и одиночеством (как показателями дистресса) [19, с. 12-32].

Проблемы с психическим здоровьем, охватывающим различные сферы повседневной жизни людей, включая психологическое, эмоциональное и социальное благополучие, могут возникнуть у любого человека в любое время [3, с. 66-71; 5, с. 113-119; 6, с. 185-190; 10, с. 280; 11, с. 123-131; 12, с. 146-151; 13, с. 284-302; 14, с. 328-345].

Влияние психического расстройства на учебу студентов является важной проблемой. Стресс влияет на учебу и академическую успеваемость, снижая внимание и концентрацию наряду с нарушением процесса принятия решений [20, с. 210; 21, с. 1089877; 22, с. 3136]. Причины роста психических расстройств среди молодежи сложны и зависят от многих факторов [1, с. 10-28; 4, с. 118-135; 7, с. 51-56; 8, с. 173-193; 9, с. 121-141], включая такую причину, как зависимость от социальных сетей [20, с. 210; 28, с. e43213]. М.А. Alfaya с соавт. (2023) была установлена значительная положительная взаимосвязь между симптомами депрессии и зависимостью от социальных сетей. Студенты-медики с симптомами депрессии ($p=0,005$) имели более высокий балл по шкале «*Bergen Social Media Addiction Scale*» (BSMAS) в сравнении со своими коллегами, не имеющим депрессивных расстройств [15, с. 1370].

Таким образом, несмотря на растущее распространение социальных сетей в жизни людей, их влияние на субъективное благополучие пользователей является источником беспокойства во всем мире и требует проведения современных исследований по изучению влияния социальных сетей в психическое здоровье человека [27, с. 1017506].

Цель исследования

Изучить ассоциацию проблемного использования социальных сетей с показателями депрессии по шкале HADS у студентов медицинского университета.

Материалы и методы

Обследовано 229 студентов обоего пола, проходивших обучение на 3 курсе лечебного факультета ГБОУ ВПО «КрасГМУ им. проф. Ф.В. Войно-Ясенецкого» МЗ РФ. Средний возраст обследуемых составил 20 [19; 21] лет.

Данное исследование проводилось согласно этическим принципам, используемых в медицинских исследованиях с участием человека в качестве их субъекта. Всеми принявшими участие в на-

стоящем исследовании студентами было подписано информированное согласие.

Выявление депрессивных расстройств и оценка степени тяжести проводилось с использованием русскоязычной версии госпитальной шкалы тревоги и депрессии «*The Hospital Anxiety and Depression scale*» (HADS) [37, с. 361-70]. При интерпретации результатов учитывался суммарный показатель по субшкале «депрессия»: 0-7 баллов - «норма» (отсутствие достоверных симптомов депрессии); 8-10 баллов - «субклинически выраженная депрессия (СВД)»; 11 баллов и выше - «клинически выраженная депрессия (КВД)». Суммарный показатель (СВД+КВД) по субшкале «депрессия» 8 и более баллов свидетельствовал о наличии признаков депрессии.

Проблемное использования социальных сетей выявляли, используя русскоязычную версию опросника «*The Social Media Disorder Scale*» (SMDS) [33, с. 478-487]. Применяемый в исследовании опросник SMDS состоит из 9 вопросов, касающихся поведенческих расстройств, вызванных чрезмерным использованием сайтов социальных сетей. На каждый вопрос предлагалось два варианта ответа: «да» или «нет». Пять или более положительных ответов из девяти указывали на наличие проблемного использования социальных сетей [33, 478-487].

Статистический анализ данных проведен с использованием программного пакета «IBM SPSS Statistics 26». Сравнительный анализ частот категориальных признаков проводили с применением критерия χ^2 (Chi-square). Представленные медианой (Me) и межквартильным интервалом $[Q_1; Q_3]$ количественные признаки анализировались с использованием U-теста Mann-Whitney. При проверке нулевой гипотезы критический уровень статистической значимости принимался при значениях $p=0,05$.

Результаты и обсуждение

Согласно результатам тестирования по шкале HADS, признаки депрессии были выявлены у 17,0% обследованных студентов. Частота депрессии среди девушек была статистически значимо выше в сравнении с юношами: 18,7% vs 12,1% ($\chi^2=32,1$, $df=1$, $p=0,001$) (рис. 1).

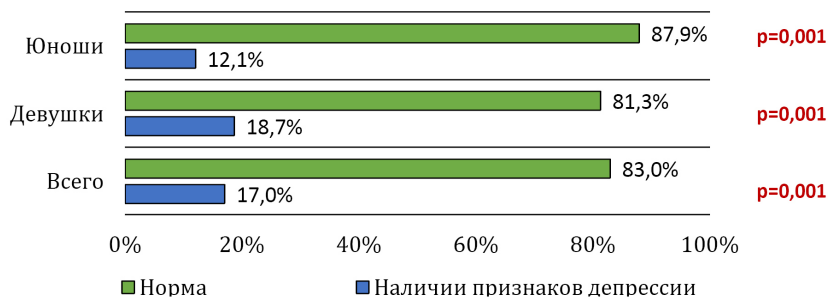

Рис. 1. Частота депрессии по шкале HADS среди студентов медицинского университета

При этом доля лиц с субклинически выраженной депрессией составила 64,1% и клинически выраженной – 35,9% соответственно ($\chi^2=6,21$, $df=1$, $p=0,013$) (рис.2).

Среди юношей статистически значимо преобладали лица, имеющие клинически выраженную депрессию: 57,1% vs 31,3% ($\chi^2=5,14$, $df=1$, $p=0,023$), тогда как среди девушек число лиц с субклинически выраженной депрессией было статистически значимо выше: 68,8% vs 42,9% ($\chi^2=28,9$, $df=1$, $p=0,001$) соответственно.

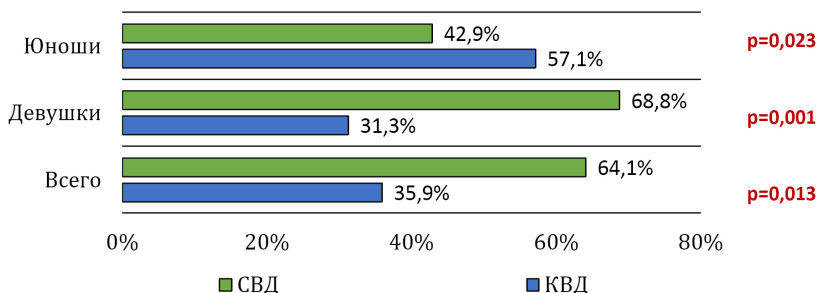

Рис. 2. Частота различных уровней депрессии по шкале HADS среди студентов медицинского университета

Примечание: СВД – субклинически выраженная депрессия, КВД – клинически выраженная депрессия.

Полученные нами данные о частоте депрессивных расстройств среди студентов медицинского университета согласуются с результатами проведенных ранее исследований [24, с. 327; 26, с. 853-

860; 31, с. e0286424]. Так, в исследовании J. Sserunkuuma с соавт. (2023) у 16,73% студентов-медиков были выявлены симптомы депрессии от умеренной до тяжелой степени. Распространенность минимальных, легких, умеренных, умеренно тяжелых и тяжелых симптомов депрессии составила 35,32%, 25,65%, 10,78%, 3,72%, и 2,23% соответственно [31, с. e0286424]. У большинства участников исследования, проведенного R. Olum с соавт. (2020) распространенность депрессии составила 21,5%, из которых 64,1% имели умеренную депрессию [26, с. 853-860]. Y. Mao с соавт. (2019) был проведен систематический обзор и метаанализ тревожно-депрессивных расстройств и связанных с ними детерминант среди китайских студентов-медиков. По данным исследования, распространенность депрессии составила от 13,1 до 76,2% при среднем значении 32,7% [24, с. 327].

Следующим этапом настоящего исследования было выявление проблемного использования социальных сетей среди обучающихся в медицинском университете. По результатам тестирования с использованием опросника SMDS, наличие зависимости от социальных сетей было выявлено у 22 (9,6%) студентов. После разделения обследуемых по полу было установлено, что среди девушек данный тип интернет-аддиктивного поведения встречался несколько чаще - 10,5% в сравнении с юношами - 6,9% ($\chi^2=0,66$, $df=1$, $p=0,418$).

Полученные данные по частоте проблемного использования социальных сетей среди студентов-медиков согласуются с результатами проведенных ранее исследований [15, с. 1370; 29, с. 189-198; 36, с. 1373; 38, с. 13178]. Общая распространенность зависимости от социальных сетей среди 280 студентов-медиков медицинского факультета в Стамбуле, по данным U. Sayılı с соавт. (2023) составила 6,1% (3,3-8,9%), 4,8% (2,3-7,3%) у мужчин и 7,4% (4,3-10,5%) у женщин [29, с. 189-198]. В крупном перекрестном онлайн-исследовании среди студентов высших учебных заведений Словении (N = 4868) распространенность симптомов зависимости от социальных сетей составила 4,6%, причем жен-

щины демонстрировали более высокий процент, чем мужчины [38, с. 13178]. По данным исследования J. Zhao с соавт. (2022) 2,9% обследованных студентов государственного университета в Китае соответствовали критериям зависимости от социальных сетей по шкале BSMAS. Распространенность зависимости от социальных сетей у мужчин и женщин в текущем исследовании составила 1,2 и 4,3% соответственно. У женщин частота зависимости и уровни SMA были выше, чем у мужчин [36, с. 1373]. Однако, согласно данным исследования М.А. Alfaa с соавт. (2023) среди обследованных студентов-медиков в Саудовской Аравии скорректированный линейный регрессионный анализ показал, что у студентов мужского пола зависимость от социальных сетей была выше, чем у их коллег-женщин [15, с. 1370].

Далее была оценена частота проблемного использования социальных сетей в зависимости от наличия признаков депрессии (рис.3). В целом частота проблемного использования социальных сетей среди лиц, имеющих признаки депрессии, составила 36,4%. Среди студентов, не имеющих признаков депрессии – 63,6% ($\chi^2=3,27$, $df=1$, $p=0,070$) соответственно. Среди обследованных юношей количество лиц, имеющих признаки депрессии с зависимостью от социальных сетей, было в два раза больше в сравнении с пациентами без проблемного использования социальных сетей: 25% vs 11,1% ($\chi^2=0,08$, $df=1$, $p=0,411$), в то время как среди девушек таких пациенток было статистически значимо больше: 38,9% vs 16,3% ($\chi^2=5,38$, $df=1$, $p=0,020$). При этом частота проблемного использования социальных сетей среди юношей, имеющих признаки депрессии, была ниже в сравнении с девушками: 25,0% vs 38,9% ($\chi^2=0,27$, $df=1$, $p=0,601$).

Анализ ассоциации проблемного использования социальных сетей среди студентов медицинского университета с различными уровнями депрессии по шкале HADS показал, что среди студентов с проблемным использованием социальных сетей несколько чаще встречались лица, имеющие клинически выраженную депрессию: 37,5% vs 35,5% ($\chi^2=0,01$, $df=1$, $p=0,916$) (рис.4).

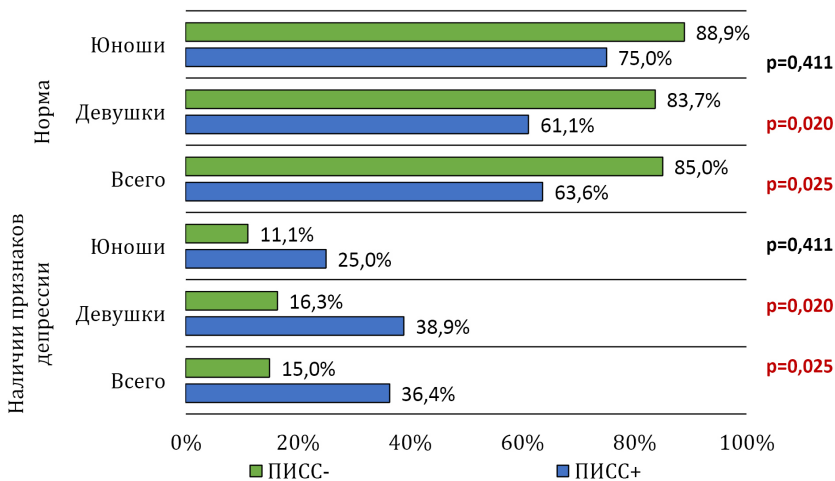

Рис. 3. Частота проблемного использования социальных сетей среди студентов медицинского университета в зависимости от наличия признаков депрессии по шкале HADS

Примечание: ПИСС – Проблемное использование социальных сетей

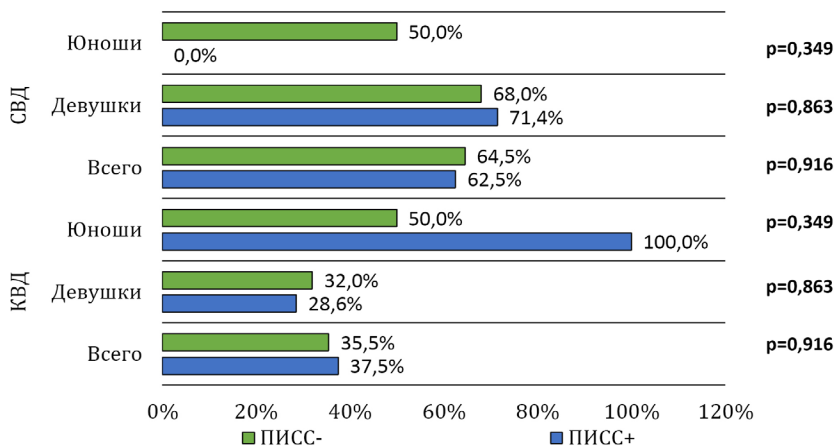

Рис. 4. Ассоциация проблемного использования социальных сетей среди студентов медицинского университета с различными уровнями депрессии по шкале HADS

Примечание: ПИСС – проблемное использование социальных сетей, СВД – субклинически выраженная депрессия, КВД – клинически выраженная депрессия

Среди юношей с проблемным использованием социальных сетей встречались лица, имеющие только клинически выраженную депрессию, в то время как среди девушек с проблемным использованием социальных сетей более 70% обследованных (71,4%) имели субклинически выраженную депрессию.

Резюмируя вышеизложенное, следует отметить, что, согласно полученным данным, частота проблемного использования социальных сетей среди лиц, имеющих признаки депрессии, составила 36,4%. Как среди обследованных девушек, так и среди юношей количество лиц, имеющих признаки депрессии в сочетании с проблемным использованием социальных сетей, было более чем в два раза выше по сравнению с пациентами без проблемного использования социальных сетей. Аналогичным образом в вышеупомянутом исследовании М.А. Alfaуа с соавт. (2023) была установлена значительная положительная взаимосвязь между симптомами депрессии и зависимостью от социальных сетей. Студенты-медики с симптомами депрессии ($p=0,005$) имели более высокий балл по шкале BSMAS в сравнении со своими коллегами, не имеющим депрессивных расстройств [15, с. 1370].

Полученные закономерности, установленные при проведении этого исследования, необходимо учитывать при проведении профилактических мероприятий среди студентов медицинских учебных заведений, имеющих признаки депрессии или склонных к ней, в сочетании с проблемным использованием социальных сетей для последующей коррекции этих расстройств.

Выводы

Установлено, что признаки депрессии отмечались у 34,9% обследованных студентов и среди девушек встречались статистически значимо чаще в сравнении с юношами. Частота проблемного использования социальных сетей среди студентов, имеющих признаки депрессии, составила 36,4%. Как среди обследованных девушек, так и среди юношей количество лиц, имеющих признаки депрессии в сочетании с зависимостью от социальных сетей, было более чем

в два раза выше по сравнению с пациентами без проблемного использования социальных сетей.

Информация о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Информация о спонсорстве. Исследование не имело спонсорской поддержки.

Список литературы

1. Деревянных Е.В., Балашова Н.А., Яскевич Р.А., Москаленко О.Л. Частота и выраженность тревожно-депрессивных нарушений у студентов медицинского вуза // В мире научных открытий. 2017. Т. 9, № 1. С. 10-28. <https://doi.org/10.12731/wsd-2017-1-10-28>
2. Зотова Д.В., Розанов В.А. Патологическое использование и зависимость от социальных сетей - анализ с позиций феноменологии аддиктивного поведения // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2020. Т. 10. Вып. 2. С. 158-183. <https://doi.org/10.21638/spbu16.2020.204>
3. Игнатова И.А., Яскевич Р.А., Шилов С.Н., Покидышева Л.И. Показатели качества жизни у слабослышащих мигрантов Крайнего Севера в период реадaptации к новым климатическим условиям // Российская оториноларингология. 2013. № 6 (67). С. 66-71.
4. Москаленко О.Л., Терещенко С.Ю., Яскевич Р.А. Влияние интернет-аддикции на показатели депрессии у студентов медицинского вуза // Russian Journal of Education and Psychology. 2022. Т.13, № 5. С. 118-135. <https://doi.org/10.12731/2658-4034-2022-13-4-133-150>
5. Москаленко О.Л., Яскевич Р.А. Тревожно-депрессивные расстройства у жителей Крайнего Севера и Сибири // Russian Journal of Education and Psychology. 2021. Т. 12, № 3-2. С. 113-119. <https://doi.org/10.12731/2658-4034-2021-12-3-2-113-119>
6. Москаленко О.Л., Яскевич Р.А. Тревожно-депрессивные расстройства у пациентов с артериальной гипертонией (обзор литературы) // Russian Journal of Education and Psychology. 2021. Т. 12, № 1-2. С. 185-190. <https://doi.org/10.12731/2658-4034-2021-12-1-2-185-190>

7. Попов В.И., Милушкина О.Ю., Скоблина Н.А. и др. Влияние использования социальных сетей на формирование интернет-зависимостей у студентов-медиков // *Здоровье населения и среда обитания*. 2022. Т. 30. № 8. С. 51–56. <https://doi.org/10.35627/2219-5238/2022-30-8-51-56>
8. Яскевич Н.А., Лычаков А.С., Яскевич Р.А., Москаленко О.Л. Оценка роли хронобиологического типа личности в формировании интернет-аддиктивного поведения у школьников // *Russian Journal of Education and Psychology*. 2023. Т.14, № 1. С. 173-193. <https://doi.org/10.12731/2658-4034-2023-14-1-173-193>
9. Яскевич Н.А., Рыбин Е.А., Яскевич Р.А., Москаленко О.Л. Оценка взаимосвязи интернет-аддиктивного поведения и клипового мышления у школьников // *Russian Journal of Education and Psychology*. 2023. Т. 14, №2. С. 121-141. <https://doi.org/10.12731/2658-4034-2023-14-2-121-141>
10. Яскевич Р.А., Игнатова И.А., Шилов С.Н. и др. Влияние тревожно-депрессивных расстройств на качество жизни слабослышащих мигрантов Крайнего Севера в период реадaptации к новым климатическим условиям // *Современные проблемы науки и образования*. 2014. № 4. С. 279.
11. Яскевич Р.А., Каспаров Э.В., Гоголашвили Н.Г. Расстройства депрессивного характера при метаболическом синдроме у мигрантов Крайнего Севера с артериальной гипертонией // *Сибирский научный медицинский журнал*. 2023. Т. 43. № 4. С. 123-131. <https://doi.org/10.18699/SSMJ20230413>
12. Яскевич Р.А., Кочергина К.Н., Каспаров Э.В. Влияние выраженности тревожно-депрессивных расстройств на качество жизни больных артериальной гипертонией // *Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture*. 2019. Т. 11, № 5-2. С. 146-151. <https://doi.org/10.12731/2658-6649-2019-11-5-2-146-151>
13. Яскевич Р.А., Москаленко О.Л. Аффективные расстройства у женщин, имеющих хроническую ишемическую болезнь сердца в сочетании с метаболическим синдромом // *Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture*. 2023. Т. 15. № 2. С. 284-302. <https://doi.org/10.12731/2658-6649-2023-15-3-254-278>

14. Яскевич Р.А., Москаленко О.Л. Аффективные расстройства у мужчин, имеющих хроническую ишемическую болезнь сердца в сочетании с метаболическим синдромом // *Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture*. 2023. Т. 15. № 1. С. 327-345. <https://doi.org/10.12731/2658-6649-2023-15-1-327-345>
15. Alfaya M.A., Abdullah N.S., Alshahrani N.Z. et al. Prevalence and Determinants of Social Media Addiction among Medical Students in a Selected University in Saudi Arabia: A Cross-Sectional Study // *Healthcare (Basel)*, 2023, no. 11(10), p. 1370. <https://doi.org/10.3390/healthcare11101370>
16. Cheng C., Ebrahimi O.V., Luk J.W. Heterogeneity of Prevalence of Social Media Addiction Across Multiple Classification Schemes: Latent Profile Analysis // *J. Med. Internet. Res.*, 2022, no. 24(1), p. e27000. <https://doi.org/10.2196/27000>
17. Cheng C., Lau Y., Chan L., Luk J.W. Prevalence of social media addiction across 32 nations: Meta-analysis with subgroup analysis of classification schemes and cultural values // *Addict. Behav.*, 2021, no. 117, p. 106845. <https://doi.org/10.1016/j.addbeh.2021.106845>
18. Digital 2023: Global Overview Report. Global Digital Insights. 2023. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2023-global-overview-report> (accessed 15.12.2023).
19. Huang C.A. Meta-analysis of the problematic social media use and mental health // *Int. J. Soc. Psychiatry*, 2022, no. 68(1), pp. 12-33. <https://doi.org/10.1177/0020764020978434>
20. Hussain Z., Wegmann E., Yang H., Montag C. Social networks use disorder and associations with depression and anxiety symptoms: a systematic review of recent research in China // *Front Psychol.*, 2020, no. 11, p. 211. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.00211>
21. Lai A.Y., Yeung W.F. Editorial: Mental health of higher education students // *Front Psychiatry*, 2022, vol. 13, p. 1089877. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.1089877>
22. Lee M.H.L., Kaur M., Shaker V. et al. Cyberbullying, Social Media Addiction and Associations with Depression, Anxiety, and Stress among Medical Students in Malaysia // *Int. J. Environ. Res. Public Health*, 2023, no. 20(4), p. 3136. <https://doi.org/10.3390/ijerph20043136>

23. Lin S., Liu D., Niu G., Longobardi C. Active social network sites use and loneliness: the mediating role of social support and self-esteem // *Curr. Psychol.*, 2020, no. 41(3), pp. 1279-1286. <https://doi.org/10.1007/s12144-020-00658-8>
24. Mao Y., Zhang N., Liu J. et al. A systematic review of depression and anxiety in medical students in China // *BMC Med. Educ*, 2019, no. 19(1), p. 327. <https://doi.org/10.1186/s12909-019-1744-2>
25. Meng S.Q., Cheng J.L., Li Y.Y. et al., Global prevalence of digital addiction in general population: a systematic review and meta-analysis // *Clin Psychol Rev.*, 2022, no. 92, p. 102128. [https://doi.org/10.1016/j.cpr.2022.102128.S0272-7358\(22\)00013-7](https://doi.org/10.1016/j.cpr.2022.102128.S0272-7358(22)00013-7)
26. Olum R., Nakwagala F.N., Odokonyero R. Prevalence and Factors Associated with Depression among Medical Students at Makerere University, Uganda // *Adv. Med. Edu.c Pract.*, 2020, no. 11, pp. 853-860. <https://doi.org/10.2147/AMEP.S278841>
27. Pellegrino A, Stasi A, Bhatiasevi V. Research trends in social media addiction and problematic social media use: A bibliometric analysis // *Front Psychiatry.*, 2022, no. 13, p. 1017506. <https://doi.org/10.3389/fpsy.2022.1017506>
28. Plackett R., Sheringham J., Dykxhoorn J. The Longitudinal Impact of Social Media Use on UK Adolescents' Mental Health: Longitudinal Observational Study // *J. Med. Internet. Res.*, 2023, no. 25, p. e43213. <https://doi.org/10.2196/43213>
29. Sayili U., Pirdal B.Z., Kara B. et al. Internet Addiction and Social Media Addiction in Medical Faculty Students: Prevalence, Related Factors, and Association with Life Satisfaction // *J. Community Health*, 2023, no. 48(2), pp. 189-198. <https://doi.org/10.1007/s10900-022-01153-w>
30. Shannon H., Bush K., Villeneuve P.J. et al. Problematic Social Media Use in Adolescents and Young Adults: Systematic Review and Meta-analysis // *JMIR Ment Health*, 2022, no. 9(4), p. e33450. <https://doi.org/10.2196/33450>
31. Sserunkuuma J., Kaggwa M.M., Muwanguzi M. et al. Problematic use of the internet, smartphones, and social media among medical students and relationship with depression: An exploratory study // *PLoS One*, 2023, no. 18(5), p. e0286424. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0286424>

32. Tereshchenko S.Y. Neurobiological risk factors for problematic social media use as a specific form of Internet addiction: A narrative review // *World. J. Psychiatry*, 2023, no. 13(5), pp. 160-173. <https://doi.org/10.5498/wjp.v13.i5.160>
33. Van Den Eijnden R.J.J.M., Lemmens J.S., Valkenburg P.M. The social media disorder scale // *Comput. Hum. Behav.*, 2016, no. 61, pp. 478-487. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2016.03.038>
34. Xiao W., Peng J., Liao S. Exploring the Associations between Social Media Addiction and Depression: Attentional Bias as a Mediator and Socio-Emotional Competence as a Moderator // *Int. J. Environ. Res. Public Health*, 2022, no. 19(20), p. 13496. <https://doi.org/10.3390/ijerph192013496>
35. Yigiter, M.S., Demir S., Dogan N. The Relationship Between Problematic Social Media Use and Depression: A Meta-Analysis Study // *Curr. Psychol.*, 2023, <https://doi.org/10.1007/s12144-023-04972-9>
36. Zhao J., Jia T., Wang X. et al. Risk Factors Associated with Social Media Addiction: An Exploratory Study // *Front. Psychol.*, 2022, no. 13, p. 1372. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.837766>
37. Zigmond A.S., Snaith R.P. The hospital anxiety and depression scale // *Acta. Psychiatr. Scand.*, 1983, no. 67(6), pp. 361-70.
38. Žmavc M., Šorgo A., Gabrovec B. et al. The Protective Role of Resilience in the Development of Social Media Addiction in Tertiary Students and Psychometric Properties of the Slovenian Bergen Social Media Addiction Scale (BSMAS) // *Int. J. Environ. Res. Public Health*, 2022, no. 19(20), p. 13178. <https://doi.org/10.3390/ijerph192013178>

References

1. Derevyannykh E.V., Balashova N.A., Yaskevich R.A., Moskalenko O.L. Chastota i vyrazhennost' trevozhno-depressivnykh narusheniy u studentov meditsinskogo vuza [Frequency and severity of anxiety-depressive disorders in medical students]. *V mire nauchnykh otkrytiy* [In the world of scientific discoveries], 2017, vol. 9, no. 1, pp. 10-28. <https://doi.org/10.12731/wsd-2017-1-10-28>
2. Zotova D.V., Rozanov V.A. Patologicheskoe ispol'zovanie i zavisimost' ot sotsial'nykh setey-analiz s pozitsiy fenomenologii addiktivnogo po-

- vedeniya [Pathological use and dependence on social networks - analysis from the standpoint of the phenomenology of addictive behavior]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Psikhologiya* [Bulletin of St. Petersburg University], 2020, vol. 10, no. 2, pp. 158-183. <https://doi.org/10.21638/spbu16.2020.204>
3. Ignatova I.A., Yaskevich R.A., Shilov S.N., Pokidysheva L.I. Pokazateli kachestva zhizni u slaboslyshashchikh migrantov Kraynego Severa v period readaptatsii k novym klimaticheskim usloviyam [Indicators of quality of life among hearing-impaired migrants of the Far North during the period of readaptation to new climatic conditions]. *Rossiyskaya otorinolaringologiya* [Russian Otorhinolaryngology], 2013, no. 6(67), pp. 66-71.
 4. Moskalenko O.L., Tereshchenko S.Yu., Yaskevich R.A. Vliyanie internet-addiktzii na pokazateli depressii u studentov meditsinskogo vuza [The influence of Internet addiction on depression indicators in medical students] *Russian Journal of Education and Psychology*, 2022, vol. 13, no. 5, pp. 118-135. <https://doi.org/10.12731/2658-4034-2022-13-4-133-150>
 5. Moskalenko O.L., Yaskevich R.A. Trevozhno-depressivnye rasstroystva u zhitel'ey Kraynego Severa i Sibiri [Anxiety and depressive disorders in residents of the Far North and Siberia]. *Russian Journal of Education and Psychology*, 2021, vol. 12, no. 3-2, pp. 113-119. <https://doi.org/10.12731/2658-4034-2021-12-3-2-113-119>
 6. Moskalenko O.L., Yaskevich R.A. Trevozhno-depressivnye rasstroystva u patsientov s arterial'noy gipertoniey (obzor literatury) [Anxiety and depressive disorders in patients with arterial hypertension (literature review)]. *Russian Journal of Education and Psychology*, 2021, vol. 12, no. 1-2, pp. 185-190. <https://doi.org/10.12731/2658-4034-2021-12-1-2-185-190>
 7. Popov V.I., Milushkina O.Yu., Skoblina N.A. i dr. Vliyanie ispol'zovaniya sotsial'nykh setey na formirovanie internet-zavisimostey u studentov-medikov [The influence of the use of social networks on the formation of Internet addiction among medical students]. *Zdorov'e naseleniya i sreda obitaniya* [Population health and habitat], 2022, vol. 30, no. 8, pp. 51-56. <https://doi.org/10.35627/2219-5238/2022-30-8-51-56>
 8. Yaskevich N.A., Lychakov A.S., Yaskevich R.A., Moskalenko O.L. Otsenka roli khronobiologicheskogo tipa lichnosti v formirovanii inter-

- net-addiktivnogo povedeniya u shkol'nikov [Evaluation of the role of the chronobiological personality type in the formation of Internet addictive behavior in schoolchildren]. *Russian Journal of Education and Psychology*, 2023, vol. 14, no. 1, pp. 173-193. <https://doi.org/10.12731/2658-4034-2023-14-1-173-193>
9. Yaskevich N.A., Rybin E.A., Yaskevich R.A., Moskalenko O.L. Otsenka vzaimosvyazi internet-addiktivnogo povedeniya i klipovogo myshleniya u shkol'nikov [Evaluation of the relationship between Internet addictive behavior and clip thinking in schoolchildren]. *Russian Journal of Education and Psychology*, 2023, vol. 14, no. 2, pp. 121-141. <https://doi.org/10.12731/2658-4034-2023-14-2-121-141>
 10. Yaskevich R.A., Ignatova I.A., Shilov S.N. et al. Vliyanie trevozhno-depressivnykh rasstroystv na kachestvo zhizni slaboslyshashchikh migrantov Kraynego Severa v period readaptatsii k novym klimaticheskim usloviyam [Influence of anxiety-depressive disorders on the quality of life of hearing-impaired migrants of the Far North during the period of readaptation to new climatic conditions]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern problems of science and education], 2014, no. 4, p. 279.
 11. Yaskevich R.A., Kasparov E.V., Gogolashvili N.G. Rasstroystva depressivnogo kharaktera pri metabolicheskom sindrome u migrantov Kraynego Severa s arterial'noy gipertoniey [Depressive disorders in metabolic syndrome among migrants of the Far North with arterial hypertension]. *Sibirskiy nauchnyy meditsinskiy zhurnal* [Siberian Scientific Medical Journal], 2023, vol. 43, no. 4, pp. 123-131. <https://doi.org/10.18699/SSMJ20230413>
 12. Yaskevich R.A., Kochergina K.N., Kasparov E.V. Vliyanie vyrazhennosti trevozhno-depressivnykh rasstroystv na kachestvo zhizni bol'nykh arterial'noy gipertoniey [The influence of the severity of anxiety-depressive disorders on the quality of life of patients with arterial hypertension]. *Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture*, 2019, vol. 11, no. 5-2, pp. 146-151. <https://doi.org/10.12731/2658-6649-2019-11-5-2-146-151>
 13. Yaskevich R.A., Moskalenko O.L. Affektivnye rasstroystva u zhenshchin, imeyushchikh khronicheskuyu ishemicheskuyu bolezny' serdtsa v sochetanii s metabolicheskim sindromom [Affective disorders in women with chronic ischemic heart disease in combination with metabolic syndrome]. *Siberian*

- Journal of Life Sciences and Agriculture*, 2023, vol. 15, no. 2, pp. 284-302. <https://doi.org/10.12731/2658-6649-2023-15-3-254-278>
14. Yaskevich R.A., Moskalenko O.L. Affektivnye rasstroystva u muzhchin, imeyushchikh khronicheskuyu ishemicheskuyu bolezn' serdtsa v sochetanii s metabolicheskim sindromom [Affective disorders in men with chronic ischemic heart disease in combination with metabolic syndrome]. *Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture*, 2023, vol. 15, no. 1, pp. 327-345. <https://doi.org/10.12731/2658-6649-2023-15-1-327-345>
 15. Alfaya M.A., Abdullah N.S., Alshahrani N.Z. et al. Prevalence and Determinants of Social Media Addiction among Medical Students in a Selected University in Saudi Arabia: A Cross-Sectional Study. *Healthcare (Basel)*, 2023, no. 11(10), p. 1370. <https://doi.org/10.3390/healthcare11101370>
 16. Cheng C., Ebrahimi O.V., Luk J.W. Heterogeneity of Prevalence of Social Media Addiction Across Multiple Classification Schemes: Latent Profile Analysis. *J. Med. Internet. Res.*, 2022, no. 24(1), p. e27000. <https://doi.org/10.2196/27000>
 17. Cheng C., Lau Y., Chan L., Luk J.W. Prevalence of social media addiction across 32 nations: Meta-analysis with subgroup analysis of classification schemes and cultural values. *Addict. Behav.*, 2021, no. 117, p. 106845. <https://doi.org/10.1016/j.addbeh.2021.106845>
 18. Digital 2023: Global Overview Report. Global Digital Insights. 2023. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2023-global-overview-report> (accessed 15.12.2023).
 19. Huang C.A. Meta-analysis of the problematic social media use and mental health. *Int. J. Soc. Psychiatry*, 2022, no. 68(1), pp. 12-33. <https://doi.org/10.1177/0020764020978434>
 20. Hussain Z., Wegmann E., Yang H., Montag C. Social networks use disorder and associations with depression and anxiety symptoms: a systematic review of recent research in China. *Front Psychol.*, 2020, no. 11, p. 211. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.00211>
 21. Lai A.Y., Yeung W.F. Editorial: Mental health of higher education students. *Front Psychiatry*, 2022, vol. 13, p. 1089877. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.1089877>

22. Lee M.H.L., Kaur M., Shaker V. et al. Cyberbullying, Social Media Addiction and Associations with Depression, Anxiety, and Stress among Medical Students in Malaysia. *Int. J. Environ. Res. Public Health*, 2023, no. 20(4), p. 3136. <https://doi.org/10.3390/ijerph20043136>
23. Lin S., Liu D., Niu G., Longobardi C. Active social network sites use and loneliness: the mediating role of social support and self-esteem. *Curr. Psychol.*, 2020, no. 41(3), pp. 1279-1286. doi: 10.1007/s12144-020-00658-8.
24. Mao Y., Zhang N., Liu J. et al. A systematic review of depression and anxiety in medical students in China. *BMC Med. Educ*, 2019, no. 19(1), p. 327. <https://doi.org/10.1186/s12909-019-1744-2>
25. Meng S.Q., Cheng J.L., Li Y.Y. et al. Global prevalence of digital addiction in general population: a systematic review and meta-analysis. *Clin Psychol Rev.*, 2022, no. 92, p. 102128. [https://doi.org/10.1016/j.cpr.2022.102128.S0272-7358\(22\)00013-7](https://doi.org/10.1016/j.cpr.2022.102128.S0272-7358(22)00013-7)
26. Olum R., Nakwagala F.N., Odokonyero R. Prevalence and Factors Associated with Depression among Medical Students at Makerere University, Uganda. *Adv. Med. Educ Pract.*, 2020, no. 11, pp. 853-860. <https://doi.org/10.2147/AMEP.S278841>
27. Pellegrino A, Stasi A, Bhatiasevi V. Research trends in social media addiction and problematic social media use: A bibliometric analysis. *Front Psychiatry.*, 2022, no. 13, p. 1017506. <https://doi.org/10.3389/fpsy.2022.1017506>
28. Plackett R., Sheringham J., Dykxhoorn J. The Longitudinal Impact of Social Media Use on UK Adolescents' Mental Health: Longitudinal Observational Study. *J. Med. Internet. Res.*, 2023, no. 25, p. e43213. <https://doi.org/10.2196/43213>
29. Sayili U., Pirdal B.Z., Kara B. et al. Internet Addiction and Social Media Addiction in Medical Faculty Students: Prevalence, Related Factors, and Association with Life Satisfaction. *J. Community Health*, 2023, no. 48(2), pp. 189-198. <https://doi.org/10.1007/s10900-022-01153-w>
30. Shannon H., Bush K., Villeneuve P.J. et al. Problematic Social Media Use in Adolescents and Young Adults: Systematic Review and Meta-analysis. *JMIR Ment Health*, 2022, no. 9(4), p. e33450. <https://doi.org/10.2196/33450>

31. Sserunkuuma J., Kagwa M.M., Muwanguzi M. et al. Problematic use of the internet, smartphones, and social media among medical students and relationship with depression: An exploratory study. *PLoS One*, 2023, no. 18(5), p. e0286424. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0286424>
32. Tereshchenko S.Y. Neurobiological risk factors for problematic social media use as a specific form of Internet addiction: A narrative review. *World. J. Psychiatry*, 2023, no. 13(5), pp. 160-173. <https://doi.org/10.5498/wjp.v13.i5.160>
33. Van Den Eijnden R.J.J.M., Lemmens J.S., Valkenburg P.M. The social media disorder scale. *Comput. Hum. Behav.*, 2016, no. 61, pp. 478-487. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2016.03.038>
34. Xiao W., Peng J., Liao S. Exploring the Associations between Social Media Addiction and Depression: Attentional Bias as a Mediator and Socio-Emotional Competence as a Moderator. *Int. J. Environ. Res. Public Health*, 2022, no. 19(20), p. 13496. <https://doi.org/10.3390/ijerph192013496>
35. Yigiter, M.S., Demir S., Dogan N. The Relationship Between Problematic Social Media Use and Depression: A Meta-Analysis Study. *Curr. Psychol.*, 2023, <https://doi.org/10.1007/s12144-023-04972-9>
36. Zhao J., Jia T., Wang X. et al. Risk Factors Associated with Social Media Addiction: An Exploratory Study. *Front. Psychol.*, 2022, no. 13, p. 1372. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.837766>
37. Zigmond A.S., Snaith R.P. The hospital anxiety and depression scale. *Acta. Psychiatr. Scand.*, 1983, no. 67(6), pp. 361-70.
38. Žmavc M., Šorgo A., Gabrovec B. et al. The Protective Role of Resilience in the Development of Social Media Addiction in Tertiary Students and Psychometric Properties of the Slovenian Bergen Social Media Addiction Scale (BSMAS). *Int. J. Environ. Res. Public Health*, 2022, no. 19(20), p. 13178. <https://doi.org/10.3390/ijerph192013178>

ДААННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Яскевич Роман Анатольевич, доцент кафедры пропедевтики внутренних болезней и терапии с курсом ПО, ведущий научный

сотрудник группы патологии сердечно-сосудистой системы,
доктор медицинских наук, доцент

*Красноярский государственный медицинский университет им.
проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого; Федеральное государственное
бюджетное научное учреждение «Научно-исследовательский
институт медицинских проблем Севера»*

*ул. Партизана Железняка, 1, г. Красноярск, 660022, Россий-
ская Федерация; ул. Партизана Железняка, 3г, г. Красноярск,
660022, Российская Федерация*
holter-24@yandex.ru

Москаленко Ольга Леонидовна, старший научный сотрудник,
кандидат биологических наук

*Федеральное государственное бюджетное научное учреж-
дение «Научно-исследовательский институт медицинских
проблем Севера»*

*ул. Партизана Железняка, 3г, г. Красноярск, 660022, Россий-
ская Федерация*
gre-ll@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Roman A. Yaskevich, associate professor at department of propedeu-
tics of internal diseases and therapy, leading researcher of the
group pathology of the cardiovascular system, doctor of medical
science, docent

*Professor V.F. Voino-Yasenetsky Krasnoyarsk State Medical Uni-
versity; Federal State Budgetary Scientific Institution «Scientific
Research Institute of medical problems of the North»*

*1, P. Zheleznyaka Str., Krasnoyarsk, 660022, Russian Federation;
3g, P. Zheleznyaka Str., Krasnoyarsk, 660022, Russian Federation*
holter-24@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4033-3697>

Scopus Author ID: 56335744200

Researcher ID: E-2876-2018

Olga L. Moskalenko, senior researcher, candidate of biological sciences
*Federal State Budgetary Scientific Institution «Scientific Research
Institute of medical problems of the North»*
3g, P. Zheleznyaka Str., Krasnoyarsk, 660022, Russian Federation
gre-ll@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4268-6568>
Scopus Author ID: 57221448825
Researcher ID: H-4076-2017

Поступила 28.12.2023

После рецензирования 10.01.2024

Принята 29.01.2024

Received 28.12.2023

Revised 10.01.2024

Accepted 29.01.2024

DOI: 10.12731/2658-4034-2024-15-1-527

УДК 159.99

Научные обзоры |

Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред

ПРАВО И ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ: К ПОЗНАНИЮ ОБЩНОСТИ СОЦИАЛЬНЫХ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ФУНКЦИЙ (ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЭТЮД)

П.Ю. Наумов, С.И. Захарцев

***Актуальность.** Феномен права как особой цивилизованной, интеллектуальной и ценностно-содержательной социальной инстанции привлекает внимание ученых для концептуализации его современного состояния, тенденций развития и проблем формирования. Актуальным является установление функциональной роли определенных социальных групп в становлении права и механизмов (алгоритмов) его эффективного, справедливого и верного применения в социальной реальности. В разработке, принятии, адаптации к социальной реальности и оценке применимости в жизни участвуют различные социальные структуры и группы. Особым социальным субъектом в деле торжества права и справедливости, а также разработке его норм является интеллигенция, которая, являясь специфическим отечественным феноменом, на разных этапах исторического развития государства и общества выступала катализатором как отмены устаревших норм, так и опережающего развития права с учетом потребностей широких социальных групп.*

***Материалы и методы.** Целью исследования в статье выступает комплексное познание права и интеллигенции в их функциональной взаимосвязи и отношениях созависимости в сознании субъектов. Предметом исследования является познание общности социальных функций права и интеллигенции с опорой на роль отечественной интеллигенции в формировании права. Для решения*

задач исследования в качестве методологии авторами используются системный, деятельностный и формально-правовой подходы, предполагающие применение компонентного, структурного, функционального, исторического и иных видов анализа, синтеза его результатов, аналогии, сравнения, обобщения, дедукции и абстрагирования.

Результаты и выводы. К основным результатам исследования относятся: концептуализация общности социальных функций права и интеллигенции, а также вывод о том, что в разработке «ткани права» и «социальной жизни права» активную функциональную роль выполняет интеллигенция и интеллигентность, что является одной из характеристик идентичности отечественной правовой системы.

Ключевые слова: интеллигентность; правовое регулирование; социальное функционирование; аксиологический компонент; тенденции развития; современное состояние права; угрозы и вызовы

Для цитирования. Наумов П.Ю., Захарцев С.И. Право и интеллигенция: к познанию общности социальных и психологических функций (теоретический этюд) // *Russian Journal of Education and Psychology*. 2024. Т. 15, № 1. С. 274-288. DOI: 10.12731/2658-4034-2024-15-1-527

Scientific Reviews |

Pedagogical Psychology, Psychodiagnostics of Digital Educational Environments

LAW AND INTELLIGENCE: TO KNOW THE COMMONALITY OF SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL FUNCTIONS (THEORETICAL STUDY)

P.Yu. Naumov, S.I. Zakhartsev

Relevance. The phenomenon of law as a special civilized, intellectual and value-substantive social authority attracts the attention of scientists to conceptualize its current state, development trends and problems of

formation. It is relevant to establish the functional role of certain social groups in the formation of law and the mechanisms (algorithms) for its effective, fair and correct application in social reality. Various social structures and groups are involved in the development, acceptance, adaptation to social reality and assessment of applicability in life. A special social subject in the triumph of law and justice, as well as the development of its norms, is the intelligentsia, which, being a specific domestic phenomenon, at different stages of the historical development of the state and society acted as a catalyst for both the abolition of outdated norms and the rapid development of law, taking into account the needs of broad social groups.

Materials and methods. The purpose of the research in the article is a comprehensive knowledge of law and the intelligentsia in their functional relationship and relationships of codependency in the minds of the subjects. The subject of the study is to understand the commonality of the social functions of law and the intelligentsia, based on the role of the domestic intelligentsia in the formation of law. To solve research problems, the authors use systemic, activity-based and formal legal approaches as a methodology, which involve the use of component, structural, functional, historical and other types of analysis, synthesis of its results, analogy, comparison, generalization, deduction and abstraction.

Results and conclusions. The main results of the study include: conceptualization of the commonality of social functions of law and the intelligentsia, as well as the conclusion that in the development of the “fabric of law” and “social life of law” an active functional role is played by the intelligentsia and intelligence, which is one of the characteristics of the identity of the domestic legal system.

Keywords: intelligence; legal regulation; social functioning; axiological component; development trends; current state of law; threats and challenges

For citation. Naumov P.Yu., Zakhartsev S.I. Law and Intelligence: to Know the Commonality of Social and Psychological Functions (Theoretical Study). *Russian Journal of Education and Psychology*, 2024, vol. 15, no. 1, pp. 274-288. DOI: 10.12731/2658-4034-2024-15-1-527

Введение

Нарастающее комплексное международное давление на нашу страну в различных сферах [24; 25], произвольное применение санкционных мероприятий в отношении России [4; 7; 8; 21] актуализирует в настоящее время социально-правовую и информационную повестку, направленную на внутреннюю психологическую и правовую общественную консолидацию [22].

Традиционной темой для отечественной интеллектуально-ценностной социальной группы, именуемой интеллигенцией, является критическое и глубокое осмысление проблем справедливости, равноправия, правосудия, достойного распределения благ в общественном бытии [3; 5; 6; 10]. Рассматривая пограничную с точки зрения междисциплинарности тему настоящего исследования, следует ориентировать читателя на то, что названное направление творческих изысканий в философии, праве, педагогике, психологии, идеях и суждениях этих наук находит свою концептуализацию и дискуссионное обсуждение [11; 12; 14; 16; 18; 19]. Сегодня, и это отмечают ведущие ученые и практики [23], развитие права и его отражение в сознании социальных субъектов носит системные характеристики [2], право предстает социальной, нормативной, психологической и интегративной инстанцией цивилизованного пути социальной регуляции.

В отмеченной связи тематика исследования ориентируется на функциональный анализ социальной деятельности отечественной интеллигенции, которая вносила и вносит существенный вклад в формирование правовых норм и определение национальной правовой идентичности в процессах глобализации [13].

Социальная включенность, безразличие, соучастие, сострадание и взаимопомощь, которые проявляла и проявляет отечественная интеллигенция, всегда были её атрибутивными социально-психологическими характеристиками, что влияет на сущность и ценностно-смысловое содержание российского права [15, 17; 20].

Методология исследования

Целью исследования в статье выступает комплексное познание права и интеллигенции в их функциональной взаимосвязи и отно-

шениях созависимости в сознании субъектов. Предметом исследования является познание общности социальных функций права и интеллигенции с опорой на роль отечественной интеллигенции в формировании права. Для решения задач исследования в качестве методологии авторами используется системный, деятельностный и формально-правовой подходы, предполагающие применение компонентного, структурного, функционального, исторического и иных видов анализа, синтеза его результатов, аналогии, сравнения, обобщения, дедукции и абстрагирования.

Основная часть

Теоретически обоснованным является стремление к установлению функциональной роли определенных социальных групп в формировании права и механизмов (алгоритмов) его эффективного, справедливого и верного применения в социальной реальности. В разработке, принятии, адаптации к социальной реальности и оценке применимости в жизни участвуют различные социальные структуры и группы. Особым социальным субъектом в деле торжества права и справедливости, а также разработке его норм является интеллигенция, которая, являясь специфическим отечественным феноменом, на разных этапах исторического развития государства и общества, выступала катализатором как отмены устаревших норм, так и опережающего развития права с учетом потребностей широких социальных групп.

Практическое осуществление в теоретическом и эмпирическом аспекте функционального анализа внешнего и внутреннего функционирования интеллигенции и её реального влияния на выработку, формулирование, бытие, применение и прекращение действия правовых норм ориентирует на то, что выполняемые функции детерминируют содержание и самого явления.

Ключевым методологическим ориентиром настоящего исследования выступает выдвинутый выдающимся отечественным физиологом П.К. Анохиным тезис о том, что функция определяет структуру. Эта идея, нашедшая свое отражение и подтверждение

в разработанной им теории функциональных систем означает, что объективированная необходимость или возможность выполнения действия закономерно предполагает наличие и действенность компонента, отвечающего за реальное выполнение [1]. Этот подход к явлениям социальной реальности, творчески интерпретированный в социально-гуманитарном познании, является эффективной когнитивной практикой для познания общности социальных и психологических функций интеллигенции в праве [9].

Применяя указанную методологию и ориентируясь на характеристики функционирования интеллигенции в социально-исторической реальности, когда интеллигенция являлась наиболее консолидирующим и прогрессивным слоем общества, обеспечивая культурное развитие страны и повышения благосостояния её граждан, можно выделить некоторые выполняемые ею функции. Таким образом, если говорить о социальной жизни права и функциональной роли интеллигенции в его бытии, стоит отметить когнитивные, ценностно-смысловые, коммуникационные, информационные, организационно-консолидационные, деятельностные и правоприменительные аспекты, в которых находят свое отражение и практическую реализацию выполняемые интеллигенцией функции.

Необходимо кратко отметить содержание этих социально-психологических функций интеллигентности в праве и их общности с правом как способом социальной регуляции цивилизованного человечества. Описывая когнитивный аспект социально-психологического функционирования интеллигентности и ее общности с правом, стоит отметить, что интеллектуальность и образованность на протяжении разных исторических этапов была характеристикой ответственных социальных субъектов, обладающих интеллигентностью. Указанная характеристика позволяет принимать прямое и опосредованное «когнитивное соучастие» в разработке, принятии, применении, практической и психологической оценке правовых норм с точки зрения справедливости, адекватности и эффективности отражения закономерностей общественного развития. Ценностно-смысловой аспект социально-психологического функционирования интелли-

гентности и ее общности с правом выражается в том, что интеллигенция является социальным субъектом носителем прогрессивных и справедливых ценностно-смысловых образований и способна эти ценностно-смысловые представления транслировать в правовую реальность и отстаивать необходимость их торжества в правовых механизмах. Коммуникативный и организационно-консолидирующие аспекты проявляются в том, что интеллигенция всегда была ориентирована на диалогическую природу разрешения возникающих социальных противоречий. Это выражается и через соответствующие нормы правового регулирования. Информационный аспект социально-психологического функционирования интеллигентности и ее общности с правом тесно связан с остальными функциональными компонентами и выступает содержательной основой субъектного взаимодействия, обмена мнениями и построения коммуникации.

Функциональная роль интеллигенции во взаимодействии с правом также проявляется в практической реальности, когда право практически применяется и практика этого применения поддерживается консолидированными социальными слоями.

Стоит отметить, что интеллигенция, принимая участие в формировании «социальной ткани права», ориентируется на эффективные когнитивные практики, при осуществлении которых действующие правовые нормы и результативность их регуляционного применения могут быть дискуссионно обсуждены и по этим вопросам обобщены консолидированные интеллектуальные представления.

Заключение

К основным результатам исследования относятся: концептуализация общности социальных функций права и интеллигенции, а также вывод о том, что в разработке «ткани права» и «социальной жизни права» активную функциональную роль выполняет интеллигенция и интеллигентность, что является одной из характеристик социально-психологической идентичности отечественной правовой системы.

Интеллигенция – это социальный слой, социально-психологической функцией которого является консолидация и гармонизация

отношений внутри разрозненных субъектных общностей. Активное участие интеллигенции в функционировании права осуществляется через науку, образование, институты гражданского общества и государственные уполномоченные органы в обобщении социальных запросов на справедливое и эффективное право, разработке и принятии правовых норм, а также формировании гуманистической правоприменительной практики.

Конфликт интересов: отсутствует.

Список литературы

1. Анохин П.К. Принципиальные вопросы общей теории функциональных систем. АН СССР. Отделение физиологии. Москва, 1971. 61 с.
2. Брушлинский А.В. Субъект: мышление, учение, воображение: Избранные психологические труды / Российская академия образования: Издательство МПСИ, 2003. 407 с.
3. Виноградова Е.В. Гуманитарные науки как элемент российской идентичности / Е.В. Виноградова, С.И. Захарцев, В.П. Сальников // Юридическая наука: история и современность. 2022. № 6. С. 11–20.
4. Гаврилов С.О. Право в точке бифуркации: обсуждение концептуального исследования военных проблем международного права (Дискуссия в формате «круглого стола» по материалам гл. 6 «Военные проблемы международного права» Т. III монографии «Военное право») / С.О. Гаврилов, И.Н. Глебов, С.Г. Чукин [и др.] // Государство и право. 2022. № 12. С. 59–67.
5. Воронков К.И. Идея добра и всеобщего союза в контексте русского мира / К.И. Воронков, С.И. Захарцев, М.В. Сальников // Теория государства и права. 2022. № 3 (28). С. 49–68. <https://doi.org/10.47905/MATGIP.2022.28.3.004>
6. Захарцев С.И., Сальников В.П. Право в XXII веке // Юридическая наука: история и современность. 2023. № 4. С. 178–188.
7. Захарцев С.И., Сальников В.П. Жестокость и право в контексте компрохендного правопонимания // Юридическая наука: история и современность. 2023. № 5. С. 169–175.

8. Землин А.И. Актуальные вопросы военной деятельности государства: правовое измерение // Военное право. 2022. № 6 (76). С. 233–237.
9. Каган М.С. Воспроизводство российской интеллигенции как педагогическая проблема // Формирование российского интеллигента в университете. СПб, 2000. С. 130–133.
10. Кривоносова Д.В. Разумное мышление как инструмент достижения информационно-правовой культуры / Д.В. Кривоносова, С.И. Захарцев, В.П. Сальников // Юридическая наука: история и современность. 2022. № 2. С. 174–186.
11. Наумов П.Ю., Повshedная Ф.В. Психологическая природа интеллигентности офицера // Вестник Мининского университета. 2020. Т. 8, № 2 (31). С. 12. <https://doi.org/10.26795/2307-1281-2020-8-2-12>
12. Наумов П.Ю., Дьячков А.А. Субъектность и интеллигентность: от понятия к изоморфизму // Russian Journal of Education and Psychology. 2021. Т. 12, № 6. С. 188–200. <https://doi.org/10.12731/2658-4034-2021-12-6-188-200>
13. Наумов П.Ю., Марухин Е.Е. Психологические детерминанты функционирования интеллигентности будущего офицера // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2021. Т. 10, № 2-1. С. 95–100. <https://doi.org/10.34670/AR.2021.92.46.007>
14. Наумов П.Ю. Консолидация ценностей и смыслов интеллигентности офицера в законодательстве России и общевоинских уставах // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2022. Т. 11, № 3-1. С. 225–233. <https://doi.org/10.34670/AR.2022.58.15.032>
15. Наумов П.Ю. Психологические механизмы развития интеллигентности будущего офицера // Вестник Мининского университета. 2022. Т. 10, № 3 (40). <https://doi.org/10.26795/2307-1281-2022-10-3-18>
16. Наумов П.Ю. Филогенез и онтогенез интеллигентности будущего офицера // Вестник Мининского университета. 2023. Т. 11, № 3 (44). <https://doi.org/10.26795/2307-1281-2023-11-3-9>
17. Наумов П.Ю. Психологические черты интеллигентности офицера в русской художественной литературе второй половины XVIII

- века (часть II) // Педагогика и просвещение. 2023. № 2. С. 137–155. <https://doi.org/10.7256/2454-0676.2023.2.38170>
18. Наумова Л.Ю. Комплекс психолого-педагогических условий стимулирования готовности будущих юристов к правотворческой деятельности / Л.Ю. Наумова, П.Ю. Наумов, Ф.В. Повshedная // Педагогический журнал. 2019. Т. 9, № 6-1. С. 31–40. <https://doi.org/10.34670/AR.2020.46.6.192>
19. Наумова Л.Ю. Педагогическое сопровождение формирования готовности будущих юристов к правотворческой деятельности / Л.Ю. Наумова, П.Ю. Наумов, Ф.В. Повshedная // Педагогический журнал. 2020. Т. 10, № 2-1. С. 462–470. <https://doi.org/10.34670/AR.2020.54.99.078>
20. Наумова Л.Ю. Сущностное обобщение результатов эмпирического исследования по формированию готовности будущих юристов к правотворческой деятельности // Russian Journal of Education and Psychology. 2023. Т. 14, № 3. С. 86–105. <https://doi.org/10.12731/2658-4034-2023-14-3-86-105>
21. Сальников В.П. Социальная солидарность как отражение политики государства / В.П. Сальников, Е.А. Брылева, С.И. Захарцев // Образование и право. 2022. № 12. С. 11–18. <https://doi.org/10.24412/2076-1503-2022-12-11-18>
22. Хабриева Т.Я. Идентификация права в современной социальной регуляции // Вопросы философии. 2021. № 12. С. 5–17. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2021-12-5-17>
23. Хабриева Т.Я. «Аксиология» национальных конституций в условиях международной турбулентности // Глобальный конфликт и контуры нового мирового порядка: XX Международные Лихачевские научные чтения, Санкт-Петербург, 09–10 июня 2022 года. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, 2022. С. 175–183.
24. Холиков И.В. Ценности и смыслы главного судебного акта XX века: аксиологические концепты книги А.Н. Савенкова «Нюрнберг: Приговор во имя Мира» (Материалы дискуссии) / И.В. Холиков, В.М. Большакова, П.Ю. Наумов, Р.В. Зелепукин // Государство и право. 2022. № 10. С. 51–62. <https://doi.org/10.31857/S1026945200217887>

25. Холиков И.В. Динамика функционирования международного права в условиях трансформации современного миропорядка: постнеклассический подход / И.В. Холиков, А. Милованович, П.Ю. Наумов // Журнал российского права. 2022. Т. 26, № 11. С. 132–148. <https://doi.org/10.12737/jrl.2022.122>

References

1. Anokhin P.K. *Principle questions of the general theory of functional systems*. Academy of sciences of the USSR. Department of Physiology. Moscow, 1971, 61 p.
2. Brushlinsky A.V. *Subject: thinking, learning, imagination: Selected psychological works* / Russian Academy of Education: MPSI Publishing House, 2003, 407 p.
3. Vinogradova E.V. Humanities as an element of Russian identity / E.V. Vinogradova, S.I. Zakhartsev, V.P. Salnikov. *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'* [Legal Science: History and Modernity], 2022, no. 6, pp. 11-20.
4. Gavrilov S.O. Law at the point of bifurcation: discussion of the conceptual study of military problems of international law (Roundtable discussion on the materials of Ch. 6 “Military Problems of International Law” Vol. III of the monograph “Military Law”) / S.O. Gavrilov, I.N. Glebov, S.G. Chukin, et al. *Gosudarstvo i pravo* [State and Law], 2022, no. 12, pp. 59-67.
5. Voronkov K.I. The idea of good and universal union in the context of the Russian world / K.I. Voronkov, S.I. Zakhartsev, M.V. Salnikov. *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of state and law], 2022, no. 3 (28), pp. 49-68. <https://doi.org/10.47905/MATGIP.2022.28.3.004>
6. Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. Law in the XXII century. *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'* [Legal Science: History and Modernity], 2023, no. 4, pp. 178-188.
7. Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. Cruelty and the law in the context of comprehending law. *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'* [Legal Science: History and Modernity], 2023, no. 5, pp. 169-175.
8. Zemlin A.I. Actual issues of military activity of the state: legal dimension. *Voennoe pravo* [Military Law], 2022, no. 6 (76), pp. 233-237.

9. Kagan M.S. Reproduction of the Russian intelligentsia as a pedagogical problem. *Formation of the Russian intellectual at the university*. SPb, 2000, pp. 130-133.
10. Krivonosova D.V. Reasonable thinking as a tool to achieve information-legal culture / D.V. Krivonosova, S.I. Zakhartsev, V.P. Salnikov. *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'* [Legal Science: History and Modernity], 2022, no. 2, pp. 174-186.
11. Naumov P.Y., Povshednaya F.V. Psychological nature of the officer's intelligence. *Vestnik Mininskogo universiteta*, 2020, vol. 8, no. 2 (31), p. 12. <https://doi.org/10.26795/2307-1281-2020-8-2-12>
12. Naumov P.Y., Dyachkov A.A. Subjectivity and intellectuality: from the concept to isomorphism. *Russian Journal of Education and Psychology*, 2021, vol. 12, no. 6, pp. 188-200. <https://doi.org/10.12731/2658-4034-2021-12-6-188-200>
13. Naumov P.Yu., Marukhin E.E. Psychological determinants of functioning of intellectuality of the future officer. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical and critical reviews and modern studies], 2021, vol. 10, no. 2-1, pp. 95-100. <https://doi.org/10.34670/AR.2021.92.46.007>
14. Naumov P.Yu. Consolidation of values and meanings of officer's intellectuality in the Russian legislation and general military charters. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical and critical reviews and modern studies], 2022, vol. 11, no. 3-1, pp. 225–233. <https://doi.org/10.34670/AR.2022.58.15.032>
15. Naumov P.Yu. Psychological mechanisms of development of intelligence of the future officer. *Vestnik Mininskogo universiteta*, 2022, vol. 10, no. 3 (40). <https://doi.org/10.26795/2307-1281-2022-10-3-18>
16. Naumov P.Yu. Phylogenesis and ontogenesis of intelligence of the future officer. *Vestnik Mininskogo universiteta*, 2023, vol. 11, no. 3 (44). <https://doi.org/10.26795/2307-1281-2023-11-3-9>
17. Naumov P.Yu. Psychological traits of officer's intellectuality in Russian fiction of the second half of the XVIII century (part II). *Pedagogika i prosveshchenie* [Pedagogy and Enlightenment], 2023, no. 2, pp. 137–155. <https://doi.org/10.7256/2454-0676.2023.2.38170>

18. Naumova L.Y. Complex of psychological and pedagogical conditions of stimulating the readiness of future lawyers to law-making activity / L.Y. Naumova, P.Y. Naumov, F.V. Povshednaya. *Pedagogicheskiy zhurnal* [Pedagogical Journal], 2019, vol. 9, no. 6-1, pp. 31-40. <https://doi.org/10.34670/AR.2020.46.6.192>
19. Naumova L.Y. Pedagogical support of the formation of readiness of future lawyers to law-making activity / L.Y. Naumova, P.Y. Naumov, F.V. Povshednaya. *Pedagogicheskiy zhurnal* [Pedagogical Journal], 2020, vol. 10, no. 2-1, pp. 462–470. <https://doi.org/10.34670/AR.2020.54.99.078>
20. Naumova L.Yu. Essence generalization of the results of empirical research on the formation of future lawyers' readiness for law-making activity. *Russian Journal of Education and Psychology*, 2023, vol. 14, no. 3, pp. 86-105. <https://doi.org/10.12731/2658-4034-2023-14-3-86-105>
21. Salnikov V.P. Social solidarity as a reflection of the state policy / V.P. Salnikov, E.A. Bryleva, S.I. Zakhartsev. *Obrazovanie i pravo* [Education and Law], 2022, no. 12, pp. 11–18. <https://doi.org/10.24412/2076-1503-2022-12-11-18>
22. Khabrieva T.Ya. Identification of the right in modern social regulation. *Voprosy filosofii*, 2021, no. 12, pp. 5–17. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2021-12-5-17>
23. Khabrieva T.Y. “Axiology” of national constitutions in the conditions of international turbulence. *Global conflict and the contours of the new world order: XX International Likhachev Scientific Readings, St. Petersburg, June 09-10, 2022*. St. Petersburg: St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions, 2022, pp. 175-183.
24. Kholikov I.V. Values and meanings of the main judicial act of the XX century: axiological concepts of A.N. Savenkov's book “Nuremberg: Sentence for Peace” (Discussion materials) / I.V. Kholikov, V.M. Bolshakova, P.Y. Naumov, R.V. Zelepukin. *Gosudarstvo i pravo* [State and Law], 2022, no. 10, pp. 51-62. <https://doi.org/10.31857/S1026945200217887>
25. Kholikov I.V. Dynamics of international law functioning in the transformation of the modern world order: a postneoclassical approach / I.V. Kholikov, A. Milovanovic, P.Y. Naumov. *Zhurnal rossiyskogo prava* [Journal of Russian Law], 2022, vol. 26, no. 11, pp. 132–148. <https://doi.org/10.12737/jrl.2022.122>

ВКЛАД АВТОРОВ

Наумов П.Ю.: обоснование актуальности, разработка концепции и методологии работы, получение основных научных результатов исследования, их обобщение и представление научной общественности.

Захарцев С.И.: участие в подборе методологических основ исследования, участие в анализе и обобщении научной литературы.

AUTHOR CONTRIBUTIONS

Petr Y. Naumov: justification of relevance, development of the concept and methodology of the work, obtaining the main scientific results of the research, their generalization and presentation to the scientific community.

Sergey I. Zakhartsev: participation in the selection of the methodological foundations of the study, participation in the analysis and synthesis of scientific literature.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Наумов Петр Юрьевич, кандидат педагогических наук, помощник начальника госпиталя по правовой работе – начальник отделения правового обеспечения

ФГКУЗ «Главный военный клинический госпиталь войск национальной гвардии Российской Федерации»

Вишняковское шоссе, владение 101, микрорайон Никольско-Архангельский, г. Балашиха, Московская область, 143914,

Российская Федерация

petr.naumov.777@mail.ru

Захарцев Сергей Иванович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права *ФГКВООУ ВО «Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии Российской Федерации»* ул. Летчика Пилютова, 1, г. Санкт-Петербург, 198206, Российская Федерация

Zakhartsev2306@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Petr Y. Naumov, candidate of pedagogical sciences, assistant head of the hospital for legal work – head of the legal support department
Main military clinical hospital of the national guard troops of the Russian Federation

101, Vishnyakovskoye highway, Nikolsko-Arkhangelsky microdistrict, Balashikha, Moscow region, 143914, Russian Federation
petr.naumov.777@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2875-2322>

SPIN-code: 2750-3053

Sergey I. Zakhartsev, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law

St. Petersburg Military Institute of the Order of Zhukov of the National Guard Troops of the Russian Federation

1, Letchik Pilyutov Str., St. Petersburg, 198206, Russian Federation
Zakhartsev2306@mail.ru

Поступила 28.12.2023

После рецензирования 10.01.2024

Принята 29.01.2024

Received 28.12.2023

Revised 10.01.2024

Accepted 29.01.2024

DOI: 10.12731/2658-4034-2024-15-1-436
УДК 316.472

Научная статья | Общая психология, психология личности, история психологии

ТРУДОВОЙ МЕНТАЛИТЕТ ПОДРОСТКОВ

О.Н. Финогенова

Российское общество находится в состоянии значительных по интенсивности и содержанию изменений, которые с необходимостью влияют на психологические состояния россиян. Предметом анализа исследования, представленного в статье, является трудовой менталитет подростков, - совокупность установок и отношений к труду и профессиональной деятельности, которую авторы считают одним из важнейших факторов формирования социальных процессов ближайшего будущего.

Методы. Для исследования использовался опросник «Лист жизненных событий». Опрос проводился в 2021-2023 годах, респонденты исследования – подростки, проживающие в городских и сельских территориях Красноярского края.

Результаты. В результате исследования сформировано определение, структура и уровни конструкта «трудовой менталитет». Выявлены особенности отношения подростков к труду. Большая часть подростков, в соответствии с особенностями ценностной иерархии поколения, ориентированы на приоритет самореализации путем развития индивидуальности и личностных ресурсов, но не рассматривают в качестве средства самореализации продуктивную деятельность и труд. Меньшая по численности, но значительная часть подростков, напротив, ориентирована на труд и профессиональную работу, которые входят в их жизненный сценарий и включены в Я-концепцию. В иерархии мотивов профессионального труда первые позиции принадлежат самореализации и возможности построить карьеру.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть использованы для проектирования воспитательной работы в общеобразовательной школе.

Ключевые слова: ментальность; трудовой менталитет; труд; профессия; поколение; развитие карьеры; Я-концепция; подростки

Для цитирования. Финогорова О.Н. Трудовой менталитет подростков // *Russian Journal of Education and Psychology*. 2024. Т. 15, № 1. С. 289-316. DOI: 10.12731/2658-4034-2024-15-1-436

Original article | General Psychology, Personality Psychology, History of Psychology

WORK MENTALITY OF TEENAGERS

O.N. Finogenova

Russian society is in intensity and content significant changes, which necessarily affect the psychological state of Russians. The subject of the analysis of the research presented in the article is the work mentality of adolescents, a set of work and professional activity attitudes, which the authors consider to be one of the most important factors in the formation of social processes in the near future.

Methodology. *The questionnaire “Life events” was used for the study. The survey was conducted in 2021-2023, the survey respondents are teenagers living in urban and rural areas of the Krasnoyarsk Territory.*

Results. *As a result of the research, the definition, structure and levels of the work mentality were formed. Some peculiarities of teenagers’ attitude to work have been revealed. Most of the teenagers, in accordance with the peculiarities of the value hierarchy of the generation, are focused on the priority of self-realization by developing.*

Practical implications. *The results can be used to design educational work in a comprehensive school.*

Keywords: *mentality; work mentality; work; profession; generation; career development; Self-concept; teenagers*

For citation. Finogenova O.N. Work Mentality of Teenagers. Russian Journal of Education and Psychology, 2024, vol. 15, no. 1, pp. 289-316. DOI: 10.12731/2658-4034-2024-15-1-436

Введение

Возвращение труда в образовательный процесс школы вызывает горячие дискуссии среди всех субъектов образования. Отношение к труду, с одной стороны, является одной из ключевых характеристик культуры. И именно поэтому значительно варьируется внутри каждой культуры. Наша страна вновь переживает кризис, изменение социальной, культурной, идеологической ситуаций, влекущих перестройку многих аспектов отражения мира в умах людей, складывающихся в национальный менталитет.

Целью статьи является анализ особенностей отношения к труду современных подростков. Отношение к труду – это содержание ценностно-смысловой сферы личности. Мы рассматривали его как проекцию в индивидуальном сознании социально-психологического явления, обозначенного нами как «трудовой менталитет». Задачи теоретической части работы:

- Уточнение содержания терминов «менталитет» и «ментальность», используемого в работе в социально-психологическом контексте.
- Характеристика понятия «трудовой менталитет»: сущность, структура, виды, генезис, факторы изменений
- Анализ особенностей российского трудового менталитета
- Описание трудового менталитета поколения современных подростков.

Характеристика базовых понятий

Термин «менталитет» введен в поле гуманитарной науки историками и философами, но в нашем исследовании рассматривается в социально-психологическом контексте. В.И. Поставалова [19] приводит перечень возможных подходов к пониманию сущности менталитета, который может пониматься как: «душевный склад и духовный облик народа, духовный стиль и духовная настроенность, национальный дух

и национальный характер, национальное мышление и умонастроение, «склад ума» и стилистика мышления, психическая «оснастка» и умственный инструментарий, позволяющий человеку осознавать свое окружение и самого себя, мировидение и миропонимание человека» [19, с. 9]. Н.А. Добронравов понимал менталитет как «общественную мысль». П.Ю. Наумов [13] считает, что кумуляция знаний, норм, образцов поведения, ценностей и смыслов происходит в социальной памяти. А.В. Пушкарев [19] подчеркивал деятельностную функцию менталитета, его способность определять поведение людей: «...отражает природное и социальное бытие, отношение к мирозданию, его прошлому, настоящему и будущему, к общественным отношениям, сложившимся к определенному времени». А.Я. Гуревич, напротив, понимал менталитет как содержание, - но не столько создания, сколько коллективного бессознательного, - как «...уровень общественного сознания, на котором мысль не отделена от эмоций, от ментальных привычек и приемов сознания, - люди ими пользуются, обычно сами того не замечая, т.е. бессознательно» [7]. Наше исследование выполнено в социально-психологической парадигме, точнее всего к нашему пониманию предмета исследования подходит определение Е.А. Ануфриева и Л.В. Лесной, согласно которому менталитет – это «обобщенное социально-психологическое состояние субъекта (народа, нации, народности, социальной группы), ... менталитет представляет собой совокупность социально-политических качеств и черт, их органическую целостность ..., определяющую многие стороны жизнедеятельности данной общности людей, проявляясь в их духовной и материальной жизни, в специфике общественных отношений» [2].

П.М. Немирович-Данченко предложил уровневую структурную модель содержания менталитета:

- наиболее глубокий уровень составляют культурные коды, «привычки сознания», выработанные поколениями наших предков, те, что определяют наше повседневное поведение. ... Бытовые суеверия, правила общения между людьми...» [14, с. 92].

- средний уровень – особенности отношений с государственными и социальными институтами

- «верхние слои ментальности связаны с нашим личным опытом, нашим мировоззрением, нашими знаниями, с нашим интеллектом, с вершиной нашего «Я» [14, с. 93].

Вслед за этими исследователями, мы понимаем менталитет как совокупность отношений, составляющих своеобразие коллективного сознания и бессознательного некоторой социальной общности, проявляющегося в ее специфичном мировоззрении и способах бытия и действия. Содержанием менталитета является коллективное мировоззрение, складывающееся из социальных отношений. Менталитет неоднороден, его можно рассматривать как совокупность ментальностей социальных групп, интегрированных в социальную общность. Менталитет включает как относительно устойчивые, так и изменяющиеся социальные отношения – отношения, меняющиеся вместе с социальными условиями.

Характеристика понятия «трудо́вой менталитет»

Труд – это самое социально детерминированное и наиболее социализирующее отношение личности. Л.М. Марцева считает труд родовым признаком человека, «сфера труда синтезирует социально-экономические, политические, культурологические и религиозно-мировоззренческие процессы общества. Труд социален по своей сущности, поскольку осуществляется только в обществе, является универсальным средством общения, социализации в процессе совместной деятельности» [12, с. 5].

Трудовой менталитет мы понимаем как аспект менталитета, характеризующий особенности отношения к труду, профессиональной деятельности, самореализации и самоопределению в трудовой деятельности представителей определенной социальной общности.

В социальных исследованиях представлены разные аспекты конструкта «трудо́вой менталитет». В.И. Ким [9] исследует этические позиции участников трудовых отношений. Он использует термин «трудо́вые компоненты» менталитета. Е.А. Сидорова [20] изучает трудовые ценности и установки в российском менталитете. В социально-психологических и исторических исследованиях используются

понятия «экономического менталитета» (К.А. Новозженко), «менталитета предпринимателей» (Н.И. Толмачев, Ю.А. Булыгин, Р.Н. Палеев, А.С. Качалян и другие), «трудового поведения», «мотивации трудовой деятельности», карьерные установки [8], профессиональная Я-концепция [5] и другие. С.Н. Чистякова предлагает понятие «восприятие человеком труда как общественно-значимого вида деятельности (на основе личных и социальных ценностей, мотивов), определяющее психологическую готовность личности ответственно, самостоятельно приступить к трудовой деятельности» [21, с. 4]. А.Л. Темницкий исследует поведение (активность) работника на рынке труда, механизмы (мотивы) выбора рабочих мест, проектирование (субъектом) занятости, проектирование взаимоотношений работников с руководством. Н.Я. Большунова анализирует экономическую культуру, экономическую ментальность «Важнейшим компонентом экономической культуры являются господствующие представления об этически допустимых («правильных») формах и образцах поведения, которые становятся фундаментом правовой культуры» [3].

Содержание трудового менталитета охарактеризуем согласно уровням, выделенным Н.К. Немировичем-Данченко [14]:

- общекультурный компонент – общественно понимание смысла труда, его ценности. Историческое отношение к труду. Установки, транслируемые средствами массовой информации.

- институциональный – знание общественных структур и институтов. Отношения с трудовыми организациями. Отношение к конкретным профессиям.

- личностный – личная трудовая позиция-роль в системе труда, личные смыслы, мотивы трудовой деятельности и ценность труда и профессии.

Общекультурный компонент трудового менталитета

Марк Савикас, характеризуя изменения парадигм карьеры, описывал ситуацию начала двадцатого века как «инструмент индустриального мира» (этот термин он заимствовал из работ Artur, Ineson, Pringle [27]):

- труд протекает в больших промышленных и управленческих организациях;

- существует четкая иерархия, регламентация трудовых отношений;

- рабочее место стабильно, гарантировано и может сохраняться всю жизнь работника [26].

В двадцать первом веке карьерная парадигма значительно изменилась, теперь карьера «принадлежит человеку, а не предприятию» [23]. Социальные и экономические особенности века – глобализация, постиндустриальный уклад, цифровизация экономики и т.д. – детерминируют изменения трудового менталитета:

- от концептов «карьера» или «профорентация» - к траекториям жизни. Если в индустриальном обществе работа была средством получения средств к существованию, то в постиндустриальном карьере является способом самоактуализации личности. Кроме того, карьера – это не только профессиональная деятельность, карьера бывает также семейная, творческая, а человек выстраивает мозаику своей жизни в разных ее сферах.

- нечеткость жизненных ориентиров. Индустриальное общество имело мировоззренческий каркас – было известно, в чем заключается хорошая жизнь, какие могут быть цели, и, что особенно важно – каковы пути и средства движения к целям и успеху. В цифровом обществе зачастую наблюдаются противоречия между образами успеха – традиционным, предъявляемым СМИ, наблюдаемым в жизни и т.д.

- работа – не столько средство материального обеспечения, сколько инструмент самореализации личности.

Второй аспект трудового менталитета - институциональный – можно иллюстрировать примером из отчета «Развитие карьеры 2040: как изменения природы труда будут обуславливать изменения концепта труда и роль идентичности в карьерном развитии» [17], в котором выделены тренды, характерные для Канады:

1. «Работай где угодно» - возможность легкой смены места работы и содержания труда.
2. Искусственный интеллект и автоматизация
3. Жизнь в условиях изменения климата

4. Геополитические конфликты
5. Примирение с последствиями колониализма
6. Экономическая нестабильность
7. Глобализация под давлением
8. Нарушенное образование
9. Ухудшение психического здоровья и благополучия
10. Смена поколений

Российский трудовой менталитет

Тема национального менталитета необъятна, наметим некоторые подходы к изучению его содержания и генеза:

- Образ труда в русском фольклоре – сказках, пословицах.
- Традиционные типы организации трудовых отношений в России и их динамика.

- Трудовые отношения в новой и новейшей истории России.

Не все из этих подходов мы раскрываем в статье.

В. О. Ключевский особенно выделяет противоречие между трудолюбием и ленью, обуславливая его особенностями климата в земледельческой культуре России, требующего кратковременного напряжения сил в летнее время и длительного бездействия зимой.

К аспектам трудового русского менталитета можно отнести:

- соборность в образе жизни и труда,
- приоритет коллективистических ценностей,
- представление об успехе более связано с самореализацией, чем с карьерным ростом и обогащением;
- позиция работника – исполнитель, бюджетник;
- негативное отношение к бизнесу, предпринимательству, индивидуальному успеху.

В последние десятилетия российский трудовой менталитет формировался с ориентацией на идеализированный образ Запада. Далее представлен контурный портрет американской трудовой ментальности как своеобразной «точки отсчета» ментальности современных россиян.

Мифологизированный образ «западной жизни» еще нуждается в уточняющих исследованиях, но контурно может быть охарактеризо-

ван как представляющий возможности для реализации активности и предпринимательской инициативы. Рассмотрим личностно-трудовые позиции в эталонной «западной» стране Америке. Во-первых, США, исторически, - страна напряженного труда. Американская мечта, или представление о том, что такое жизнь в Америке, - та движущая сила, которая вдохновляла к переезду на новый континент мигрантов из Старого света, это, как пишут в Википедии, «... свобода, возможности и равенство, в которых свобода включает в себя возможность процветания и успеха, а также восходящую социальную мобильность для семьи и детей, достигаемых упорным трудом в обществе с преодолимыми барьерами».

- Многие социальные группы американцев живут на социальных пособиях, не работают и не имеют возможностей профессионализации.

- В социальных сетях распространены видеоролики о комфортных условиях труда в США. В этих видео не представлен труд, нет производства, а есть спортивные тренажеры, кофе-холлы и зоны отдыха.

- В опросе Гэллуп «как сотрудники американских предприятий относятся к своей работе» от 2023 года [16] выявлена дифференциация отношений работников: 44% опрошенных испытывают сильный стресс, связанный с работой. Как сказано в отчете, это продолжение тенденции высокого рабочего стресса, зафиксированной десятью годами ранее. Кроме высокого стресса, зафиксированы также намерение уволиться и низкая вовлеченность в работу, при которой сотрудник не ощущает себя субъектом профессиональной деятельности. Важно для понимания содержания рабочей позиции определение работниками дефицитов и проблем, связанных с их работой. На вопрос «что бы сделало вашу работу лучше?» американцы редко отвечали, что им необходимо повышение заработной платы или льготы. Они считали, что необходимо повышение ценностно-смысловых аспектов работы - автономии, четких целей и признания, - того, что в модели Ф.Герцберга называется «мотивационный фактор».

Резюмируя наш экспресс-обзор, выделим некоторые профессионально-трудовые позиции американцев:

- «Миллениал»: труд должен приносить удовольствие, давать возможности для реализации личности, личностного роста.

- «Велфер»: обладатель права на жизнь без работы в силу принадлежности к социальной категории, имеющей права на пособия.

- «Предприниматель» - ориентация на организацию собственного дела, высокий доход, согласие на риски.

- «Младоамериканец» - социально активный, недавно переехавший в другую страну или город, ориентирован на построение карьеры, интенсивный труд.

- «Участник бессмысленного напряженного труда».

Какое отношение американская мечта имеет к российскому менталитету? Средства массовой культуры и информации сформировали у юных россиян образ западной жизни как того, к чему нужно стремиться. В ряде исследований стремлений россиян были отмечены центростремительные тенденции у определенных социальных групп россиян. Например, в исследовании стремлений одаренных школьников выяснилось, что они стремятся к жизни в Европе или Америке. Отмечены центростремительные тенденции в планах будущей жизни. Школьники из сельских населенных пунктов стремятся жить в городе, жители городов мечтают о жизни в столице, столичные стремятся за границу, в страны Запада. Профориентационные исследования и наблюдения свидетельствуют о наличии мифов об образе идеального будущего у школьников:

- стремление к материально обеспеченной жизни;

- ориентация на предпринимательство, организацию собственного дела;

- глобализация и мобильность, возможности легко менять место жительства и путешествовать;

- вера в приоритетную необходимость универсальных метапредметных компетенций – умений и личностных качеств, обеспечивающих успех в любой сфере деятельности и т.д.

Уточним, что речь идет именно о мифе, о том, что подростки считают должным для себя образом мыслей, даже если их действительные мотивы (руководствующие их действиями) отличны от эталонных.

Трудовой менталитет поколения современных подростков

Представители одного поколения, выросшие и сформировавшиеся в одинаковой социальной среде, обладают значительным сходством ментальности. Наше исследование посвящено поколениям Z и α , но некоторые важные особенности менталитета, детерминированные особенности социокультурной среды, являются сквозными, медленно трансформируясь в литические периоды истории. Поэтому многие особенности трудового сознания являются общими для поколений Y, которых называют также миллениалами (родившихся в период 1982-2005), Z (2006-2010) и α (родившиеся после 2011 года) и рассматриваются нами как общие особенности мировоззрения подростков начала двадцать первого века.

Теорию поколений для объяснения различия менталитета людей разных возрастных групп разработали американские ученые – историк Уильям Штраус и социолог Нил Хоув [25]. На основании анализа истории Америки авторы предложили модель, объясняющую сходство аттитюдов людей одной возрастной группы. Объединяющим фактором является не столько хронологический возраст, сколько особенности социума, в котором формируется и живет каждое поколение. Нил и Хоув выделили четыре типа поколений, последовательно сменяющих друг друга. Поколение и его мировоззренческие особенности соответствуют социальным ситуациям подъем, пробуждение, спад, кризис. Поколение кризиса, например, войны – энергично, работоспособно, в противоположной паре ценностей «индивидуализм-коллективизм» тяготеют к коллективистическим социальным ценностям. Поколение изобилия, напротив, ориентировано на ценности индивидуализации, самовыражения, но не считают важными потребности общества или продуктивность труда. Теория поколений подвергается обоснованной критике, основанной на малой доказательности ее тезисов. Несмотря на слабую верификацию, теория поколений дает опорные точки для характеристики таких объемных понятий, как ментальность или менталитет поколений. А. Л. Венгер [6] предложил сходную модель кольцевой связи между социальными событиями и психологическими особенностями

ми поколения. На основании анализа социально-психологических явлений в историческом контексте А.Л. Венгер сделал заключение о том, что наименее следуют социальным нормам (и имеют проблемы с социализацией) представители третьего поколения, внуки тех, кто жил в период социальных катаклизмов.

Особенности трудового поведения и сознания поколений молодых людей представлены в экономических исследованиях, например, «30 фактов о российской молодежи – исследование Сбербанка». В 2016 году проведены опросы и анализ содержания сетевого общения поколения миллениалов, родившихся в интервале 1990-2005 гг.

Особенности трудового менталитета миллениалов, согласно исследованию Сбербанка, отражаются в следующих фактах:

- Факт 8 «уверенность в собственной исключительности». Позиция «Я-в-мире» – максимальная индивидуализированность. Каждый уникален, неповторим, каждый талантлив по-своему.

- Факт 11 «разрушение модели постепенного движения к успеху». Нет установки на необходимость постоянного приложения усилий. Выражена противоположная установка, ориентация на быстрое и легкое достижение успеха.

- Факт 14 «Главное – найти свой путь». Ценностным приоритетом, направляющим движение миллениалов по жизненному пути, является поиск себя. Акцент этого поиска – соответствие собственным интересам (в противопоставлении ценностям социальной востребованности или полезности). К этой же категории ценностей отнесем Факт 17 «Саморазвитие», которое понимается как любая активность по желанию личности, приносящая удовольствие.

- факт 15 «Гедонистическая установка». Главный запрос к жизни – быть счастливым. Столкновение с трудностями для гедониста означает, что выбран неверный жизненный путь.

Факт 16 «Успех – это счастье». Успех измеряется не богатством, карьерой, достижением, статусом, а разнообразием жизни и удовольствием.

Факт 19 «Работа должна быть в радость». В числе мотивов труда подростки не используют понятия «карьера», «престижная ра-

бота». Нет готовности к напряжению, преодолению, интенсивной нагрузке. Требования к работе: 1. Приносить удовольствие; 2. Быть источником высокого дохода; 3. Не должна занимать много времени.

Ученые ЮФУ С.В. Бутова и И.В. Осипова [4] охарактеризовали особенности экономического поведения поколения z.

Мотивы труда в порядке убывания значимости: интерес, саморазвитие, комфорт, справедливость.

Основным мотивом труда для Z является интерес. Работники поколения z ориентированы на комфорт и удобство – не принимают работы по графику, не соблюдают режима рабочего времени. Предпочитают фриланс, возможность работать там и тогда, где и когда им удобно.

Еще один важный трудовой мотив – саморазвитие, поколение z ориентировано на личностный рост в профессии, стремятся к обучению, повышению квалификации (но не в карьерных целях).

Принцип оплаты, основанный на справедливости. Труженики поколения z могут работать даже за условное вознаграждение (бонусы, баллы), но принципы вознаграждения должны быть наглядными, прозрачными, справедливыми. Плохо реагируют на негативное стимулирование – критику, наказание. Легко меняют место работы в случае дискомфортной обстановки на работе.

Трудовые отношения: Представители поколения z не воспринимают идеи субординации, легко общаются с руководителями, не демонстрируют уважения на основании социального статуса, возраста, положения. Вместе с тем со вниманием и уважением относятся к чувствам и переживаниям окружающих. Начальство готовы воспринимать как наставников и друзей.

Метод исследования

Выборку исследования составили подростки 12-18 лет, обучающиеся 6 и 9 классов городских и сельских школ Красноярского края, всего 251 человек. Мальчиков 127, девочек 124. Учащихся сельских школ 68, городских школьников 183.

Предметом исследования является трудовой менталитет, явление многоаспектное, но не имеющее специфических диагностиче-

ских инструментов. Мы использовали диагностическое средство из арсенала экзистенциальной психологии, событийного подхода. Перечисляя значимые события своей жизни, респондент открывает свои смыслы, ценностные ориентиры, которые и являются формой проявления ментальности.

Методика исследования - опросник «Лист жизненных событий», разработанный А.К. Лукиной [11].

В процессе опроса школьникам предлагается описать 15 событий своей жизни, прошлой, настоящей и будущей, которые оказали и окажут влияние на жизнь респондента.

Каждое событие оценивалось по шкалам:

- 1) время, в которое произошло событие;
- 2) эмоциональная окраска события (по шкале от -5 до +5);
- 3) нужно было отнести каждое событие к одной из четырех сфер жизни подростка – «семья», «личная жизнь», «учеба», «работа».

Опросный лист был анонимным, включал вопросы о поле, возрасте, успеваемости, семье респондента и т.д.

Результаты исследования

Количественная доля труда в (будущей) жизни подростка определена путем подсчета количества событий, которые подростки отнесли к каждой из сфер (таб. 1). Количество событий в четырех сферах определено для каждого респондента, затем рассчитано среднее значение количества событий. Из пятнадцати событий жизни подростков 1,1 событие относится к профессиональной сфере жизни.

Таблица 1.

Среднее количество событий в каждой из сфер жизни

семья	личное	учеба	работа
4,1	7,5	2,2	1,1

В среднем количество событий сферы жизни «работа» - это 1,1 событие из 15. Подростки редко имеют представление о том, что во взрослой жизни будут трудиться, или, буквально отвечая на за-

дания опросника – труд и работа занимают не слишком большое место в их будущей жизни.

Мы разделили респондентов по частотам упоминания событий сферы «работа»: не имеют в жизни ни одного трудового события 43,8%. Одно событие без уточнения содержания работы 24,7%. Подростки этих двух групп имеют совершенно разные типы представления о роил труда в жизни. Первую группу мы назвали «стрекозы». Их жизнь состоит в основном из событий личной жизни, наполнена отношениями, развлечениями и приобретениями вещей. В их жизненном сценарии нет роли труженика, смысл жизни – получение удовольствия, формирование отношений и самореализация.

Вторую группу (одно событие сферы «Работа» без уточнения содержания работы) мы назвали «муравьями». Их представление о труде отличает своего рода фатализм. Они считают работу неизменным атрибутом жизни, необходимость работы не нуждается в обосновании. Не так важно содержание работы. По-видимому, именно эти подростки, составляющие 25% нашей выборки, будут трудиться в непрестижных и неинтересных сферах – промышленности, энергетике, сельском хозяйстве.

Интересные различия доли работы в жизни для разных социальных групп, фигурирующих в нашем исследовании (таб. 2).

Таблица 2.

Количество событий сферы «работа» в разных когортах

Все	девочки	мальчики	город	село	успеваемость 4-5	успеваемость 3-4
1,10	1,15	1,06	3,88	0,8	1,27	0,86

Привлекает внимание большое различие «количества труда» в жизненной перспективе городских (3,8) и сельских (0,8) школьников. Интересно, что городские дети намерены работать, а сельские – нет. Трудовые намерения девочек незначительно выше, чем у их товарищей-мальчиков. Ожидаемы различия между подростками с разной учебной успеваемостью – «троечники» имеют меньше профессионально-трудовых намерений (0,86), а «хорошисты» - больше (1,27).

Эмоциональное отношение к труду определялось по шкале, которая в бланке называлась «качество события». В устной инструкции пояснялось, что надо оценить, хорошее ли, благоприятное ли это событие для респондента по шкале от -5 (очень плохое) до +5 (очень хорошее). Оценки событий сферы «Работа» выше всех остальных. В таблице 3 показаны оценки всех четырех сфер.

Таблица 3.

Оценка событий основных сфер жизни

Сферы жизни	семья	личное	учеба	Работа
Средняя оценка	3,2	3,6	3,4	3,72

Средняя оценка событий «Работы» выше всех остальных. Для объяснения максимально позитивного отношения к будущей работе при малой ее представленности в сценариях жизненного пути можно предложить термин «оптимизма неосведомленности» (выявленный также в других профориентационных исследованиях) – чем менее человек знаком с какой-либо областью жизни, тем оптимистичнее он относится к своим шансам на успех в этой сфере.

Социальные различия в оценке работы совпадают с данными частотного анализа – городские подростки наиболее высоко и более позитивно, чем их сельские сверстники, относятся к труду (таб.4)

Таблица 4.

Средние оценки событий сферы «работа» в разных когортах

все	девочки	мальчики	город	село	успеваемость 4-5	успеваемость 3-4
3,72	3,92	3,51	4,47	4,2	3,44	4,07

Смысл и мотивы труда определены средствами контент-анализа событий (сферы «Работа»). Выделены следующие смысловые группы:

Работа-занятость, бизнес, работа как средство получения дохода (заработок), средство самореализации, творческая работа и работа как средство изменения места жительства.

Количественное распределение количества ответов по смысловым категориям (в процентах) представлено в таблице 5.

Таблица 5.

Распределение респондентов по типам смыслового содержания труда (в %)

занятость	карьера	бизнес	заработок	самореализация	творчество	переезд
17	10,5	9,5	7,6	6	6	4,7

Категория «Работа-занятость» не содержит информации о смысле труда, подростки группы «смысл работы - занятость» писали со-бытия типа «буду работать», «начну работать» и т.д.

Первое место среди мотивов профессионального труда заняла возможность карьеры (которая была исключена из топа иерархии мотивов поколения Y и Z в результате теоретического анализа).

Затем следуют мотивы создания собственного дела, организации бизнеса (9,5%), получения высокого дохода (7,6%), самореализации (6%), творчества (6%) и мотив социальной мобильности (4,7%). Субъективность процедур контент-анализа оставляют место для построения альтернативных перечней трудовых мотивов. Например, объединив категории «самореализация» и «творчество», можно на верх иерархии вынести мотив «самоактуализация».

Конкретные профессии, упоминаемые подростками: психология, история, криминалистика, военная служба, блогерство, кулинария, моделирование одежды, работа в общепите, работа учителя, вокал, участие в музыкальной группе, производство компьютерных игр и т.д.

Мы распределили упомянутые подростками профессии по отраслям хозяйственной деятельности. Все профессии были отнесены к единственной отрасли «сфера услуг». Практически не встречались профессии из сфер промышленности, сельского хозяйства, энергетики, транспорта (за исключением двух фермеров).

Анализ выбора конкретных профессий школьниками свидетельствует:

- об отсутствии ориентации на производящие профессии;
- выборе профессий сферы обслуживания, образования, культуры;
- тенденции к получению профессий, не имеющих практического значения, но соответствующих актуальным интересам подростков - разработка компьютерных игр, блогерство.

- о том, что источники профессионального выбора – это информированность, основанная на опыте и в доступных сферах проб.

Проект трудового будущего подростков

Напомним, что особенность современного трудового менталитета – это отношение к труду как фрагменту многоаспектного жизненного пути. В том числе, отношение к труду является производной от представления о желаемом образе (будущей) жизни. Образ будущей жизни включает:

- представление о стране будущего проживания
- образ успеха в стране будущего проживания
- образ возможностей трудовой самореализации в стране будущего проживания, в том числе – доступных ресурсов.

На рисунке отражено количественное распределение ответов подростков разных мотивационно-трудовых ориентаций по типам будущего проживания, в которые включены:

- «то же» - план оставаться жить в том же месте, что и теперь;
- «за рубеж» - намерение жить в другой стране;
- жить в столице (Москве или Санкт-Петербурге);
- жить в другом городе, как правило – региональном центре;
- жить в селе, деревне.

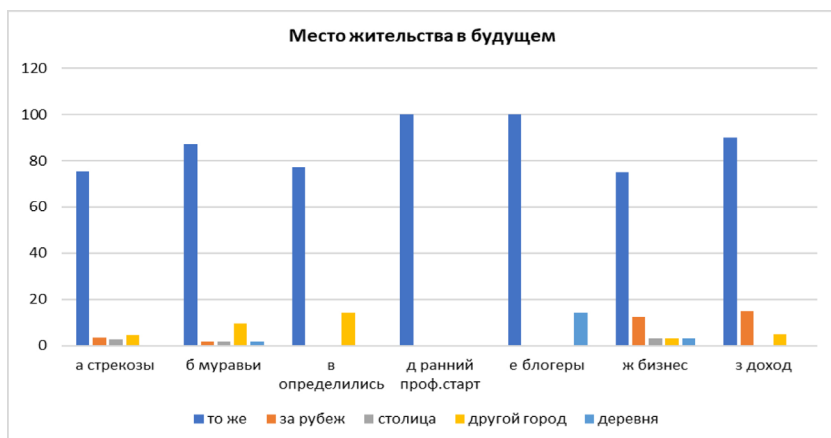

Рис. Распределение подростков различных мотивационно-трудовых ориентаций согласно проектам будущего места жительства (в %).

Жить в будущем там же, где живут сейчас, намерены 86,4% подростков. Переехать в столицу собираются 1,1%, в другой город 5,2%, жить в деревне 2,7%. Жить за границей намереваются 4,7% респондентов. Центростремительные векторы, о которых мы писали, как об актуальных тенденциях российской демографии, в нашем исследовании не проявлены. С точки зрения социального климата страны намерение жить дома является благоприятным симптомом. Подростки видят возможности «хорошей жизни», самоактуализации в окружающей его действительности.

Различие планов будущего места жительства у подростков с разными типам трудовых мотивов не слишком выражены. Чаще других собираются переехать в другой город (региональный центр) подростки, уже совершившие выбор профессии, жизненно-профессионального пути. Намереваются жить за границей чаще других подростки, ориентированные на высокий доход и организацию собственного дела (предпринимательство). Подростки, которые планируют связать профессиональную жизнь с IT сферой, прочно привязаны к актуальному месту жительства, не собираются никуда уезжать – что также противоречит наблюдающимся сейчас демографическим процессам. В текущем десятилетии IT специалисты являются наиболее мобильной профессиональной группой, ориентированной на проживание и профессиональную деятельность в странах Европы, США, Австралии и Канады.

Выявление представлений **о роли труда в будущей жизни** является одним из основных результатов нашего исследования. Мы использовали формулировку «**трудовые треки**» для описания представления подростков о роли труда в их будущей жизни и об образе их собственной трудовой деятельности. Использован метод контент-анализа, выделены позиции личности в труде, описанные далее. В таблице 6 представлено количественное распределение подростков по трудовым трекам в процентах от общего количества опрошенных.

В результате выделилось два массовых трека, уже упомянутых в статье – «стрекозы» (43,8) и «муравьи» (24,7). На третьем месте (12,7%) – ориентация на организация собственного дела, предпри-

ятия. Остальные треки охватывают сравнительно малое количество подростков, были выделены как соответствующие тенденциям трудового менталитета, выявленных в теоретическом анализе. Охарактеризуем содержание трудовых треков.

Таблица 6.

Распределение подростков по трудовым трекам (%)

	А стрекозы	Б муравьи	В Проф. определен- ность	Д ран- ний старт	Е блогеры	Ж бизнес	З доход
Доля от выборочной совокупности в процентах	43,80	24,7	7	3,9	2,8	12,7	7,9

«Стрекозы» (43,8%) – подростки, в перечне жизненных событий, которых не встречается упоминаний о труде. Факт его отсутствия в перечне событий не говорит ни о том, что подростки не будут работать, ни о наличии у них негативного отношения к труду. Отсутствие работы можно считать признаком:

- особенностей жизненного сценария. В сценарии будущей жизни не прописаны роли, связанные с достижениями.

- Я-концепция не включает ролей, связанных с продуктивной самореализацией.

- особенностей ценностных установок: ценности продуктивной самореализации и достижения выражены мало, в противовес ценностям гедонизма, личностного развития.

«Муравьи» (24,7%) – единичные упоминания о профессиональном труде, как правило, без уточнения его содержания. Подростки пишут события «начну работать», «работа» и т.д. Несмотря на малое количественное отличие муравьев от стрекоз, мы считаем их отношение к труду принципиально иным. Для муравьев труд является неотъемлемой частью жизни. Даже если в шестом классе еще неизвестно, в чем будет заключаться работа, она будет в их жизни обязательно.

Предприниматели (12,7%) ориентированы на организацию собственного дела, бизнеса. В новейшей истории России отношение к

ценностной модели «бизнесмен» претерпевало резкие изменения. Класс предпринимателей появился после реформы 1861 года, предприниматели вышли из противоположных социальных групп – как из обеспеченных людей, так и из инициативных крестьян. После революций начала двадцатого века и образования Советского государства, отношение к предпринимателям было отрицательным. Перестройка и переход к рыночной экономике в девяностых годах двадцатого века поднял на знамя фигуру предпринимателя. Инициатива и предприимчивость были образом успешной личности. Способность к предпринимательству – результатом и требованием на всех уровнях и во всех институциях российского общества. В сознании подростков был сформирован сценарий, в котором жизненный успех воплощен в наличии собственного дела, бизнеса. Профессиональные сценарии бюджетника, работяги, «офисного планктона» рассматривались подростками как массовые, но свидетельствующие о жизненном неуспехе.

Трудовое самоопределение совершилось у семи процентов подростков, которые уже знают направление и содержание своей профессиональной деятельности. Прибавим к этой группе 3,9% подростков, которые уже начали профессиональную карьеру и получим достаточно многочисленную группу подростков, в структуру Я-концепции которых входит роль «**Я-профессионал**».

Работа – источник дохода для 7,9% подростков, которым не так важно содержание труда, сколько возможность получения вознаграждения за работу.

Для проверки тренда на цифровизацию профессиональной сферы подсчитано количество подростков, которые видят свою будущую **профессию в цифровой сфере** – это программисты, IT-специалисты, блогеры и т.д. Среди подростков таких оказалось немного, около трех процентов.

Заключение

1. Развитие общества складывается под влиянием менталитета, массового мировоззрения, определяющего направления устремле-

ний людей и способы социальных действий.

2. Важным аспектом менталитета является совокупность отношений к труду, его смыслу, ценности, содержанию, которое может быть названо трудовым менталитетом.

3. Трудовой менталитет складывается под влиянием таких социальных детерминант, как: глобальные, этнические, национальные, региональные, поколенческие аттитюды, установки, отношения к труду и профессиональной деятельности.

4. Особенности трудового менталитета современных подростков являются:

- a. Ценностная установка на самоактуализацию в форме развития личности, индивидуализации, акцентировании личностных переживаний, эмоций
- b. Укорененность как намерение сохранять место жительства и трудиться в качестве гражданина своей страны.
- c. Отношение к труду и его роли в жизни по двум типам: отсутствия субъективного переживания необходимости труда и понимания труда как неотъемлемой части жизни.
- d. Иерархия мотивов труда: занятость, самореализация, карьера, предпринимательство, заработок.

Список литературы

1. Алексеева Е.А. Отношение россиян к труду и занятости в современных условиях: специфика поколений // Переустройство мира: исследования (в) новой реальности: Материалы XIII международной социологической Грушинской конференции, Москва, 25–27 мая 2023 года. Москва: Всероссийский центр изучения общественного мнения, 2023. С. 154-159.
2. Ануфриев Е.А., Лесная Л.В. Российский менталитет как социально-политический и духовный феномен // Социально-политический журнал. 1997. № 4. С. 28-44.
3. Большунова Н.Я. Проблема национального характера // Развитие человека в современном мире: Материалы III Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Но-

- восибирск, 17–19 апреля 2012 года. Новосибирск: Новосибирский государственный педагогический университет, 2012. С. 142-154.
4. Бутова С.В. Производительность труда в России и теория поколений / С.В. Бутова, И.В. Осипова // Естественно-гуманитарные исследования. 2021. № 38(6). С. 86-92. <https://doi.org/10.24412/2309-4788-2021-6-86-92>
 5. Ванина Э.В. Социальные установки подростка: возможности цифровой педагогической диагностики / Э.В. Ванина, А.А. Ильина, И.В. Парфенова // Russian Journal of Education and Psychology. 2022. Т. 13, № 3. С. 38-55. <https://doi.org/10.12731/2658-4034-2022-13-3-38-55>
 6. Венгер А.Л. Поколение пустыни // Культурно-историческая психология. 2008. Том 4. №4. С. 62–70.
 7. Гуревич А.Я. Проблема ментальностей в современной историографии // Всеобщая история: Дискуссии, новые подходы. Вып. 1., М., 1989, С. 75-89.
 8. Гуриева С.Д., Юмкина Е.А., Тимофеева А.С. Карьерные установки и проактивное поведение сотрудника // Russian Journal of Education and Psychology. 2023. Т. 14, No 4. С. 179-195. <https://doi.org/10.12731/2658-4034-2023-14-4-179-195>
 9. Ким В.И. Трудовой менталитет рабочих в условиях НЭПа // Социально-гуманитарные знания. 2016. №1. С. 183-192.
 10. Коржова Е.Ю. Личность современного человека в свете его жизненных ориентаций // Психологическое сопровождение личности в меняющемся мире. Санкт-Петербург: Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 2020. С. 17-25.
 11. Лукина А.К. Построение образа будущего подростками из разных социальных групп // Педагогика. 2020. Т. 86(8). С. 30-38.
 12. Марцева Л. М. Труд в контексте российской цивилизации. Социально-философский аспект / Л. М. Марцева; Министерство транспорта Российской Федерации, Федеральное агентство железнодорожного транспорта, Омский государственный университет путей сообщения. Омск: Омский государственный университет путей сообщения, 2002. 311 с.

13. Наумов П.Ю. Структура и особенности социальной памяти российской военной интеллигенции: ценностно-смысловой и функциональный аспект // Russian Journal of Education and Psychology. 2022. Т. 13, № 4. С. 151-169. <https://doi.org/10.12731/2658-4034-2022-13-4-151-169>
14. Немирович-Данченко П.М. К вопросу о методах изучения ментальности // Вестник Томского государственного университета. История. 2008. № 1. С. 88-96.
15. Образование и жизненный путь личности / В. А. Артемьева, О. В. Барсукова, С. А. Векилова [и др.]. Москва: Русайнс, 2023. 198 с.
16. Отчет Гэллуп Положение на глобальном рынке труда. URL: <https://www.gallup.com/workplace/349484/state-of-the-global-workplace.aspx>
17. Отчет о трендах развития карьеры 2040 / Career Development in 2040: Preparing for Possible Scenarios of Work & Careers. URL: https://ceric.ca/wpdm-package/career-development-in-2040-trends-report/?wpdm_dl=61655&refresh=651b8f5ae5dd71696304986
18. Постовалова В.И. Ментальность как глубинная антропологическая реальность и пути ее постижения в гуманитарном познании (опыт эпистемологического рассмотрения) // Метафизика. 2021. № 1(39). С. 8-30. <https://doi.org/10.22363/2224-7580-2021-1-8-30>
19. Пушкарев Л.Н. Что такое менталитет? Историографические заметки // Отечественная история. 1995. № 3. С. 158-166.
20. Сидорова Е.А. Трудовые ценности и установки в менталитете русского народа: диссертация ... кандидата философских наук: 09.00.13 / Сидорова Елена Анатольевна; [Место защиты: Юж. федер. ун-т]. Ростов-на-Дону, 2007.
21. Чистякова С.Н. Профессиональное самоопределение: современный аспект // Профессиональное образование. Столица. 2015. № 6. С. 2-7.
22. Шамис Е.М. Теория поколений. Необыкновенный Икс / Евгения Шамис, Евгений Никонов. Москва: Synergy Book, 2022. 192 с.
23. Duarte M.E. O indivíduo e a organização: Perspectivas de desenvolvimento [The individual and the organization: Perspectives of development] // Psychologica (Extra-Série). 2004. P. 549-557.
24. Generation theory in HR practice: text mining for talent management case // EGOSE'16: Proceedings of the International Conference on Electronic

- Governance and Open Society: Challenges in Eurasia. November 2016. P. 262–266. <https://doi.org/10.1145/3014087.3014126>
25. Howe, Neil; Strauss, William. *Generations: A History of America's Future from 1584 to 2069*. New York: William Morrow and Company, 1991. 538 p.
26. Savickas M.L., Baker D.B. The history of vocational psychology: antecedents, origin, and early development // In W.B. Watts & M.L. Savickas (Eds.) *Handbook of Vocational Psychology* (3rd ed.) Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates. 2005.
27. *The New Careers: Individual Action and Economic Change* / Michael Arthur, Kerr Inkson, Judith Pringle. London: SAGE Publications Ltd, 1999. 192 p.

References

1. Alekseeva E.A. Attitude of Russians to labor and employment in modern conditions: specifics of generations. *Reorganization of the world: research (in) new reality: Proceedings of the XIII International Sociological Grushinsky Conference, Moscow, May 25-27, 2023*. Moscow: All-Russian Center for the Study of Public Opinion, 2023, pp. 154-159.
2. Anufriev E.A., Lesnaya L.V. Russian mentality as a socio-political and spiritual phenomenon. *Sotsial'no-politicheskiy zhurnal* [Socio-Political Journal], 1997, no. 4, pp. 28-44.
3. Bolshunova N.Ya. The problem of national character. *Human development in the modern world: Proceedings of the III All-Russian scientific-practical conference with international participation, Novosibirsk, April 17-19, 2012*. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University, 2012, pp. 142-154.
4. Butova S.V. Labor productivity in Russia and the theory of generations / S.V. Butova, I.V. Osipova. *Estestvenno-gumanitarnye issledovaniya* [Natural and Humanitarian Research], 2021 no. 38(6), pp. 86-92. <https://doi.org/10.24412/2309-4788-2021-6-86-92>
5. Vanina E.V. Social attitudes of a teenager: the possibilities of digital pedagogical diagnostics / E.V. Vanina, A.A. Ilyina, I.V. Parfenova.

- Russian Journal of Education and Psychology*, 2022, vol. 13, no. 3, pp. 38-55. <https://doi.org/10.12731/2658-4034-2022-13-3-38-55>
6. Wenger A.L. Desert Generation. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya* [Cultural and Historical Psychology], 2008, vol. 4, no. 4, pp. 62-70.
 7. Gurevich A. Ya. The problem of mentalities in modern historiography. *Vseobshchaya istoriya: Diskussii, novye podkhody* [General History: Discussions, new approaches]. Issue 1. M., 1989, pp. 75-89.
 8. Gurieva S.D., Yumkina E.A., Timofeeva A.S. Career attitudes and proactive behavior of an employee. *Russian Journal of Education and Psychology*, 2023, vol. 14, no. 4, pp. 179-195. <https://doi.org/10.12731/2658-4034-2023-14-4-179-195>
 9. Kim V.I. Labor mentality of workers under the NEP. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya* [Socio-humanitarian knowledge], 2016, no. 1, pp. 183-192.
 10. Korzhova E. Y. Personality of modern man in the light of his life orientations. *Psikhologicheskoe soprovozhdenie lichnosti v menyayushchetsya mire* [Psychological support of personality in a changing world]. St. Petersburg: Herzen Russian State Pedagogical University, 2020, pp. 17-25.
 11. Lukina A.K. Building the image of the future by teenagers from different social groups. *Pedagogika* [Pedagogy], 2020, vol. 86(8), pp. 30-38.
 12. Martseva L. M. *Labor in the context of Russian civilization. Socio-philosophical aspect*; Ministry of Transport of the Russian Federation, Federal Agency of Railway Transport, Omsk State University of Railway Transport. Omsk: Omsk State University of Railway Transport, 2002, 311 p.
 13. Naumov P.Y. Structure and features of social memory of Russian military intelligentsia: value-semantic and functional aspect. *Russian Journal of Education and Psychology*, 2022, vol. 13, no. 4, pp. 151-169. <https://doi.org/10.12731/2658-4034-2022-13-4-151-169>
 14. Nemirovich-Danchenko P.M. To the question of methods of studying mentality. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* [Bulletin of Tomsk State University. History], 2008, no. 1, pp. 88-96.

15. *Education and life path of a personality* / V. A. Artemieva, O. V. Barsukova, S. A. Vekilova [et al.]. Moscow: Rusains, 2023, 198 p.
16. Gallup Report The Situation in the Global Labor Market. URL: <https://www.gallup.com/workplace/349484/state-of-the-global-workplace.aspx>
17. Report on Career Development Trends 2040 / Career Development in 2040: Preparing for Possible Scenarios of Work & Careers. URL: <https://ceric.ca/wpdm-package/career-development-in-2040-trends-report/?wpdmdl=61655&refresh=651b8f5ae5dd71696304986>
18. Postovalova V.I. Mentality as a deep anthropological reality and ways of its comprehension in humanitarian cognition (experience of epistemological consideration). *Metafizika* [Metaphysics], 2021, no. 1(39), pp. 8-30. <https://doi.org/10.22363/2224-7580-2021-1-8-30>
19. Pushkarev L.N. What is mentality? Historiographical notes. *Otechestvennaya istoriya*, 1995, no. 3, pp. 158-166.
20. Sidorova E.A. *Labor values and attitudes in the mentality of the Russian people*: dissertation ... Candidate of Philosophical Sciences: 09.00.13. Rostov-on-Don, 2007.
21. Chistyakova S.N. Professional self-determination: a modern aspect (in Russian). *Professional'noe obrazovanie. Stolitsa*, 2015, no. 6, pp. 2-7.
22. Shamis E.M. *Theory of generations. Unusual X* / Evgeniya Shamis, Evgeny Nikonov. Moscow: Synergy Book, 2022, 192 p.
23. Duarte M.E. O indivíduo e a organização: Perspectivas de desenvolvimento [The individual and the organization: Perspectives of development]. *Psychologica (Extra-Série)*, 2004, pp. 549-557.
24. Generation theory in HR practice: text mining for talent management case. *EGOSE'16: Proceedings of the International Conference on Electronic Governance and Open Society: Challenges in Eurasia*. November 2016. P. 262–266. <https://doi.org/10.1145/3014087.3014126>
25. Howe, Neil; Strauss, William. *Generations: A History of America's Future from 1584 to 2069*. New York: William Morrow and Company, 1991. 538 p.
26. Savickas M.L., Baker D.B. The history of vocational psychology: antecedents, origin, and early development // In W.B. Watts & M.L. Savickas (Eds.) *Handbook of Vocational Psychology* (3rd ed.) Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates. 2005.

27. *The New Careers: Individual Action and Economic Change* / Michael Arthur, Kerr Inkson, Judith Pringle. London: SAGE Publications Ltd, 1999. 192 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Финогорова Ольга Николаевна, кандидат психологических наук,
доцент кафедры общей и социальной педагогики
Сибирский Федеральный Университет
проспект Свободный, 79, г. Красноярск, 660041, Российская
Федерация
finogenova1971@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Olga N. Finogenova, Associate Professor, Department of General and
Social Pedagogics
Siberian Federal University
79, Svobodny pr., Krasnoyarsk, 660041, Russian Federation
finogenova1971@mail.ru
SPIN-code: 4484-3797
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0821-1334>

Поступила 15.01.2024

После рецензирования 16.02.2024

Принята 21.02.2024

Received 15.01.2024

Revised 16.02.2024

Accepted 21.02.2024

DOI: 10.12731/2658-4034-2024-15-1-529

УДК 37.015.31

Научная статья |

Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред

ОСОБЕННОСТИ ПСИХОЛОГИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ МЕЖДУ УЧИТЕЛЯМИ И УЧЕНИКАМИ В КНР

А.А. Пискун

Данная статья посвящена изучению психологии взаимоотношений между учителями и обучающимися Китая, поскольку на сегодняшний день недостаточно хорошо исследованы характерные черты коммуникации между китайскими учителями и обучающимися. Цель исследования состояла в рассмотрении своеобразия психологических взаимоотношений «учитель – ученик» в общеобразовательных школах КНР. Под задачами исследования понималось проанализировать влияния китайской философии в становлении образовательных отношений в Китае, рассмотреть место учителя и ученика в образовательном процессе Китая, описать уровень коммуникации между учителями и обучающимися КНР. Основным методом исследования послужил метаанализ исторических, философских и психолого-педагогических трудов.

Результаты исследования. Анализ китайских философских течений и официальных документов КНР о роли учителя и учеников показал социальную значимость роли учителя как наставника, лидера и старшего брата ученика, за счет чего мы можем наблюдать высокий уровень уважения среди обучающихся, что может сопровождаться и некоторой степенью боязливости перед преподавателем. Рассмотрение психолого-педагогических работ иностранных специалистов только подтвердило данные предположения, поскольку физическая дистанция между учителем и учениками, а также устройство классного кабинета выстраивают определенную дис-

танцию между субъектами образовательной деятельности. В то же время современные китайские педагоги стремятся к снижению уровня напряжения в классе, выстраивая учебную и воспитательную деятельность с учетом индивидуальных особенностей обучающихся, проявляя к ним высокий уровень внимания и сочувствия.

Ключевые слова: психология взаимоотношений; субъекты образования; китайские учителя; китайские ученики; китайское образовательное пространство

Для цитирования. Пискун А.А. Особенности психологии взаимоотношений между учителями и учениками в КНР // *Russian Journal of Education and Psychology*. 2024. Т. 15, № 1. С. 317-330. DOI: 10.12731/2658-4034-2024-15-1-529

Original article |

Pedagogical Psychology, Psychodiagnostics of Digital Educational Environments

CHARACTERISTICS OF THE RELATIONSHIP PSYCHOLOGY BETWEEN TEACHERS AND STUDENTS IN THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA

A.A. Piskun

*The following article is devoted to the exploration of the relationship between teachers and students of China, whereas the typical traits of communication between Chinese teachers and students are not sufficiently explored to date. The **aim** of the research consists in consideration of the “teacher – student” relationships originality in comprehensive schools of the PRC. The **tasks** of the study are to analyze the influence of the Chinese philosophy in formation of the educational relations in China, to consider the place of a teacher and a student in the Chinese educational process, and to describe the level of communication between teachers and students of the PRC. The meta-analysis of the historical, philosophical, and psychological-pedagogical scientific works was served as the main method of the research.*

Results of the study. *The analysis of the fundamental Chinese philosophical traditions and the official documents of PRC about the roles of the teacher and the students showed the social importance of the teacher's role as a mentor, a leader, and an elder brother of the student, due to which we can observe the high level of respect among the students, what can also be followed by some degree of the fearfulness to teacher. The consideration of psychological-pedagogical scientific works of the foreign specialists had approved the following statements because the physical distance between a teacher and his students, and the structure of a classroom can create the certain differences between the subjects of education activity. Meanwhile modern Chinese educators endeavour to reduce the level of students' tension, building the academic and educational activities, which are based on the individual characteristics of students, and showing them the high level of attention and empathy.*

Keywords: *relationship psychology; education subjects; Chinese teachers; Chinese students; Chinese educational space*

For citation. *Piskun A.A. Characteristics of the Relationship Psychology between Teachers and Students in the People's Republic of China. Russian Journal of Education and Psychology, 2024, vol. 15, no. 1, pp. 317-330. DOI: 10.12731/2658-4034-2024-15-1-529*

Введение

Изучение Китая как страны, которая является не только экономическим, но и образовательным лидером мира, на сегодняшний день не кажется чем-то удивительным. Согласно официальным данным Международной программы по оценке образовательных достижений учащихся (PISA) за 2022 г., китайские учащиеся из Макао, Тайваня и Гонконга занимают высокие места с общим счетом 535, 533 и 520 очков соответственно [9]. Более того, согласно рейтингу журнала «Times Higher Education», несколько вузов КНР входят в рейтинг лучших высших учебных учреждений мира: Университет Цинхуа (清华大学), Пекинский университет (北京大学), Чжэцзянский университет (浙江大学) и т.д. [12].

На сегодняшний день изучение особенностей образовательного процесса в Китае имеет высокую актуальность среди педагогов и психологов со всего мира. Главными темами исследований, посвященных данной сфере, в основном выступают изучение особенностей структуры образовательного процесса КНР, анализ требований к преподавателям и образовательным программам, апробация китайских технологий обучения в российских школах и т.д. В то же время наблюдается крайне мало исследований, посвященных особенностям взаимодействия основных субъектов китайского образования: учителей и учеников, поскольку за счет рассмотрения своеобразия построения коммуникации между педагогом и его обучающимися можно понять, каким образом строится образовательный процесс в Китае.

Целью данного исследования является рассмотрение особенностей психологических взаимоотношений «учитель – ученик» в китайских общеобразовательных школах.

Из цели исследования перед нами стоят следующие задачи:

- Проанализировать влияние китайской философии на становление взаимоотношений между китайскими учителями и школьниками;
- Отметить место учителя и ученика в образовательном процессе КНР согласно нормативным актам;
- Выделить, на каком уровне общения происходит коммуникация между обучающимися и учителями;

В ходе проведения исследования мы обращались к научным работам В.В. Киселева, М.Ф. Кузневой и А.В. Лепешева о влиянии китайской философии на развитие китайской общественной мысли и образования; Л.В. Попова и С.А. Просекова о социально-исторических особенностях построения образовательного и воспитательного процесса КНР; Ян Жэньина, Вань Сымина, Линь Шувэй, Джорджа Бэра и Хуана Сишана о взаимодействии «учитель – ученик» в школах и университетах Китая.

Используемые методы

Основным методом, используемым в исследовании, служит мета-анализ научных источников, авторы которых изучали данную тему

только согласно конкретной области знания: исторической, философской, психологической или педагогической. Также в ходе проведения исследования был использован метод анализа содержания педагогических документов КНР, а конкретно Закон «Об обязательном образовании» (中华人民共和国义务教育法) [2].

Таким образом, совокупность психолого-педагогических, исторических и социокультурных особенностей образовательного процесса КНР позволит нам дать объективное описание психологических взаимоотношений пары «учитель – ученик» и найти причины данного явления.

Ход исследования

Процесс становления образовательного процесса в Китае напрямую относится к развитию философской мысли. Постулаты Конфуция, Лао-Цзы и Мо-Цзы оказали прямое влияние на становление китайского менталитета и китайского образования. Так, мы можем выделить некоторые «благодетели» образования, которые сложились в эпоху «сражающихся царств» (战国时代): упорство, усердие, стойкость, скромность, концентрация и уважение к учителю [6, с. 74]. Обучение стало наивысшей ценностью в китайском обществе, благодаря которому человек мог повысить свой социальный статус [15, 页. 49]. Более того, получение знания, по мнению китайских философов того времени, было направлено на развитие общества и государства. Таким образом образование тесно связывалось с коллективизмом китайского общества [6, с. 32; 8, p. 275].

Исходя из этого, образование в Поднебесной стало социальным лифтом уже в древнюю эпоху, особенно после введения системы государственных экзаменов на должность чиновников. Каждое китайское философское течение ставило поиск нового знания как основную концепцию своей идеологии [1; 4]:

- Конфуцианская концепция благородного мужа «Цзюнь-Цзы» (君子) обязывала достойного члена китайского общества быть образованным и знать основные трактаты китайского общества;

- Даосская концепция пути «дао» (道) обязывала человека отречься от материального в поисках истинного, духовного знания;
- Моисска концепция «выдвижения умелых» основывала управление новым государством с точки зрения меритократии: чиновниками должны были становиться самые умелые люди.

Поскольку вышеперечисленные три философских течения Китая были основополагающими в китайском обществе вплоть до настоящего времени, данное отношение к образованию закрепило ведущую роль «знания» в социуме. Агитация о том, как важно быть образованным, принуждает китайцев уже с малых лет относиться с большой долей уважения к тем, кто это знание может предоставить, т.е. педагогам. Так, в основном труде конфуцианской этики «Суждения и беседы» (论语) Конфуций зовется «учителем», что только подтверждает высокую социальную значимость данной профессии для китайского общества. Из этого мы уже можем предположить, что китайские школьники будут относиться к педагогу с явным почтением.

Анализируя роль учителя и ученика в современные дни, необходимо понять, какие люди подразумеваются под данными понятиями. Согласно главе I ст. 3 «Закона Китайской Республики о преподавателях», под термином «преподаватель» понимается «специалист, осуществляющий педагогическую деятельность на профессиональной основе, имеющий своей миссией обучение людей, ... повышение общего культурного уровня нации» [2, с. 23]. Мы видим, что на учителя возложена задача не только обучить, но и оказать благоприятное влияние на то, какой будет китайская нация. Это ведет к тому, что статус педагога в глазах государства очень высок, что только укрепляет значимость учителя среди китайского населения. Это также подтверждается в главе IV ст. 28 «Закона КНР об обязательном образовании»: «все общество должно уважать преподавателей» [2, с. 39].

Статус ученика в КНР не сильно отличается от статуса ученика в других странах – это любой гражданин страны, который на момент времени получает какое-либо образование. Большой интерес пред-

ставляет статус взаимоотношений «учитель – ученик» с правовой точки зрения (глава IV ст. 29): учитель не имеет права оказывать какое-либо дискриминационное воздействие на обучающихся, уважать личность каждого и служить примером [Там же]. Это дает нам понять, что хотя статус учителя в китайском обществе и высок, в то же время педагог обязан быть примером для подражания, представителем наилучших человеческих качеств. Стоит учитывать и долю ответственности учителя как представителя образования в КНР.

В совокупности соотношение философских трактатов с официальной политикой КНР строит перед нами следующую картину: психологическое взаимодействие учителя и ученика подвержено влиянию общества на фигуру «преподавателя» как на человека не только мудрого, но и достойного самого общества [3, с. 201], но правовые рамки не позволяют учителю переходить к дискриминации, пользуясь своим авторитетом. Тем не менее, на данный момент это только предположение, выходящее из исторических и культурных норм. Для полной проверки данного тезиса необходимо изучить исследования, которые могут доказать или опровергнуть обозначенную нами идею.

При изучении отношений субъектов образовательного пространства «ученик-учитель» с точки зрения китайских реалий исследователи рассматривали особенности построения образовательного процесса на основании следующих пунктов:

- Как физическая дистанция между учителем и учениками влияет на обучение?
- Какие чувства и эмоции испытывают школьники и учителя и в чем их причина?
- Как коммунистическая идеология повлияла на становление взаимоотношений данных субъектов образования?

Самое простое, что можно измерить, не прибегая к построению математических моделей категории взаимоотношений «ученик-учитель», – это физическая дистанция между субъектами образования. Ян Жэньин в работе «Пространственная коммуникация между китайскими учителями и учащимися в высококонтекстном классе»

указывает, что за учителем закреплено «120-180 сантиметров» территории, которая считается для китайских школьников неприкасаемой [10, p. 107]. Если учитель и предложит ребенку подойти к доске, такой учащийся сразу чувствует себя «зажатым в рамках» своего статуса по отношению к преподавателю. Это ощущение сразу пропадает, как только ученик возвращается на свое место.

Более того, система посадки китайских школьников за партами в учебных аудиториях идентична российской системе, где учитель может наблюдать за всеми учениками, а каждый ученик может держать учителя в поле зрения. Таким образом, подчеркивается не только образовательная, но и культурная важность роли учителя в китайской школе: находясь перед всем классом на территории, которая среди школьников считается обособленной от учеников, учитель имеет в образовательном процессе не только роль наставника и воспитателя, но и лидера, которого необходимо беспрекословно слушать.

С другой стороны, данный подход оказывает спорное влияние на развитие «критического мышления» у обучающихся китайских образовательных учреждений как одной из важнейших компетенций современного человека. Так, в работе Ши Мэна и Лю Лэя «我国现代职业教育体系研究：回顾与展望» («Исследование современной системы профессионального образования моей страны: обзор и перспективы») сказано, что система передачи профессиональных навыков и умений в Китае, на данный момент, только начинает активно развиваться, поэтому имеют место быть ситуации, когда преподаватели могут давать неточную или ошибочную информацию своим студентам [15]. Из-за беспрекословного подчинения авторитету преподавателя обучающиеся могут извлечь из уроков с подобными преподавателями знания, которые не соответствуют действительности, что в дальнейшем вызывает проблемы в обучении или профессиональной деятельности.

Исследования взаимодействия китайских учителей и учащихся с точки зрения психологии общения, в свою очередь, вынесли на передний план вопрос о том, какие конкретные чувства и эмоции испытывают данные субъекты образовательных отношений. В ис-

следовании «Отношения между учителем-учениками и подростковый эмоциональный интеллект: цепная модель посредничества, основанная на открытости и эмпатии» обозначается, что китайские учителя прекрасно осведомлены о том, насколько их культурная и идеологическая роль влияет на то, как к ним относятся их ученики, однако они не стараются использовать ее для достижения личных целей [11]. Напротив, преподаватели китайских школ стараются строить доверительные отношения, основанные на сопереживании, эмоциональности и открытости. При условии, что социокультурные рамки держат китайских школьников в почтении перед учителями, сами работники образования стараются использовать данный механизм для поддержания рабочей атмосферы в классе, однако не видят ничего плохого в том, чтобы самостоятельно выходить из рамок в «120-180 сантиметров» ближе к ученикам [6; 10; 11].

В то же самое время школьники Китая оказываются в интересной ситуации, когда, с одной стороны, они обязаны, согласно культурным традициям, видеть в учителе руководителя и лидера, а с другой стороны, ученики в ходе обучения видят в своих преподавателях наставников, которые готовы их поддержать и выслушать [7; 14]. На самом деле, в китайском обществе данные, казалось бы, противоположные взгляды на портрет преподавателя дополняют друг друга. Культурный код «учитель» держит школьников в почтении перед сотрудником, но в то же самое время более демократическая модель ведения уроков самим учителем позволяет школьникам обучаться не за счет страха перед авторитетом, а за счет внешней или внутренней мотивации к обучению. Таким образом, в ходе проведения исследований о чувствах и эмоциях школьников психологи приходили к выводам, что дети испытывали на уроках высокий уровень сосредоточенности и вовлеченности в образовательный процесс, проявляли образовательный интерес, охотно шли на диалог с учителем [11; 13]. Что самое интересное, это относилось ко всем преподавателям независимо от предмета, который они ведут, а также независимо от того, какой национальной принадлежности являлся учитель [14].

Из следующего можно сделать вывод, что китайские педагоги стремятся к достижению в основном делового уровня общения. Поскольку коллективизация китайского общества из-за влияния конфуцианской морали и коммунистических идей в КНР ставит первоочередную задачу воспитания ребенка как части элемента китайского социума, то китайские учителя в первую очередь видят в классах коллектив, отдаляясь от индивидуальных ценностей каждого учащегося. Однако, согласно исследованиям Чжэн Вэйчжэня, современные китайские педагоги стараются всячески отходить от подобной воспитательной концепции в пользу понимания важности индивидуальности каждого ребенка [Там же].

Заключение

Таким образом, в настоящее время в китайском обществе учитель имеет огромное культурное и социальное значение. Авторитет преподавателя укреплялся в КНР еще с времен становления китайской морали и этики, когда основные философские течения Китая ставили роль наставника как ведущую. Более того, государственная политика КНР только возвысила значение учителей в глазах общества, что подтверждается содержанием официальных документов и особенностями построения образовательного пространства в школах Китая. Подобная образовательная политика, согласно исследованиям многих зарубежных педагогов и психологов, нацеливает обучающихся чувствовать глубокое уважение к любому преподавателю, однако, с другой стороны, способствует конформизму среди обучающихся, что оказывает негативное влияние на развитие критического мышления самих обучающихся.

В то же время многие китайские педагоги стремятся ослабить свою «слишком значимую» роль в глазах обучающихся, делая упор на индивидуальности каждого китайского ребенка. Китайские учителя стараются быть не только «знатоками своего дела», но и лидерами и наставниками, способствуя развитию китайских детей как людей достойных своего государства. Таким образом, педагогики школ КНР и выполняют государственный заказ на воспитание китайских детей как членов огромного коллектива и способствуют духовному и личностному развитию каждого школьника.

Список литературы

1. Го Мо-жо. Философы древнего Китая [пер. с кит. Б.Г. Мудрова]. М.: Издательство иностранной литературы, 1961. 741 с.
2. Законы об образовании в Китайской Народной Республике, СПб, 2019. 97 с. URL: https://spbu.ru/sites/default/files/zakon_ob_obrazovanii_v_kitayskoj_narodnoj_respublike_rus.pdf (дата обращения: 02.12.2023).
3. Кузнецова М.Ф. Особенности восточной философии образования и образовательной политики // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2012. № 3. С. 199-203.
4. Лепешев Д.В. Анализ философии и модели воспитания Китая // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2018. № 1(52). С. 28-30.
5. Попов Л.В. История формирования модели высшей школы Китая (первая половина XX в.) // Вестник Московского университета. Серия 20: Педагогическое образование. 2016. № 3. С. 29-44.
6. Просеков С.А. Особенности образования и воспитания в КНР // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2017. Т. 7, № 2(26). С. 72-81.
7. Bear G., et al. Understanding Teacher-Students Relationships, Student-Student Relationships, and Conduct Problems in China and the United States // *International Journal of School & Educational Psychology*, 2014, no. 2(4), pp. 247-260. <https://doi.org/10.1080/21683603.2014.883342>
8. Kiselev V.A. Study on the Quest of Philosophical Identity: Definition of Philosophy in Chinese Historical-Philosophical Writings at the Beginning of the 20th Century // *Advances in Social Science, Education and Humanities Research*, 2019, vol. 329, pp. 274-277. <https://doi.org/10.2991/iceessh-19.2019.63>
9. PISA Scores by Country, 2022. URL: <https://www.datapandas.org/ranking/pisa-scores-by-country> (дата обращения: 26.11.2023).
10. Renying Yang. The Spatial Communication Between Chinese Teachers and Students in High-Context Class // *Sino-US English Teaching*, 2020, vol. 17, no. 3, pp. 106-109. URL: <https://www.davidpublisher.com/Public/uploads/Contribute/5ec4dc517f50c.pdf> (дата обращения: 14.11.2023).

11. Simin Wan, et al. The Relationship Between Teacher-Student Relationship and Adolescent Emotional Intelligence: A Chain-Mediated Mediation Model of Openness and Empathy // *Psychology Research and Behavior Management*, 2023, vol. 16, pp. 1344-1354. <https://doi.org/10.2147/PRBM.S399824>
12. World University Rankings. Times Higher Education, London, 2023. URL: <https://www.timeshighereducation.com/world-university-rankings/2024/world-ranking> (дата обращения: 26.11.2023).
13. Yuan Xing. A Comparative Study of Teacher-Student Relationships among Different Chinese Generations. Oslo, 2018, 96 p. URL: <https://www.duo.uio.no/handle/10852/64830> (дата обращения: 20.11.2023).
14. Zheng Weizheng. Teacher-Student Interaction in EFL Classroom in China: Communication Accommodation Theory Perspective // *English Language Teaching*, 2019, vol. 12, no. 12, pp. 99-111. <https://doi.org/10.5539/elt.v12n12p99>
15. 石猛, 刘蕾. 我国现代职业教育体系研究: 回顾与展望. (Ши Мэн, Лю Лэй Исследование современной системы профессионального образования моей страны: обзор и перспективы) *职教论云杂志*, 2014, 48-52页. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/41446091.pdf> (дата обращения: 25.11.2023).

References

1. Guo Moruo. *Filosofy drevnego Kitaya* [The philosophers of ancient China]. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoj literatury Publ., 1961, 741 p.
2. *Zakony ob obrazovanii v Kitajskoj Narodnoj Respublike* [The education laws in the People's Republic of China], 2019, 97 p. URL: https://spbu.ru/sites/default/files/zakon_ob_obrazovanii_v_kitajskoj_narodnoj_republike_rus.pdf (accessed December 02, 2023).
3. Kuznecova M.F. Osobennosti vostochnoy filosofii obrazovaniya i obrazovatel'noy politiki [The characteristics of Eastern philosophy of education and education policy]. *Vestnik Krasnojarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.P. Astaf'eva* [Bulletin of the Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafieva], 2012, no. 3, pp. 199-203.

4. Lepeshev D.V. Analiz filosofii i modeli vospitaniya Kitaya [The analysis of philosophy and upbringing model of China]. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of Surgut State Pedagogical University], 2018, no. 1(52), pp. 28-30.
5. Popov L.V. Istoriya formirovaniya modeli vysshey shkoly Kitaya (pervaya polovina XX v.) [The history of the formation of Chinese higher education model (The first half of the 20th century)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 20: Pedagogicheskoe obrazovanie* [Bulletin of Moscow University. Episode 20: Teacher Education], 2016, no. 3, 29-44 pp.
6. Prosekov S.A. Osobennosti obrazovaniya i vospitaniya v KNR [The characteristics of education and upbringing in the People's Republic of China]. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta* [Humanities. Bulletin of the Financial University], 2017, vol. 7, no. 2(26), pp. 72-81.
7. Bear G., et al. Understanding Teacher-Students Relationships, Student-Student Relationships, and Conduct Problems in China and the United States. *International Journal of School & Educational Psychology*, 2014, no. 2(4), pp. 247-260. <https://doi.org/10.1080/21683603.2014.883342>
8. Kiselev V.A. Study on the Quest of Philosophical Identity: Definition of Philosophy in Chinese Historical-Philosophical Writings at the Beginning of the 20th Century. *Advances in Social Science, Education and Humanities Research*, 2019, vol. 329, pp. 274-277. <https://doi.org/10.2991/icessh-19.2019.63>
9. PISA Scores by Country, 2022. URL: <https://www.datapandas.org/ranking/pisa-scores-by-country> (accessed November 26, 2023).
10. Renying Yang. The Spatial Communication Between Chinese Teachers and Students in High-Context Class. *Sino-US English Teaching*, 2020, vol. 17, no. 3, pp. 106-109. <https://www.davidpublisher.com/Public/uploads/Contribute/5ec4dc517f50c.pdf> (accessed November 14, 2023).
11. Simin Wan, et al. The Relationship Between Teacher-Student Relationship and Adolescent Emotional Intelligence: A Chain-Mediated Mediation Model of Openness and Empathy. *Psychology Research and Behavior Management*, 2023, vol. 16, pp. 1344-1354. <https://doi.org/10.2147/PRBM.S399824>
12. World University Rankings. Times Higher Education, London, 2023. URL: <https://www.timeshighereducation.com/world-university-rankings/2024/world-ranking> (accessed November 26, 2023).

13. Yuan Xing. A Comparative Study of Teacher-Student Relationships among Different Chinese Generations. Oslo, 2018. 96 p. URL: <https://www.duo.uio.no/handle/10852/64830> (accessed November 20, 2023).
14. Zheng Weizheng. Teacher-Student Interaction in EFL Classroom in China: Communication Accommodation Theory Perspective. *English Language Teaching*, 2019, vol. 12, no. 12, pp. 99-111. <https://doi.org/10.5539/elt.v12n12p99>
15. 石猛, 刘蕾。我国现代职业教育体系研究: 回顾与展望。(Shi Meng, Liu Lei. The Research of the Modern Vocational Education of My Country: the Review and the Perspectives) 职教论云杂志, 2014。48-52 页。URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/41446091.pdf> (accessed November 25, 2023).

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Пискун Александр Александрович, ассистент Департамента образовательных технологий в русской и зарубежной филологии Школы Педагогики
*Дальневосточный Федеральный Университет
п. Аякс, 10, о. Русский, г. Владивосток, Приморский край, Российская Федерация
piskun.aa@dvfu.ru*

DATA ABOUT THE AUTHOR

Aleksandr A. Piskun, Assistant of the Department of Education Technologies in Russian and Foreign Philology, School of Pedagogy
*Far East Federal University
10, Ajax Village, Russkiy Island, Vladivostok, Primorsky Krai, Russian Federation.
piskun.aa@dvfu.ru
SPIN-code: 5965-5785
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5571-3492>*

Поступила 29.12.2023
После рецензирования 07.01.2024
Принята 15.01.2024

Received 29.12.2023
Revised 07.01.2024
Accepted 15.01.2024

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

(<http://rjep.ru>)

В журнале публикуются оригинальные статьи на русском и английском языках, содержащие результаты фундаментальных и теоретико-прикладных исследований в области психологии и педагогики, а также обзорные статьи ведущих специалистов по тематике журнала.

Требования к оформлению статей

Объем рукописи	15–24 страницы формата А4, включая таблицы, иллюстрации, список литературы; для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук – 7–10.
Поля	все поля – по 20 мм
Шрифт основного текста	Times New Roman
Размер шрифта основного текста	14 пт
Межстрочный интервал	полуторный
Отступ первой строки абзаца	1,25 см
Выравнивание текста	по ширине
Автоматическая расстановка переносов	включена
Нумерация страниц	не ведется
Формулы	в редакторе формул MS Equation 3.0
Рисунки	по тексту
Ссылки на формулу	(1)
Ссылки на литературу	[2, с. 5], цитируемая литература приводится общим списком в конце статьи в порядке упоминания

**ЗАПРЕЩАЕТСЯ ИСПОЛЬЗОВАТЬ
ССЫЛКИ-СНОСКИ ДЛЯ УКАЗАНИЯ
ИСТОЧНИКОВ**

Обязательная структура статьи

УДК

ЗАГЛАВИЕ (на русском языке)

Автор(ы): фамилия и инициалы (на русском языке)

Аннотация (на русском языке)

Ключевые слова: отделяются друг от друга точкой с запятой
(на русском языке)

ЗАГЛАВИЕ (на английском языке)

Автор(ы): фамилия и инициалы (на английском языке)

Аннотация (на английском языке)

Ключевые слова: отделяются друг от друга точкой с запятой
(на английском языке)

Текст статьи (на русском языке)

1. Введение.
2. Цель работы.
3. Материалы и методы исследования.
4. Результаты исследования и их обсуждение.
5. Заключение.
6. Информация о конфликте интересов.
7. Информация о спонсорстве.
8. Благодарности.

Список литературы

Библиографический список по ГОСТ Р 7.05-2008

References

Библиографическое описание согласно требованиям журнала

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Фамилия, имя, отчество полностью, должность, ученая степень, ученое звание

Полное название организации – место работы (учебы) в именительном падеже без составных частей названий организаций, полный юридический адрес организации в следующей последовательности: улица, дом, город, индекс, страна (на русском языке)

Электронный адрес

SPIN-код в SCIENCE INDEX:

DATA ABOUT THE AUTHORS

Фамилия, имя, отчество полностью, должность, ученая степень, ученое звание

Полное название организации – место работы (учебы) в именительном падеже без составных частей названий организаций, полный юридический адрес организации в следующей последовательности: дом, улица, город, индекс, страна (на английском языке)

Электронный адрес

RULES FOR AUTHORS

(<http://rjep.ru>)

The journal publishes original articles in Russian and English, containing the results of fundamental and theoretical and applied research in the field of psychology and pedagogy, as well as review articles by leading experts on the subject of the journal.

Requirements for the articles to be published

Volume of the manuscript	15–24 pages A4 format, including tables, figures, references; for post-graduates pursuing degrees of candidate and doctor of sciences – 7–10.
Margins	all margins –20 mm each
Main text font	Times New Roman
Main text size	14 pt
Line spacing	1.5 interval
First line indent	1,25 cm
Text align	justify
Automatic hyphenation	turned on
Page numbering	turned off
Formulas	in formula processor MS Equation 3.0
Figures	in the text
References to a formula	(1)
References to the sources	[2, p. 5], references are given in a single list at the end of the manuscript in the order in which they appear in the text

**DO NOT USE FOOTNOTES
AS REFERENCES**

Article structure requirements

TITLE (in English)

Author(s): surname and initials (in English)

Abstract (in English)

Keywords: separated with semicolon (in English)

Text of the article (in English)

- 1. Introduction.**
- 2. Objective.**
- 3. Materials and methods.**
- 4. Results of the research and Discussion.**
- 5. Conclusion.**
- 6. Conflict of interest information.**
- 7. Sponsorship information.**
- 8. Acknowledgments.**

References

References text type should be Chicago Manual of Style

DATA ABOUT THE AUTHORS

Surname, first name (and patronymic) in full, job title, academic degree, academic title

Full name of the organization – place of employment (or study) without compound parts of the organizations' names, full registered address of the organization in the following sequence: street, building, city, postcode, country

E-mail address

SPIN-code in SCIENCE INDEX:

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ВЛИЯНИЕ РЕЛИГИОЗНОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА ПРАВОСОЗНАНИЕ ОБУЧАЮЩЕГОСЯ О.Т. Сланов	7
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРОЕКТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПРЕПОДАВАНИИ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ Л.А. Жебрунова	32
ТЕХНОЛОГИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ У БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ НАЧАЛЬНОГО ОБЩЕГО ОБРАЗОВАНИЯ Г.В. Митина	49
ОРГАНИЗАЦИЯ ОПЫТНО-ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ РАБОТЫ В ПРОФИЛЬНОЙ ГИМНАЗИИ ПО УПРАВЛЕНИЮ ЕГО ИННОВАЦИОННЫМ РАЗВИТИЕМ Г.Н. Киселева	62
ПРЕПОДАВАНИЕ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ: ОПЫТ МЕДИЦИНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА А.Ю. Соколова	76
ВЛИЯНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ ВИЗУАЛИЗАЦИИ НА РАЗВИТИЕ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ-МЕДИКОВ В ПРОЦЕССЕ ИХ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ О.М. Ушакова, С.С. Стрельников, А.Л. Каткова, Р.С. Туров	89

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНОЯЗЫЧНОГО ОБРАЗОВАНИЯ КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ ЛИНГВОЦИФРОВОЙ КУЛЬТУРЫ ОБУЧАЮЩИХСЯ В СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ Л.Н. Щербатых	107
БУДУЩЕЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ В КОНТЕКСТЕ ПЯТОЙ КОГНИТИВНОЙ РЕВОЛЮЦИИ И.С. Волежанина	136
АНАЛИЗ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ УЧИТЕЛЕЙ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В УСЛОВИЯХ ОБНОВЛЕННОГО СОДЕРЖАНИЯ ОБРАЗОВАНИЯ А.В. Стафеева	151
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	
ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ КАК ОСНОВА ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ВУЗА: ТЕОРЕТИКО-ЭМПИРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ Т.А. Бусыгина	170
ДОВЕРИЕ И УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ ПОМОЩЬЮ, ПОЛУЧАЕМОЙ ОТ ЗНАЧИМЫХ БЛИЗКИХ И.В. Кузнецова, Э.Ш. Илалова, Ж. Баалбаки, Р.И. Гвоздкова	209
УРОВНИ СИТУАТИВНОЙ И ЛИЧНОСТНОЙ ТРЕВОЖНОСТИ У ЛИЦ СТАРШИХ ВОЗРАСТНЫХ ГРУПП Л.А. Филимонова, Ю.А. Згура, И.И. Барон, В.В. Кусаев, Е.Л. Давыдов, И.А. Алексеев, Р.А. Яскевич	226
АССОЦИАЦИЯ ПРОБЛЕМНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ С ПОКАЗАТЕЛЯМИ ДЕПРЕССИИ ПО ШКАЛЕ HADS У СТУДЕНТОВ МЕДИЦИНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА Р.А. Яскевич, О.Л. Москаленко	251

ПРАВО И ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ: К ПОЗНАНИЮ ОБЩНОСТИ СОЦИАЛЬНЫХ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ФУНКЦИЙ (ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЭТЮД)	
П.Ю. Наумов, С.И. Захарцев	274
ТРУДОВОЙ МЕНТАЛИТЕТ ПОДРОСТКОВ	
О.Н. Финогенова	289
ОСОБЕННОСТИ ПСИХОЛОГИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ МЕЖДУ УЧИТЕЛЯМИ И УЧЕНИКАМИ В КНР	
А.А. Пискун	317
ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ	331

CONTENTS

EDUCATIONAL AND PEDAGOGICAL STUDIES

THE PEDAGOGICAL INFLUENCE OF RELIGIOUS EDUCATION ON THE LEGAL CONSCIOUSNESS OF A STUDENT O.T. Slanov	7
PROJECT LEARNING AND FOREIGN LANGUAGE TEACHING IN HIGHER EDUCATION L.A. Zhebrunova	32
TECHNOLOGY OF FORMING THE FUTURE PRIMARY SCHOOL TEACHERS' PROFESSIONAL COMPETENCIES G.V. Mitina	49
ORGANIZATION OF EXPERIMENTAL WORK IN A SPECIALIZED GYMNASIUM FOR MANAGING ITS INNOVATIVE DEVELOPMENT G.N. Kiseleva	62
FOREIGN LANGUAGE TEACHING AT A NON-LANGUAGE UNIVERSITY: MEDICAL UNIVERSITY EXPERIENCE A.Yu. Sokolova	76
INFLUENCE OF VISUALIZATION TECHNOLOGIES ON THE DEVELOPMENT OF MEDICAL STUDENTS' AUTONOMY IN THE PROCESS OF THEIR PROFESSIONAL TRAINING O.M. Ushakova, S.S. Strel'nikov, A.L. Katkova, R.S. Turov	89
TRANSFORMATION OF FOREIGN LANGUAGE EDUCATION AS A BASIS FOR THE FORMATION OF LINGUODIGITAL CULTURE OF STUDENTS AT SECONDARY SCHOOL L.N. Scherbatykh	107

THE FUTURE OF FOREIGN LANGUAGE TEACHING IN THE CONTEXT OF THE 5TH COGNITIVE REVOLUTION I.S. Volegzhanina	136
ANALYSIS OF THE PROFESSIONAL COMPETENCIES OF PHYSICAL EDUCATION TEACHERS IN THE CONTEXT OF THE UPDATED CONTENT OF EDUCATION A.V. Stafeeva	151
PSYCHOLOGICAL STUDIES	
EXISTENTIAL VALUES AS THE BASIS OF PSYCHOLOGICAL WELL-BEING OF A UNIVERSITY TEACHER: THEORETICAL AND EMPIRICAL ANALYSIS T.A. Busygina	170
TRUST AND SATISFACTION WITH HELP RECEIVED FROM SIGNIFICANT LOVED ONES I.V. Kuznetsova, E.S. Ilalova, J. Baalbaki, R.I. Gvozdokva	209
LEVELS OF SITUATIONAL AND PERSONAL ANXIETY IN OLDER AGE GROUPS L.A. Filimonova, Yu.A. Zgura, I.I. Baron, V.V. Kusaev, E.L. Davydov, I.A. Alekseev, R.A. Yaskevich	226
ASSOCIATION OF PROBLEMATIC USE OF SOCIAL NETWORKS WITH INDICATORS OF DEPRESSION ON THE HADS SCALE AMONG MEDICAL UNIVERSITY STUDENTS R.A. Yaskevich, O.L. Moskalenko	251
LAW AND INTELLIGENCE: TO KNOW THE COMMONALITY OF SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL FUNCTIONS (THEORETICAL STUDY) P.Yu. Naumov, S.I. Zakhartsev	274

WORK MENTALITY OF TEENAGERS

O.N. Finogenova 289

**CHARACTERISTICS OF THE RELATIONSHIP PSYCHOLOGY
BETWEEN TEACHERS AND STUDENTS IN THE PEOPLE'S
REPUBLIC OF CHINA**

A.A. Piskun 317

RULES FOR AUTHORS 331

ДОСТУП К ЖУРНАЛУ

Доступ ко всем номерам журнала – постоянный, свободный и бесплатный.

Каждый номер содержится в едином файле PDF.

OPEN ACCESS POLICY

All issues of the Russian Journal of Education and Psychology

are always open and free access.

Each entire issue is downloadable as a single PDF file.

<http://rjep.ru/>

Подписано в печать 29.02.2024. Дата выхода в свет 29.02.2024. Формат 60x84/16.
Усл. печ. л. 24,36. Тираж 5000 экз. Свободная цена. Заказ RJEP151/024.
Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии «Издательство
«Авторская Мастерская». Адрес типографии: ул. Пресненский Вал, д. 27
стр. 24, г. Москва, 123557 Россия.